М. М. ШТРАНГЕ

Демократическая интеллигенция России в XVIII веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

М. М. ШТРАНГЕ

ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ в XVIII веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1965

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

А. А. Новосельский

ВВЕДЕНИЕ

Историю освободительного движения в России В. И. Ленин делит на три этапа: дворянский — примерно с 1825 г., разночинский, или буржуазно-демократический,— приблизительно с 1861 г. и пролетарский — с 1895 г.[1] Ленин не касается предыстории этого движения, когда в нашей стране еще в XVIII в. возникли и стали развиваться просветительские идеи, направленные против господствовавших феодальных воззрений. В России, как и в других странах, этот период предшествовал освободительному движению, подготовлял его.

Настоящая работа посвящена изучению формирования просветительской деятельности разночинной интеллигенции 50—70-х годов XVIII в. Разночинная интеллигенция быстро росла в эти годы в связи с экономическим подъемом страны, расширявшимися потребностями абсолютистско-бюрократического государства. Стране необходимы были специалисты, люди умственного труда в области промышленности, медицины и различных точных и прикладных знаний, которые не привлекали дворян. Поэтому аудитории открывавшихся тогда Академического университета в Петербурге (1748 г.), Московского университета (1755 г.), Академии художеств (1758 г.) и четырех медико-хирургических школ заполнялись выходцами из неимущих слоев населения, в основном лицами, не положенными в подушный оклад и причислявшимися в то время к разряду разночинцев.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

Со второй половины 60-х годов в связи с обострением классовой борьбы правящие круги начали наступление против разночинной интеллигенции и к концу 70-х годов вытеснили ее из центральных государственных учреждений, со страниц печати и тормозили ее просветительскую деятельность. Этим и определяются рамки исследования: 50—70-е годы XVIII в.

В настоящей работе представлены не все группы, составлявшие разночинную интеллигенцию. Состав разночинной интеллигенции в 50—70-х годах XVIII в. был довольно значительным и разнообразным; достаточно вспомнить имена ученых, зодчих, деятелей изобразительного искусства, актеров, лекарей и т. п. Однако мы не располагаем материалами, характеризующими образ мыслей всех слоев интеллигенции. Задача, которая ставится здесь, состоит в том, чтобы органически связать процесс формирования разночинной интеллигенции с развитием ее идеологии. Поэтому основное внимание в работе уделено тем ее представителям, кто творчески участвовал в идеологическом движении, оставил после себя письменные памятники, отразившие взгляды и стремления их авторов. Главным образом ими оказались воспитанники Академического университета в Петербурге, Московского университета и в меньшей мере Академии художеств и медико-хирургических школ.

Все эти высшие учебные заведения с самого начала их возникновения быстро превращались в центры науки и очаги просветительских идей. Еще в университетских и академических стенах представители разночинной интеллигенции, естественно, проникались новым мировоззрением, верой в разум, в знания и ненавистью к средневековому обскурантизму. Дух Просвещения они несли с собой из студенческих аудиторий в трудовую жизнь, неизбежно вступая в конфликт с окружающей их средой, с носителями господствовавшей феодально-крепостнической идеологии. В своей служебной деятельности эта складывавшаяся интеллигенция неизбежно была предназначена для обслуживания абсолютистского государства, нужд господствовавшего класса — дворянства. В этом заключалось одно из противоречий, характерных для той эпохи.

Сложность идеологических процессов состояла еще в том, что взгляды и суждения отдельных представите-

лей разночинной интеллигенции по ряду важнейших вопросов в области политики или философии были различными. Они отражали настроения разных, порой антагонистических групп населения, имущих и неимущих, нарождавшейся буржуазии и трудовой части общества. Однако все они вслед за Ломоносовым глубоко верили в преобразовательную силу знаний и считали своим гражданским долгом всемерно содействовать их распространению. Они оставили ряд оригинальных произведений, но особенно много поработали над переводом зарубежной литературы. Известно, какую огромную роль играли переводы в начале просветительского движения и на Западе. Русские переводчики обращались к произведениям античности, Возрождения и современной им эпохи Просвещения.

Деятельность разночинцев в 50—70-е годы XVIII в. можно рассматривать как начальный период эпохи Просвещения в России. Его участники прежде всего критиковали феодальную идеологию, но оставляли в стороне практические требования. Так, крестьянский вопрос, являвшийся главным содержанием классовой борьбы в России, не нашел у них радикального решения. Больше того, некоторые из них, получая дворянство, использовали и связанные с этим привилегии. Такие противоречия были свойственны многим их современникам, в том числе и крупнейшим представителям эпохи Просвещения на Западе. Вольтер, например, будучи борцом против феодальной идеологии, в то же время боялся народных движений и в ряде своих исторических работ высказывался за сохранение для народа «страха наказания» и образа «карающего бога». А демократ Руссо, провозгласивший право людей на насильственное обуздание угнетателей, в своих «Соображениях о правлении в Польше» говорил, что рабов надо сначала воспитать, а затем уже освобождать. Конечно, это ни в какой мере не умаляет великих заслуг французских просветителей перед человечеством, но говорит о сложности идеологических процессов, протекавших в условиях и под воздействием давно уже сложившихся порядков и традиций феодального общества. В России эти трудности были отнюдь не меньшими.

Исследования истории русской общественной мысли XVIII в. в прошлом главным образом строились на бо-

гатом литературном наследстве дворянства — господствующего класса феодального общества. Что же касается литературной деятельности разночинной интеллигенции, выражавшей нужды и чаяния непривилегированной части населения, то она мало освещена в дооктябрьской историографии, за исключением лишь немногих наиболее крупных деятелей разночинной интеллигенции XVIII в. Между тем ее значение, несомненно, было существенным для дальнейших судеб русской общественной мысли.

Забвение, в котором оказались разночинная интеллигенция тех лет и ее просветительская деятельность, имеет свои причины. Во-первых, в 70-х годах XVIII в. самодержавие стало вытеснять разночинную интеллигенцию из общественной жизни страны, что привело к нарушению связей этой интеллигенции с последующим ходом развития русской общественной мысли. Во-вторых, плеяда талантливых представителей дворянства 80-х годов, завещавшая последующим поколениям богатое литературное наследство, оставила как бы в тени тружеников пера предшествовавшего периода, хотя сама испытала на себе их идейное влияние. В-третьих, нищета и лишения, в которых жило и трудилось большинство представителей разночинной интеллигенции, помешали сохранению их личных архивов и вообще сведений о них.

Однако за последние годы молчание вокруг разночинной интеллигенции 50—70-х годов XVIII в. было нарушено несколькими ценными исследованиями, касающимися основных очагов ее возникновения. К ним относятся книги М. Т. Белявского «М. В. Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955), где говорится о формировании разночинной интеллигенции; Б. Н. Палкина «Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники» (М., 1959) и Е. С. Кулябко «М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук» (М.—Л., 1962), посвященная жизни и деятельности учеников Ломоносова из Академического университета в Петербурге. Большой интерес представляет трехтомная публикация «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века» (М., 1960—1963), в частности приложенный к каждому тому именной указатель воспитанников

университета — итог большой исследовательской работы Н. А. Пенчко. Кроме того, двум представителям разночинной интеллигенции были посвящены интересные исследования: С. А. Покровского «Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого» (М., 1955) и Ю. Я. Когана «Просветитель XVIII века Я. П. Козельский» (М., 1958). Ряд статей был опубликован о Д. С. Аничкове, А. Я. Поленове, И. А. Третьякове и некоторых других.

Главным объектом настоящей работы являются воспитанники высших учебных заведений, «ломоносовское племя», пропагандисты знаний и идей эпохи Просвещения. В первой главе речь идет о социальном происхождении этой интеллигенции; во второй — об обстановке, в которой она училась, приобретала знания и расширяла свой кругозор. Четыре последующие главы посвящены изучению основных центров, где протекала служебная деятельность этой интеллигенции: педагогическая — в кадетских корпусах, административная — в Сенатской канцелярии и научная — в Академии наук и в Московском университете. Наличие при этих учреждениях типографий значительно облегчало развитие просветительской деятельности. В седьмой главе говорится, насколько это допускают использованные источники, о связях писателей и переводчиков из разночинной интеллигенции с читателями и, в частности, с представителями нарождавшейся русской буржуазии. Наконец, в последней главе рассказывается о насильственных мерах, которые самодержавие применяло для подавления разночинной интеллигенции.

Материал, послуживший для написания этой работы, в основном можно разделить на две группы. К первой относятся рукописные и печатные документы, почерпнутые из архивных фондов учреждений, где представители разночинной интеллигенции учились или служили. Этот материал позволил собрать важные конкретные сведения об их происхождении, занятиях и служебной деятельности. Среди рукописных фондов особенно ценными являются фонд Сената и фонд учреждений Академии наук, содержащие богатую документацию. Большой интерес представляют архивы 1-го и 2-го кадетских корпусов и Морского корпуса, в которых преподавали многие разночинцы. Ряд сведений был почерпнут из архивного фонда Академии художеств.

Из печатных собраний документов особо следует отметить важность указанной выше публикации по истории Московского университета. Это в основном протоколы конференции и некоторые другие документы, охватывающие период с 1755 по 1770 г., случайно сохранившиеся от пожара 1812 г. Много фактических данных содержится в «Сборнике материалов для истории Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования» (СПб., 1864), вышедшем под редакцией П. Н. Петрова. Следует также указать и на пятитомную публикацию Н. И. Петрова «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии» (Киев, 1904—1908), где содержатся сведения о многих воспитанниках высших учебных заведений.

Ко второй группе источников относятся книги, которые писались и переводились представителями разночинной интеллигенции в 50—70-х годах XVIII в. Переводы в большинстве случаев сопровождались предисловиями и примечаниями переводчиков. Все эти издания отражают философские и политические взгляды их авторов или переводчиков. Наибольший интерес представляют оригинальные сочинения. К сожалению, число их было невелико, хотя стремление к литературному труду среди разночинной интеллигенции было большим; можно предположить, что многое из написанного ими не дошло до нас. Затем идут переводные книги: учебники по математике, физике, химии, медицине, геодезии. Однако больше всего книг посвящено политике, истории, философии. Вся эта весьма значительная книжная продукция раздвигала умственные горизонты разночинной интеллигенции и указывала на направленность интеллектуальных запросов ее представителей. В конце работы приведен систематический перечень важнейших написанных и переведенных книг.

За ценные советы и сведения приношу глубокую благодарность М. Т. Белявскому, Л. Г. Бескровному, Ю. Я. Когану, И. Г. Королевой, Е. С. Кулябко, С. Ф. Лесенкову, А. А. Новосельскому, И. И. Сиволап, Г. П. Штормy, а также сотрудникам библиотеки Института истории АН СССР и Отдела редких книг Государственной библиотеки им. В. И. Ленина.

Глава первая

СОСТАВ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

XVIII в. в Европе был временем нарастающего конфликта между феодально-абсолютистским строем и поднимавшейся буржуазией. Шел процесс расшатывания феодальной системы сначала в области экономики, а затем и идеологии. В первом случае это выражалось в усилении так называемого первоначального накопления, когда, с одной стороны, все больше непосредственных производителей отрывалось от средств производства, а с другой — все большие денежные капиталы вкладывались в него, и таким образом создавались условия для развития буржуазных отношений; во втором — в огромном движении умов, вошедшем в историю под названием Просвещения, когда идеологи молодой буржуазии с рациональных позиций низвергали идейные устои феодализма, не оправдавшие себя перед судом разума.

Условия возникновения и развития нового капиталистического уклада в отдельных странах Европы были далеко не одинаковы, что и определило неравномерность его вызревания. Россия на рубеже XVIII в. в силу объективных исторических причин оказалась в числе отсталых стран. Преобразования Петра I, вытекавшие из всего хода развития предыдущего периода, были направлены на преодоление этого отставания. Реформы коснулись самых различных сторон жизни: производства, торговли, финансов, государственного аппарата, науки, армии, быта, словом, всего, кроме общественной системы — феодально-крепостнических порядков.

В течение XVIII в. в России произошли коренные изменения в сфере сельскохозяйственного и промышленного производства. Они выразились прежде всего в социальном расслоении деревни, образовании рынка наемного труда для производства, накоплении денежных капиталов и возникновении частного предпринимательства [1].

Академик Н. М. Дружинин пишет, что «скачок в развитии производительных сил, пережитый Россией в первой половине XVIII в., оказался недостаточно сильным, чтобы нанести мощный удар феодальному строю, разложив и подорвав его устои. Но и ростки капитализма не были убиты институтом крепостничества...» Н. М. Дружинин считает, что «уже с 60—70-х годов XVIII в. можно говорить о наличии буржуазной системы хозяйства в недрах феодально-крепостнического строя» [2]. В другом месте он высказывает мнение, что именно 60-е годы XVIII в. были периодом, «когда на основе новых экономических процессов рождается новая буржуазная идеология...» [3]

Собранный в настоящей работе материал подтверждает этот вывод Н. М. Дружинина. Именно в 60—70-х годах среди русской разночинной интеллигенции возник рационалистический образ мыслей, который будил умы к критической переоценке существовавших феодально-крепостнических порядков, понятий и взгля-

---

[1] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.— Л., 1950; П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М., 1958; Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII века. М., 1957; Е. И. Индова. Дворцовое хозяйство в России в первой половине XVIII века. М., 1964; Е. И. Заозерская. Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60-е годы XVIII в. М., 1960; Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962; Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958; Ю. Р. Клокман. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII в. М., 1960.

[2] Н. М. Дружинин. Генезис капитализма в России. Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме. М., 1955, стр. 18—19, 24.

[3] Н. М. Дружинин. О периодизации истории капиталистических отношений в России.— «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 74.

дов. Рождалась буржуазная идеология, созвучная идеям эпохи Просвещения.

Формирование этой разночинной интеллигенции было обусловлено всем ходом экономического, общественного и политического развития России в XVIII в. Перед лицом неуклонно усиливавшегося крепостного права и его несоответствия росту производительных сил резко обострилась классовая борьба. Ширились крестьянские движения, принимая все более угрожающий и затяжной характер. Для более эффективного воздействия на народные массы правящие круги укрепляли административный аппарат путем его расширения и централизации. Сложная система управления была целиком в руках дворянской бюрократии, безраздельно господствовавшей как в центре, так и на местах.

■

Достигнутые успехи в промышленности, особенно в тяжелой, разветвленность и централизация государственного управления создание регулярной армии и военно-морского флота и, наконец, общее культурное развитие страны ставили перед правящими кругами неотложные задачи в области просвещения. Нужны были учебные заведения нового типа, где преподавались бы различные естественнонаучные дисциплины. Прежде всего эти знания были необходимы дворянам как представителям господствовавшего класса, перед которым стояли сложные задачи руководства страной на новом этапе ее развития.

В первой четверти XVIII в. были открыты: школа математических и навигационных наук в Москве, Инженерная и артиллерийская школа и Морская академия в Петербурге и несколько других. В 50-х годах эти школы были реорганизованы и объединены; одни в Морской шляхетный кадетский корпус (1752 г.), другие в Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус (1758 г.). С самого начала эти школы, а затем и кадетские корпуса носили строго сословный характер; в них готовили молодых дворян к военной службе.

В 1732 г. в Петербурге был открыт Сухопутный шляхетный кадетский корпус, ставший в известной мере колыбелью дворянской интеллигенции. Наряду с преподаванием военных наук в нем готовили молодых дворян

и к «статской службе». В связи с этим в учебный курс кадетов было введено «политическое и гражданское обучение» [4]. Из стен этого учебного заведения вышли многие крупные политические и литературные деятели, идеологи крепостнического государства и дворянской культуры.

Стремлением господствовавшего класса держать в своих руках административный аппарат объяснялось создание в конце 30-х годов при Сенате специальной школы для обучения дворянских недорослей. Они получали звания коллежских юнкеров и должны были готовиться «ко всем делам в коллегии сущим», с тем чтобы «со временем [их] могли производить в вышние чины по градусам» [5]. В круг их знаний должны были входить общеобразовательные предметы, толкование «указов и прав государств», а также знакомство с практикой делопроизводства в различных коллегиях и канцеляриях, к которым они причислялись. Однако молодые дворяне не проявляли склонности к гражданской службе, предпочитая ей военное дело; в коллежские юнкера преимущественно шли малоимущие дворяне. Они не оправдали возложенных на них надежд: приспособляясь к окружающей среде, они вскоре переставали отличаться от мелких чиновников, приобретая все присущие им свойства. В начале 60-х годов юнкерская школа при Сенате была закрыта из-за отсутствия «в оной довольного числа учителей». Кроме того, «юнкера большею частью занимались письменными канцелярскими делами по повытьям» [6], а не учением.

Между тем, спрос на образованных специалистов возрастал. Стране нужны были люди умственного труда: знающие педагоги, грамотные чиновники, врачи, зодчие, металлурги, геологи, физики, географы, землемеры; словом, нужна была интеллигенция. Дворянство не стремилось трудиться на этом поприще, считая его несовместимым со своим привилегированным положением. Оно видело свое призвание в военной службе,

---

[4] А. Висковатов. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832, стр. 109.

[5] «Генеральный регламент или устав, по которому государственные коллегии, также и все оных принадлежащих к ним канцелярий и контор служители, не токмо во внешних и внутренних учреждениях, но и во отправлении своего чина, подданнейше поступать имеют». СПб., 1766, стр. 28.

[6] ПСЗ, т. XVI, № 11988, § 23.

преимущественно в гвардии, и в занятии командных постов в государственном административном аппарате. Поэтому основной контингент молодых людей, которым надлежало заполнить классы и аудитории открывавшихся в 50-х годах непривилегированных средних и высших учебных заведений, вышел главным образом из трудовых слоев населения. Из них складывалась разночинная интеллигенция.

Однако и финансовые соображения правящих кругов ограничили сословный состав этой интеллигенции. С введением подушной подати в 1724 г. русское общество разделилось на две категории: податную и служилую. К первой были отнесены крестьянство, составлявшее чуть ли не 95% всего тяглого населения, и посадская община, т. е. купцы, ремесленники и мещане. Во вторую категорию входили дворяне и духовенство, а также еще одна довольно значительная прослойка населения, состоявшая из так называемых разночинцев. К ним относились все те лица, которые не были положены в подушный оклад и не принадлежали к первым двум сословиям.

Правительство было озабочено сохранением полноты тяглоспособности населения и всячески стремилось препятствовать вступлению в различные учебные заведения лицам, положенным в подушный оклад, т. е. прежде всего крестьянам, которых оно стремилось отстранить от образования. Зачисление в учебные заведения рассматривалось тогда как вступление на государственную службу и, следовательно, влекло за собой автоматическое исключение из подушного оклада. Поэтому набор учащихся происходил среди лиц, принадлежавших к некоторым непривилегированным группам населения, не приписанным к посадкой общине. Прежде всего таковыми были дети солдат, матросов, адмиралтейских мастеровых, мелких канцелярских служащих, сторожей, истопников и некоторых других городских жителей, причисленных к разряду разночинцев. Кроме того, сюда же относились в известной мере дети беземельных и неимущих дворян, а также дети церковнослужителей, которым Синод разрешал поступать на гражданскую службу.

Солдатские дети, из которых, пожалуй, больше всего набирали учащихся в средние и высшие неприви-

легированные учебные заведения, составляли особую социальную группу населения. Она появилась в результате петровской военной реформы, приведшей к созданию регулярной армии. Комплектование этой армии велось путем рекрутских наборов. Солдаты набирались пожизненно из податных сословий в возрасте от 20 до 35 лет. Вначале их брали с определенного числа дворов, а после первой ревизии, с середины 20-х годов, с числа податных «душ». Подавляющая часть рекрутов состояла из крестьян, потому что они составляли абсолютное большинство населения, а купечество пользовалось привилегией откупаться от рекрутской повинности. Крестьяне, становясь солдатами или матросами, окончательно выходили из крепостной зависимости и из подушного обложения; но вместе с тем они попадали в другую пожалуй, не менее тяжелую кабалу, каковой являлась бессрочная военная служба. В глазах крестьян отдача в рекруты представлялась одним из самых тяжких наказаний, которым пользовались помещики для избавления от наиболее непокорных крепостных.

Вместе с ростом вооруженных сил участились и рекрутские наборы. С 1726 по 1740 г. было проведено 14 основных и несколько дополнительных наборов, давших армии и флоту около 400 тыс. рекрутов, число которых в последующие годы неуклонно увеличивалось [7]. Наиболее молодые и выносливые из них направлялись во флот и в полевые полки, несшие службу вдоль границы. Остальные зачислялись в гарнизонные полки, предназначенные для более спокойной службы по охране порядка внутри страны. Сюда же переводились и солдаты из полевых полков, когда того требовали состояние их здоровья или возраст. В гарнизонных полках солдаты жили с семьями, лишенными каких-либо средств к существованию; зачастую их жены и дети промышляли на стороне поденной работой или ремеслом. Те из солдат, которые становились непригодными для строевой службы по старости или из-за полученных ранений, выходили в отставку и обычно определялись к каким-либо присутственным местам, гражданским ведомствам и другим учреждениям в качестве рассыль-

---

[7] Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, стр. 33—35.

ных, сторожей, истопников[8]. Они не вносились вновь в подушный оклад и числились разночинцами.

Жены солдат, как и их мужья, освобождались от крепостной зависимости. Одни из них следовали за мужьями, другие оставались на прежних местах в ожидании возможности вновь соединиться с ними. По-видимому, к этим последним относились жены солдат, зачисленных в полевые полки, так как в гарнизонных полках солдаты обычно жили с семьями. Во всяком случае участь солдаток, не последовавших за мужьями, была особенно тяжелой. Оставаясь иногда в течение 10 лет и больше в разлуке с мужьями, не получая от них ни вестей, ни пособия, они должны были своим трудом, а иногда и подаяниями прокармливать себя и свою семью, растить детей.

Судьба их сыновей, «солдатских сынов», как их тогда называли, была принесена в жертву нуждам армии: их тоже ждала бессрочная военная служба. «Солдатские сыны», так же как и их отцы, были освобождены от подушного оклада. Однако это касалось только тех из них, кто родился после вступления их отцов в армию. Родившиеся же до того оставались в сословии, из которого вышли их родители. Это положение было особо подтверждено указом 1744 г.[9] Большинство солдатских детей имело кровные связи с крестьянством: у многих братья и сестры, по-видимому, оставались крепостными.

Правительство стремилось использовать «солдатских сынов» в армии прежде всего для создания обученных и специализированных кадров младшего командного состава. Недостаток в таких специалистах рос по мере того, как увеличивались вооруженные силы и дворянство постепенно освобождалось от своих сословных обязанностей в отношении государственной службы. Еще в 1721 г. Военная коллегия приняла решение открыть при 49 существовавших тогда гарнизонных полках школы для солдатских сыновей в возрасте от 7 до 15 лет, рассчитанные первоначально на 50 человек каждая[10].

---

[8] В. Э. Ден. Население России по пятой ревизии, т. II, ч. 2. М., 1902, стр. 20 и сл.

[9] ПСЗ, т. XII, № 9013.

[10] «Сборник военно-исторических материалов», вып. XVI. СПб., 1904, стр. 143—144.

Эти начальные учебные заведения получили наименование гарнизонных школ. Уровень и характер образования в них определялись практическими нуждами и возможностями армии. Преподавательский состав набирался из старших и младших офицеров; инспекция обеспечивалась комендантами воинских частей. Малолетние дети поступали в начальный класс, где они обучались грамоте и первым правилам арифметики, а также «воинской солдатской экзерциции». В последующем их зачисляли в одну из четырех учебных групп в зависимости от проявленных ими способностей. В первой группе изучали арифметику, геометрию и другие предметы, знание которых было необходимо артиллеристам и служащим инженерных войск. Во второй группе изучали арифметику и словесные науки, нужные воинским писарям и счетоводам. В третьей группе готовили музыкантов на духовых инструментах для военных оркестров, в четвертую определялись не проявившие склонности к наукам молодые люди, которых обучали различным ремеслам [11].

Случайный подбор учителей, не имеющих педагогических навыков, отсутствие самых необходимых учебных пособий делали преподавание в гарнизонных школах далеко не совершенным. Тем не менее эти школы сыграли свою роль в распространении начальных знаний среди довольно широкого круга людей. Число учащихся в них неуклонно росло, особенно после указа 1735 г., предписывавшего принимать «солдатских сынов» в любом числе, хотя бы и сверх комплекта [12]. Поэтому если в 1732 г. число учащихся в гарнизонных школах доходило до 4 тыс., то к началу 1773 г. их насчитывалось 10 313 человек [13].

Состав учащихся гарнизонных школ довольно точно был определен указом 1732 г., в котором говорилось о приеме в эти школы детей «офицерских не из шляхетства, також драгунских и солдатских и прежних служб, а именно: рейтерских и городовых казаков, стрельцов, приставов, рассыльщиков и прочих служилых, всяких

---

[11] «Сборник военно-исторических материалов», вып. XVI, СПб., 1904, стр. 145—146.

[12] ПСЗ, т. VIII, № 6767.

[13] «Сборник военно-исторических материалов», вып. XVI, стр. 143—144, 167.

чинов людей»[14]. Кроме того, туда же принимались дети разорившихся дворян, служивших в солдатах. Позднее подобные случаи приема участились: так, в 1744 г. при проведении второй ревизии были обнаружены в Архангелогородской губернии бедные дворяне, не имевшие ни крестьян, ни земли, детей которых было положено зачислить в гарнизонные школы[15]. Таким образом, за парты, рядом с «солдатскими сынами» стали садиться и дворянские недоросли. Но это обстоятельство ни в какой мере не меняло демократического состава гарнизонных школ и лишний раз подчеркивало расслоение в рядах привилегированного класса.

Близкими к «солдатским сынам» по своему происхождению и общественному положению были дети мастеровых и работных людей адмиралтейства. В то время, когда создавалась регулярная армия, строился военно-морской флот, необходимый для решения важнейших внешнеполитических задач, вставших перед Россией после ее выхода к Балтийскому и Черному морям. Так же как и солдаты для армии, мастеровые и работные люди для судостроительных верфей комплектовались из рекрутов и путем переселения местных умельцев с семьями в города, где были расположены кораблестроительные верфи. Правительство, озабоченное созданием флота, всемерно содействовало обеспечению судостроительства знающими мастерами и физически здоровой рабочей силой. В ряде указов и постановлений настоятельно предписывалось из всех сельских районов и посадов переселять «с женами и детьми на вечное житье» умельцев, пригодных для судостроения[16]. Причем переселенные умельцы и их сыновья исключались из подушного оклада на тех же основаниях, что и рекруты: они освобождались «от всяких податей и получали заработную плату»[17]. Иными словами, они переходили в служилую категорию населения и становились разночинцами.

---

[14] ПСЗ, т. VIII, № 6188.

[15] Там же, т. XII, № 9013.

[16] «Описание дел архива Морского министерства», т. 1. СПб., 1877, стр. 388.

[17] Ф. Ф. Веселаго. Краткая история русского флота, вып. 1. СПб., 1893, стр. 68.

Тысячи крестьян и сотни ремесленников с семьями из различных деревень и посадов стекались главным образом в Петербург, а также в другие города, где возникали судостроительные верфи. Из Белозерского, Пошехонского, Новгородского уездов шли бочары, из Звенигорода, Ростова, Холмогор — плотники, из Старой Руссы, Киева, Новгорода — кузнецы, из-под Воронежа и из Казани — столяры и резчики, из Рижской губернии — прядильщики, из Киевской губернии — разные ремесленные люди и т. п.[18] Такой порайонный профессиональный набор умельцев свидетельствовал о степени разделения труда, до которого дошла к тому времени рабочая сила в России.

Каждая верфь представляла собой целый комплекс различных предприятий, необходимых для строения кораблей. Главным центром судостроения был Петербург, насчитывавший пять верфей, спустивших на воду около $^{1}/_{3}$ всех кораблей, имевшихся в русском флоте в первой половине XVIII в. Самой крупной и технически наиболее усовершенствованной из них была Адмиралтейская верфь, где в 20-е годы работало свыше 10 тыс. мастеровых, матросов, работных людей и пр.[19]

В целях обеспечения преемственности и дальнейшего повышения квалификации в судостроительной промышленности при адмиралтействе были созданы специальные школы, которые получили название «русских». В одном из указов 1718 г. особо подчеркивалось назначение этих школ для «плотничьих, матросских, кузнечных и прочих мастерств мастеровых людей детей и братья и свойственников...»[20] По-видимому, речь идет о родственниках, входивших в семью переселенного мастерового и вместе с ним выбывших из подушного оклада. В «русских» школах учились дети от 5 до 16 лет; так же как и в гарнизонных школах, они изучали русский язык, арифметику, геометрию и некоторые специальные предметы, связанные с судостроением и мореплаванием. «Русские» школы создавались в городах, где име-

[18] «Описание дел архива Морского министерства», т. 1, стр. 388—389.

[19] «Очерки истории Ленинграда», т. I. М.— Л., 1955, стр. 58 и сл.

[20] А. А. Буров. Петербургские «русские» школы и распространение грамотности среди рабочих в первой половине XVIII в. Л., 1957, стр. 16.

лись верфи: с 1719 по 1734 г. их было открыто 10, причем в 9 из них в 1732 г. обучалось 645 человек. В Петербургской «русской» школе, например, в 1724 г. было 164 учащихся, из них детей адмиралтейских мастеровых — 106, детей солдат морской службы и матросов — 43, детей прочих судостроительных служащих — 15. В Кронштадтской «русской» школе в те же годы училось 90 человек, из них детей мастеровых — 23, детей солдат и матросов — 65, «писарских» детей — 2 [21].

Существование «русских» школ, так же как и гарнизонных, значительно облегчило задачу дальнейшего развития в России среднего и высшего образования. Многие из учеников этих школ впоследствии продолжали свое образование в гимназиях и университетах.

Дети солдат и адмиралтейских мастеровых принимались также в особые классы для разночинцев, созданные при дворянских кадетских корпусах. Там из них готовили педагогов для младших классов кадетских корпусов, а также «для пополнения ими унитер-офицерских, кондукторских или мастерских должностей» [22]. В этих классах учебная программа была шире, чем в гарнизонных или «русских» школах. Кроме арифметики, геометрии и русского языка, в них изучали историю, географию, механику, основы физики, а также основы французского и немецкого языков. Созданные для детей солдат и мастеровых условия жизни в кадетских корпусах были осложнены тем неравноправным и унизительным положением, в которое они были поставлены по отношению к кадетам-дворянам. Так, в Морском шляхетном кадетском корпусе, «кроме учения в классах, эти ученики должны были прислуживать при кадетском столе» [23]. По-видимому, и в других двух кадетских корпусах обстановка для них была приблизительно такой же. В Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе набранные из разночинцев классы вошли в «Соединенную солдатскую школу» [24]. В Сухопутном шляхетном кадетском корпусе их

[21] Там же, стр. 12, 18—19, 51.

[22] «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса». СПб., 1862, стр. 82.

[23] Ф. Ф. Веселаго. Очерки истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852, стр. 146.

[24] «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса», стр. 99.

именовали «гимназическими учениками»[25]. Их число в разное время и в разных корпусах было различным — от 50 до 150.

В то же время открывались и некоторые другие учебные заведения, где обучались грамоте и арифметике дети трудовых слоев населения. В 30-х годах XVIII в. были созданы так называемые конюшенные школы, находившиеся в ведении Дворцовой конюшенной канцелярии, управлявшей государственными конными заводами. Эти школы предназначались для детей от 6 до 16 лет, родители которых работали на этих заводах. В Хорошевской школе под Москвой, например, в 1750 г. обучалось 158 человек, из которых 134 были сыновьями дворцовых конюхов, а остальные — детьми служащих завода[26]. Еще в 20-х годах XVIII в. стали открываться начальные заводские школы на Урале для обучения детей мастеровых. В 1737 г., например, в этих школах обучалось 654 подростка[27].

Отдельные школы возникали в Петербурге и в Москве по инициативе передовых людей того времени; в них готовили преподавателей для высших и средних школ из числа непривилегированных сословий. В 1721 г. горячий сторонник петровских преобразований Феофан Прокопович открыл в своем доме в Петербурге общеобразовательную школу, предназначенную для «сирот и бедных детей всякого звания». Школа просуществовала до 1738 г. и дала знания 160 юношам из городских низов[28]. В Москве в 1749 г. известным зодчим Д. В. Ухтомским была открыта Архитектурная школа, которая в течение 50-х годов подготовила ряд выдающихся специалистов[29].

■

Известное значение в развитии среднего и высшего образования в России имели духовные школы. Они

---

[25] А. Висковатов. Указ. соч., стр. 37.

[26] С. И. Волков. Хорошевская конюшенная школа в 30—40-х годах XVIII века.— «Исторические записки», № 38, стр. 277.

[27] Н. В. Нечаев. Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII столетия. М., 1944, стр. 47.

[28] И. Чистович. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868, стр. 631, 633.

[29] А. Михайлов. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. М., 1954, стр. 243 и сл.

носили узкосословный характер. Когда правительство осуществляло свои финансовые реформы, оно исключило из подушного оклада не только всех церковнослужителей, но вместе с ними и их сыновей. Занося их в служилую категорию населения, власти в то же время возлагали на них обязанности, вытекавшие из «Духовного регламента», утвержденного в 1721 г. Суть этих обязанностей сводилась, между прочим, и к тому, чтобы разъяснять населению необходимость правительственных мероприятий. Указы 1730 и 1737 гг. предписывали учредить духовные школы во всех епархиях и обучать в них сыновей церковнослужителей, «дабы от них польза государству и отечеству впредь быть могла»[30].

Начиная с 30-х годов, духовные школы стали именоваться семинариями, т. е. средними учебными заведениями, в отличие от ранее существовавших начальных архиерейских школ. Дети принимались туда в возрасте от 10 до 15 лет, уже обученные грамоте. Срок учения был рассчитан на 8—12 лет, хотя на деле в силу неподготовленности учащихся и слабо разработанной программы учебного курса семинаристы учились гораздо дольше, оставаясь по нескольку лет в одном классе. Вся система образования в семинариях была заимствована из Киевской академии, где она вырабатывалась под воздействием западных латино-католических учебных заведений. В основу этой системы были положены схоластический метод обучения и латинский язык.

В течение всего многолетнего пребывания в семинариях ученики зубрили формы латинской речи и богословские изречения. В младших классах они обучались латинской грамоте и первым основам грамматики. Три последующих класса были целиком посвящены изучению грамматических правил синтаксиса и «регул» латинского стихосложения. Затем шел класс риторики, в котором преподавалось красноречие, необходимое будущим проповедникам. При этом широко использовалась зубрежка речей и диалогов римских ораторов, прежде всего Цицерона. Наконец, последними классами были классы философии и богословия. В них учащиеся знакомились с философией Платона, искаженным

---

[30] ПСЗ, т. VIII, № 7385.

в средние века учением Аристотеля и со схоластическим учением Фомы Аквинского.

В результате такой учебной программы семинаристы получали ограниченные и односторонние знания, но зато отлично усваивали латинский язык. Сохранившиеся собственноручные записи семинаристов Тверской семинарии 60-х годов XVIII в. свидетельствуют об их превосходном владении латынью и сравнительно слабом знании русского литературного языка [31].

Именно эта сторона получаемых семинаристами знаний особенно ценилась Академическим университетом, медицинскими школами, а с 1755 г. и Московским университетом. Все эти высшие учебные заведения испытывали крайнюю нужду в сколько-нибудь обученной молодежи, владевшей латынью, на которой преподавалась в то время значительная часть предметов. Руководство этих учебных заведений постоянно обращалось в Синод с требованиями о предоставлении им определенного числа семинаристов, преимущественно из тех, кто доучился до класса философии или риторики. Историк духовных школ в России П. Знаменский отмечал в этой связи, что «желающих в медицинскую и в другие светские науки находилось всегда довольно, потому что с развитием замкнутости духовного сословия это был единственный честный и выгодный выход из него для всех, кто чувствовал себя нерасположенным к духовной службе» [32]. Поэтому вызовы из высших учебных заведений в какой-то мере сокращали число учащихся семинарий, особенно в старших классах. Так, в Славяно-греко-латинской академии в Москве в 1738 г. обучалось 460 человек, из них в классах философии и богословия числилось всего 24 человека [33]. В том же году в Киевской академии из 444 учащихся только 47 человек числилось в двух старших классах [34]. Аналогичное положение было и в семинариях, где имелись классы философии и богословия.

[31] В. Колосов. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889, стр. 124.

[32] П. Знаменский. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881, стр. 371.

[33] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, стр. 181.

[34] «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии», отд. II, т. I, ч. II. Киев, 1904, стр. 268—269.

В начале 40-х годов XVIII в. в России уже насчитывалось 17 духовных семинарий, в которых обучалось более 2500 юношей, а в 1764 г. — 26 с 6 тыс. учащихся [35]. Наиболее крупной из духовных школ в первой половине XVIII в. была Киевская академия. После 30-х годов в ее стенах постоянно училось несколько сот человек, проходивших семинарский курс, причем общеобразовательные предметы — история, география, математика, основы физики и пр. — приобретали в нем все большее значение. Кроме латыни и греческого языка, здесь изучали и живые языки: польский, немецкий, а после 1753 г. и французский [36]. Дух времени начинал проникать в старшие классы, и на столах семинаристов рядом с книгами средневековых схоластов стали появляться сочинения Декарта и Ньютона, прокладывавшие путь к рационалистическому образу мыслей. Но, конечно, это не меняло общего схоластического характера преподавания.

Влияние Киевской академии было большим; чуть ли не все ректоры и префекты духовных учебных заведений того времени были ее питомцами. В Московской славяно-греко-латинской академии из 18 ректоров и 24 префектов, сменившихся с 1701 по 1761 г., 14 ректоров и 20 префектов приехали из Киева [37]. В течение этого времени Киевская академия передала семинариям около 170 учителей и наставников [38].

Вторым по значению духовным учебным заведением была Московская славяно-греко-латинская академия. В 40—50-х годах XVIII в. в ней числилось несколько сот учащихся, проходивших семинарский курс, составленный по образцу Киевской академии [39]. В те же годы преуспевал и Харьковский коллегиум с полным семинарским курсом обучения. В нем уделялось особое внимание общеобразовательным предметам и изучению живых европейских языков. Число учащихся в

[35] П. Знаменский. Указ. соч., стр. 185.

[36] В. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. II. Киев, 1856, стр. 176—177.

[37] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, стр. 195 и сл.

[38] «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии», отд. II, т. I, ч. II, стр. XVIII.

[39] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии, стр. 180.

Харьковском коллегиуме было значительным для того времени и достигало нескольких сот человек [40]. Некоторые семинарии, такие, как Троицкая, Невская, Казанская и др., также упорядочили обучение в старших классах. Туда направляли своих лучших воспитанников другие семинарии для прохождения классов философии и богословия [41].

По мере развития духовных учебных заведений усиливалась в них и сословная замкнутость. Так, в 1748 г., когда в Славяно-греко-латинскую академию поступил очередной вызов семинаристов старших классов недуховного звания для медицинской школы в Москве, таковых оказалось всего лишь восемь человек, остальные были дети церковнослужителей [42]. Некоторое исключение представляли лаврские семинарии — Троицкая под Москвой и Невская в Петербурге. В них наряду с детьми церковнослужителей обучались и дети монастырских служащих: приказных, подьячих, мастеровых, сторожей и пр. В Невской семинарии в 1748 г. из 50 учащихся 20 были детьми лаврских служащих [43], в Троицкой семинарии их насчитывалось 92 [44].

Однако основную массу семинаристов составляли дети сельских попов, дьяконов, пономарей, причетников и т. д. Их родители, сельские церковнослужители, составляли наиболее многочисленную и неимущую часть духовенства. В своем быту и труде они порой мало чем отличались от крестьян. Дети сельского духовенства, попадая в семинарии, продолжали терпеть нужду и лишения, получая гроши на свое пропитание. Многие из них учились и прирабатывали себе на жизнь: одни давали частные уроки или переписывали книги, другие шли в услужение к состоятельным людям или нанимались на черную работу.

---

[40] А. С. Лебедев. Харьковский коллегиум как просветительский центр слабодской Украины до учреждения в Харькове университета. М., 1885, стр. 20.

[41] С. Смирнов. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867, стр. 234.

[42] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XI, т. 22. М., 1963, стр. 581.

[43] И. Чистович. История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857, стр. 45.

[44] С. Смирнов. История Троицкой лаврской семинарии, стр. 26.

Иной состав учащихся был в духовных школах Левобережной Украины, а также в Киевской академии, где в силу определенных исторических причин был более широкий доступ в академию для выходцев из других сословий. В отличие от России Украины не коснулась реформа подушного оклада, существенно повлиявшая на усиление жесткости сословных рамок. Когда в огне освободительной войны с Украины были изгнаны польские магнаты, то там временно была ослаблена феодально-крепостническая зависимость. После своего воссоединения с Россией украинское общество фактически делилось на две основные группы: крестьян, освобожденных от гнета помещиков, и казацкое «товарищество». Оседлое городское население было еще немногочисленным. Местное управление осуществлялось выборным гетманом, резиденция которого находилась в Глухове; сохранялась также выборность и всех должностных лиц, составлявших так называемую казацкую старшину и «значное товариство». Однако вскоре возобновился процесс закабаления крестьянства со стороны казацкой старшины, монастырей и кучки сохранившихся дворян. Этот процесс, длившийся чуть ли не до начала 80-х годов XVIII в., сопровождался захватами и раздачами казацких и крестьянских земель при содействии гетманских универсалов и полковничьих «листов».

Главное значение на Украине получили представители военного сословия — казаки, пожинавшие лавры одержанных побед. Но и в их среде усилилось социально-экономическое расслоение, делившее казачество на антагонистические группы — многолюдную казацкую бедноту, близкую по своему положению к крестьянству, и казацкую старшину, владевшую угодьями, населенными землями, табунами. В руках казацкой старшины находились полковничьи и сотенные «уряды», на которые делилась Украина. К старшине примыкала и группа зажиточных казаков, носивших названия «бунчуковых» и «значных», представители которых занимали административные должности в Глухове, в полках и сотнях. Вместе со старшиной они образовывали привилегированную верхушку украинского общества, пользовавшуюся податными льготами, для которой выборность административных мест становилась

фикцией. Важным событием в утверждении их привилегированного положения явились принятые в Глухове в 1743 г. «Права, по которым судят малороссийский народ». Эти права освобождали их от юрисдикции низших судов [45].

Тем не менее в течение первой половины XVIII в. общественные грани, разделявшие казачество, не были еще достаточно утвердившимися, чтобы помешать свободному переходу из одной группы в другую. Этот переход обосновывался только имущественным положением отдельных лиц и не носил еще правового характера. Поэтому случалось, что члены одной семьи оказывались на противоположных концах общественной лестницы: некоторые члены старшины, получая в свое владение населенные земли, порой находили среди хлеборобов своих родственников [46].

Та же неопределенность была характерна и для состава украинского духовенства, которое только начинало обретать отдельные черты замкнутого сословия. По сложившемуся на Украине обычаю, священники в большинстве случаев избирались прихожанами, причем их выбор мог пасть как на человека духовного звания, так и на простого крестьянина или казака. Как свидетельствует один историк Украины, такие случаи были «повседневным явлением» [47]. В то же время дети церковнослужителей имели полную свободу избирать профессии по своему выбору. А по действующим на Украине порядкам, подтвержденным указом Войсковой генеральной канцелярии 1738 г., «поповские дети и внуки», желавшие служить в казацком войске, принимались как «значковые товарищи» [48]. Но поскольку «Права» 1743 г. относили «значковых товарищей» к числу привилегированных, то и дети священников становились шляхтичами [49].

---

[45] Д. Миллер. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение казацкой старшины в дворянство. Киев, 1897, стр. 8.

[46] В. А. Мякотин. Очерки социальной истории Украины в XVII—XVIII вв., т. I, вып. III. Прага, 1926, стр. 18.

[47] Там же, стр. 20.

[48] «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии», отд. II, т. I, ч. I, стр. 79—81.

[49] «Права, по которым судится малороссийский народ». Киев, 1879, стр. 834—835.

Однако все эти местные постановления, принятые в Глухове, вне Украины имели скорее номинальное значение. В Петербурге Герольдмейстерская контора Сената не учитывала украинских шляхтичей и признавала дворянами только тех из них, которые получали дворянские грамоты на основе «Табели о рангах», служа в регулярных полках или в государственных канцеляриях. На этом основании дети украинских шляхтичей не принимались в шляхетные кадетские корпуса. Это решение было вновь подтверждено указом 1761 г., в котором особо подчеркивалось, что кадетские корпуса учреждены для дворян, а на Украине таковых не имеется [50].

Поэтому главным местом обучения украинского юношества становилась Киевская академия, где состав учащихся хорошо отражал текучесть складывавшихся на Украине сословий. В 1744 г., например, только $^1/_3$ учащихся вышла из семей церковнослужителей, остальные были детьми «значковых товарищей», рядовых казаков, ратушских чиновников и т. д. В большинстве это были дети малоимущей части населения, и нужда заставляла их в течение многих лет учебы изощряться в выискивании на стороне средств к существованию.

В Академии не делалось разницы между теми, кто числился сыном церковнослужителя или просто казаком. Такое положение сохранялось и в последующие годы [51], создавая условия учащимся для более свободного выбора профессии. Этим, по-видимому, и объясняется то значение, которое приобрели в рядах складывавшейся разночинной интеллигенции воспитанники Киевской академии. Многие из них из класса риторики переходили в медицинские школы Петербурга и Москвы. Другие после завершения двухгодичного курса философии поступали в Академический университет или в Московский университет для получения высшего образования.

В высшие и средние учебные заведения Петербурга и Москвы поступали также дети мелких канцелярских служащих, число которых увеличивалось вместе с

[50] Д. Миллер. Указ. соч., стр. 18.

[51] В. Серебренников. Киевская академия с половины XVIII в. до преобразования ее в 1819 г. Киев, 1897, стр. 202.

постоянно разраставшимся административным аппаратом абсолютизма. По своему общественному положению они причислялись к разряду разночинцев и, следовательно, не были положены в подушный оклад. Все они были детьми городской бедноты, вышедшими преимущественно из семей приказных: губернских канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и пр. Их отцы, служа в канцеляриях, не могли питать больших надежд на сколько-нибудь значительное улучшение своего материального и общественного положения. Занимаемые ими должности в большинстве случаев были ниже тех, которые значились в «Табели о рангах», что фактически отнимало у них право числиться государственными чиновниками. Немногим из них удавалось подняться по административной лестнице до получения чина. Вместе с тем один из указов 1726 г. лишал их оклада и предписывал впредь довольствоваться вознаграждениями, получаемыми «по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что даст по своей воле» [52]. В силу этого распоряжения узаконивалось «кормление от дел», как тогда говорили, или, по сути дела, взяточничество. Но и в этом случае мелкие чиновники должны были довольствоваться теми крохами, которые перепадали им от прибылей, получаемых их начальством путем мздоимства и грабежа.

В надежде создать своим детям более обеспеченную жизнь и лучшее положение в обществе они стремились по мере возможности дать им образование. С этой целью они сами учили их грамоте, либо отдавали в довольно распространенные тогда частные школы, состоявшие всего лишь из нескольких человек, которые обычно содержали приходские дьячки или отставные военнослужащие. За ничтожную плату им давали минимум знаний, необходимый для поступления в средние учебные заведения.

Вся эта учащаяся молодежь из гарнизонных, «русских», духовных и других школ в известной мере была той средой, которая в 50-х годах XVIII в. обеспечила гимназический и студенческий состав средних и высших учебных заведений.

---

[52] ПСЗ, т. VII, № 4889.

Глава вторая

ФОРМИРОВАНИЕ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

■

Начало среднему и высшему образованию в России положила Академия наук с ее гимназией и университетом. Смысл петровского проекта устава об учреждении Академии наук сводился именно к тому, чтобы приспособить ее к конкретным условиям и нуждам страны. В России еще не было необходимого числа людей с высшим и средним образованием. Поэтому, говорилось в проекте, Россия, заводя у себя Академию наук, не может «следовать в прочих государствах принятому образцу» и должна «смотреть на состояние здешнего государства как в рассуждении обучающих, так и обучающихся». Задача фактически сводилась к временному сочетанию в этих особых условиях научной деятельности с учебной, с тем, чтобы «не токмо слава сего государства для размножения наук» проистекла бы, но и «чрез обучение и размножение оных польза в народе впредь была»[1].

Такая постановка вопроса означала для Академии наук осуществление «с великой пользою... [того], что в других государствах три разных собрания чинят». Иначе говоря, проект предусматривал объединение научных работ в Академии наук с преподаванием в Академическом университете и Академической гимназии, где детей «в первых фундаментах обучать будут»[2].

---

[1] «Проект положения об учреждении Академии наук и художеств 22 января 1724 г.» — «История Академии наук СССР», т. I. М.— Л., 1958, стр. 429.

[2] Там же, стр. 430.

В результате Академия наук, созданная в 1725 г., вскоре стала одновременно научным центром и центром высшего и среднего образования. Однако если труды русских и иностранных ученых, привлеченных к научной деятельности Академии наук, довольно быстро создали ей всеобщую известность и авторитет, то выполнение ее педагогических планов шло менее успешно. Только после принятия нового регламента 1747 г. фактически стал действовать Академический университет и значительно улучшилось преподавание в Академической гимназии. В частности, в новом регламенте предусматривалось иметь 30 казенных стипендий для студентов университета и 20 для учащихся гимназии. Эти стипендии предназначались для юношей «из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушный оклад» [3]. Таким образом, доступ к образованию для детей крестьян и посадских был закрыт. Что касается дворян, то и их было положено на казенный «кошт» не принимать, «разве из бедных». В то же время поступление в университет или гимназию было свободным для неограниченного числа разночинцев и дворян, желавших учиться на своем иждивении. Эти последние в университете именовались «вольными студентами».

В гимназии намечалось прохождение латинского, греческого, французского и немецкого языков, а также общеобразовательных предметов. После успешного освоения этих знаний учащихся производили в студенты и допускали к слушанию профессорских лекций «на латинском или русском языке, которые имеют быть трех классов, как то: математические, физические и гумaниора» [4], т. е. гуманитарные.

В 1748 г. в Академии наук состоялся первый прием студентов в числе 23 человек. Все они были семинаристами старших классов, поскольку других учащихся с надлежащими знаниями не было. 19 человек из них отобрал В. К. Тредиаковский в Московской славяно-греко-латинской академии и в Новгородской духовной семинарии, остальных привел М. В. Ломоносов из Невской духовной семинарии. Подбор оказался чрезвычай-

[3] «Регламент и штаты Академии наук и художеств. 24 июля 1747 г.» — «История Академии наук СССР», т. I, стр. 443, 444.

[4] Там же, стр. 444.

но удачным. Многие из тех, кто пришел тогда в университет, в дальнейшем прославили себя в науках: Антон Барсов и Николай Поповский стали профессорами, Степан Румовский — академиком, Михаил Софронов — адъюнктом, Филипп Яремский — магистром. Другие же приобрели известность в переводческой или педагогической деятельности: Иван Барков, Павел Веденский, Борис Волков и др.[5] Тогда же усилился прием и в Академическую гимназию: в 1748 г. было принято 48 человек, в 1749 г.—62, в 1750 г.—70[6].

В 1750 г. ректором университета и гимназии был назначен талантливый русский ученый, достойный соратник Ломоносова в деле распространения знаний, академик Степан Петрович Крашенинников (1711—1755 гг.). Крашенинников был «солдатским сыном» и первоначально учился в Московской славяно-греко-латинской академии. В 1732 г. он был взят в студенты Академии наук и на следующий же год отправлен с академиками И.-Г. Гмелиным и Г.-Ф. Миллером в долголетнюю камчатскую экспедицию. Богатейшие итоги работы на Камчатке в области ботаники, минералогии, этнографии он включил в свой труд «Описание земли Камчатки», принесший ему славу. Книга многократно издавалась в России и за границей на английском, французском, немецком и голландском языках. В 1743 г. Крашенинников вернулся в Петербург, в 1745 г. ему было присвоена ученая степень адъюнкта, а в 1750 г.— профессора ботаники. Г.-Ф. Миллер, хорошо знавший Крашенинникова, писал о нем, что «он был из числа тех, кои ни знатною природою, ни фортуны благодеяниями не предпочтены, но сами собою, своими качествами и службою, произошли в люди, кои ничего не заимствуют от своих предков и сами достойны называться начальниками своего благополучия»[7].

Выступая в 1750 г. на одном из торжественных собраний Академии наук, Крашенинников ярко выразил свою приверженность просветительским идеям. «Блаженство и бедность рода человеческого,— говорил он,—

---

[5] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.— Л., 1962, стр. 64, 65.

[6] «История Академии наук СССР», т. I, стр. 299.

[7] Г.-Ф. Миллер. Предисловие к кн. С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», т. I. СПб., 1755.

единственно зависят от разности просвещения разума»[8]. Его приход к руководству Академическим университетом и Академической гимназией ознаменовался заметным улучшением и активизацией педагогической деятельности Академии наук. При нем было налажено изучение студентами «российского штиля», поскольку, взятые из духовных учебных заведений, они «лучше по-латыне пишут, нежели по-русски, и, разумея совершенно латинского автора, силы его не могут выразить на природном языке»[9]. Заботами Крашенинникова усилился преподавательский состав и более тщательным стал отбор поступающих, благодаря чему сократилась текучесть ученического состава. В 1752 г. повысилось число казенных стипендий и было постановлено, что «оно может быть увеличиваемо без определения нормы, если только достаточно будет академических сумм»[10]. В 1753 г. общее число учащихся в гимназии достигло 150 человек, из которых $^1/_3$ составляли казенные стипендиаты[11]. Об их успехах свидетельствует уже тот факт, что в 1754 г. восемь учащихся гимназии были представлены к производству в студенты; среди них был и известный впоследствии юрист «солдатский сын» Алексей Поленов. Переводя их в университет, Крашенинников обещал через полгода подготовить еще 15 учеников, «в студенты годных представиться»[12].

Всего за 15 лет, с 1751 по 1765 г. включительно, в Академической гимназии училось 590 человек. Из них около 80 человек были дворянами, преимущественно из беспоместных, 22 — купеческого звания, 13 — духовного. Самый многочисленный контингент составляли солдатские дети, их было 132 человека. Свыше 80 человек были детьми мелких канцелярских служащих: секретарей, регистраторов, канцеляристов, подканцеляристов, копиистов и т. п. Около 50 человек вышло из

---

[8] С. П. Крашенинников. Речь о пользе наук и художеств, читанная в публичном академическом собрании сентября 5 дня 1750 г. — «Торжество Академии наук... празднование сентября 6 дня 1750 года». СПб., 1750.

[9] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 69.

[10] Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1885, стр. 31.

[11] «История Академии наук СССР», т. I, стр. 299.

[12] Д. А. Толстой. Академический университет в XVIII столетии. СПб., 1885, стр. 44.

семей мастеровых различных специальностей адмиралтейства или Академии наук. Родители остальных в основном составляли пестрый круг людей городской бедноты: тут были 16 дворовых, 9 фельдшеров, 7 сторожей, 4 садовника, 3 конюха, 2 крестьянина и т. п. 93 человека были детьми иностранцев [13]. Конечно, далеко не все учащиеся гимназии переходили в университет. Те из них, кому науки давались с трудом, поступали в академические подсобные мастерские, типографии или шли копиистами в какое-либо ведомство.

■

В 1755 г. умер С. П. Крашенинников, и руководить педагогической деятельностью Академии наук временно стал немецкий историк К.-Ф. Модерах. В 1758 г. вся учебная часть Академии наук была поручена великому русскому ученому Михаилу Васильевичу Ломоносову; ему рекомендовалось иметь «особливое прилежное старание и смотрение, дабы... в университете и в гимназии все происходило порядочно» [14]. Еще в 1745 г. Ломоносов получил степень профессора химии и сразу же оказался в центре всей научной и педагогической деятельности Академии наук. Тогда же им была начата систематическая борьба против царских чиновников от науки за реорганизацию и совершенствование преподавания в академических учебных заведениях. С 1752 г. он сам стал преподавать химию и вел практические занятия в химической лаборатории. Одновременно он читал лекции по стихотворству, придавая огромное значение знанию отечественного языка и силе воздействия поэтического слова.

Круг его интересов был чрезвычайно широк; замечательные работы велись им в области химии, физики, астрономии, геологии, минералогии, географии. Многие из этих исследований касались важнейших проблем естествознания. Этот энциклопедизм гениального ученого был присущ великим мыслителям эпохи Просвещения и имел определенную антифеодальную направленность. «Мы живем в такое время,— говорил Ломоносов,— в которое науки после своего возобновления

---

[13] Архив АН СССР, разр. 1, оп. 70, д. 2, л. 73—120.

[14] «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова». М.— Л., 1961, стр. 289.

в Европе возрастают и к совершенству приходят». Обращаясь к своим современникам-ученикам, он с радостью оповещал их, что «варварские века» остались позади, «в которые купно с общим покоем рода человеческого и науки нарушились и почти совсем уничтожены были...» Воздавая хвалу Декарту, «славному и первому из новых философов», осмелившемуся рассеять средневековый туман в головах людей, Ломоносов выражал ему свою признательность прежде всего за то, что он «ученых людей ободрил против Аристотеля... и против прочих философов в праве спорить и тем самым открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» [15].

Ломоносов, так же как и все другие передовые люди эпохи Просвещения, глубоко верил в разум, в преобразовательную силу знаний, распространением которых он считал возможным исправить «неустройства» общественной жизни. «Разум,— говорил он,— первейшее есть слово..., польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания» [16]. Противопоставляя научные знания религиозным воззрениям, Ломоносов требовал ограждения науки и ее преподавания от нападок богословов. При этом он писал в различных своих трудах об имевшемся несоответствии между выводами научных исследований и церковными книгами, «где ради метафорических выражений с натурою кажется быть не сходственно» [17]. В различных формах он обрушивал свою критику на невежество и косность церковников: в своем знаменитом «Гимне бороде», в то время ходившем в списках по рукам, он изобличал реакционность духовенства, препятствовавшего развитию науки. «Под почтенной поповской бородой скрываются ложь и тупость» — таков был смысл «Гимна бороде» [18]. Вызванный для объяснений в Синод, он говорил там так, что

---

[15] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 1. М.— Л., 1950, стр. 423.

[16] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7. М.— Л., 1952, стр. 394.

[17] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 4. М.— Л., 1955, стр. 373.

[18] Ю. Я. Коган. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962, стр. 178.

церковные иерархи сочли невозможным такое слушать «от доброго и сущего христианина»[19].

Благодаря усилиям и настойчивости Ломоносову удалось подавить сопротивление реакционно настроенных академических чиновников и направить дальнейшую научную деятельность Академии наук по пути органического единства теории и практики, основанного на применении экспериментального метода. «Ныне,— писал он,— ученые люди, а особливо испытатели натуральных вещей, мало взирают на родившиеся в одной голове вымыслы и пустые речи, но больше утверждаются на достоверном искусстве»[20]. Это признание неопровержимости опыта открывало большие возможности перед русской наукой, и Ломоносов приложил много усилий, чтобы расчистить ей путь. «За благополучие наук в России,— писал он,— ежели обстоятельства потребуют, готов не пожалеть всего моего временного благополучия»[21].

Ломоносов выступил с обличением происков некоторых иностранных ученых, тормозивших развитие русской науки, пытавшихся исказить правду и унизить достоинство русского народа. Его гневный голос звучал в академических аудиториях и на страницах его сочинений, разоблачая несостоятельность и антинаучность пресловутой норманской теории о происхождении русского государства и другие исторические и филологические необоснованные теории. При этом Ломоносов не переставал повторять о своей непоколебимой вере в русских людей, которые своим трудом и творческим гением пробудили к жизни великие пространства Европы и Азии. Он прославлял богатство, силу и красоту русского языка и написал первую научную «Российскую грамматику» (СПб. 1755), выдержавшую в течение последующих трех десятилетий пять изданий[22]. На страницах произведений Ломоносова впервые появились термины «сын отечества» или «любитель оте-

---

[19] П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 603.

[20] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. I, стр. 424, 672.

[21] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, М.— Л., 1957, стр. 497.

[22] «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», т. II. М., 1964, стр. 174—175.

чества» — синонимы слова «патриот»[23]. Обращаясь к своим соотечественникам, он призывал их трудиться, овладевать знаниями и на деле доказать, что русская земля может рождать «собственных Платонов» и «быстрых разумом» Ньютонов.

Борьба Ломоносова за расцвет русской науки, его вера в созидательные силы русского народа, в русскую культуру явились вехой в развитии национального самосознания. Большая заслуга Ломоносова заключалась в том, что он в своем творчестве с удивительной прозорливостью ответил на многие злободневные вопросы, которые особенно волновали его современников. В 40—50-х годах XVIII в. передовые русские люди и прежде всего сам Ломоносов верили еще в «просвещенного монарха», способного править в интересах всего народа. В этой концепции, возможно, переплелись популярная тогда западноевропейская теория «просвещенного абсолютизма» и крестьянская вера в «хорошего царя». Образ такого монарха им виделся в Петре I, которому посвящено много восторженных строк в произведениях Ломоносова.

Демократическим духом была проникнута просветительская деятельность великого ученого, не жалевшего ни сил, ни времени для налаживания высшего и среднего образования в Академии наук. Он неутомимо отстаивал право доступа в Академический университет и Академическую гимназию людям всех сословий, включая и крестьян; он порицал составителей академического регламента 1747 г., закрывших двери этих учебных заведений перед теми, кто был положен в подушный оклад. Как будто, говорит он, «Российскому государству великая будет тягость, ежели оно 40 алтын в год потеряет для получения ученого россиянина». Он требовал, чтобы в России было бы так же, как и в других европейских государствах, где «ни единому человеку не запрещено в университетах учиться, кто бы он ни был»[24].

---

[23] Л. В. Крестова. Отражение формирования русской нации в русской литературе и публицистике первой половины XVIII в.— «Вопросы формирования русской народности и нации». М., 1958, стр. 287 и сл.

[24] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 55—56.

Мысли и воззрения великого ученого постепенно становились достоянием широкого круга академической учащейся молодежи. Они зажигали в юных сердцах искры освободительных идей эпохи Просвещения и создавали плодотворную обстановку, в которой проходили их учебные годы. Как великий кормчий Ломоносов объединил вокруг себя эту складывавшуюся разночинную интеллигенцию, людей умственного труда и повел их за собой. Он первым начал читать лекции на русском языке, создавая русскую научную терминологию и значительно расширяя тем самым сферу распространения знаний. Еще в 1747 г. при составлении академического регламента он настоятельно требовал не вводить в университетскую программу богословия и тем самым высвободить студентов из-под опеки церковников. Аналогичные требования им выдвигались и в последующие годы. «Мое единственное желание состоит в том,— писал он в 1760 г.,— чтобы привести в вожделенное течение Гимназию и Университет, откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы» [25].

■

К середине 50-х годов XVIII в. вокруг Ломоносова уже собралась группа талантливых молодых ученых, его учеников и последователей, которые вслед за ним пропагандировали материалистическое понимание законов природы и горячо боролись за развитие русской национальной культуры. Еще в 1751 г. студенты Семен Котельников и Алексей Протасов за успехи в науках получили ученые степени. В 1753 г. еще семь человек были удостоены званий адъюнктов и магистров, в том числе Степан Румовский, Михаил Софронов, Иван Братковский и др.[26]

Ближайшим помощником Ломоносова на педагогическом поприще стал Семен Кириллович Котельников (1723—1806 гг.), назначенный им в 1761 г. на должность инспектора Академического университета и Академической гимназии [27]. Котельников был «солдатским сыном». Обученный грамоте своим отцом, он был отдан в школу к Феофану Прокоповичу, откуда пере-

[25] Там же, стр. 539.
[26] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 75.
[27] Там же, стр. 117.

шел в Невскую духовную семинарию. В 40-х годах XVIII в. вместе с другими семинаристами Котельников был переведен в Академическую гимназию, а год спустя произведен в студенты и слушал лекции у Ломоносова[28]. В 1751 г. после производства его в адъюнкты он был направлен в Берлин к выдающемуся немецкому ученому Леонарду Эйлеру для совершенствования в математических знаниях. Написанная им там диссертация получила одобрение. Вернувшись в Петербург в 1756 г., Котельников был назначен экстраординарным профессором и преподавал в Академическом университете высшую математику.

Свои циклы лекций молодой профессор начинал с защиты позиций, завоеванных наукой в России, и с острой критики бесплодных усилий схоластов, посягавших на ее развитие. Он предупреждал своих слушателей о необходимости «повторять многократно повторенное» и говорить о том, что «издревле были всегда и гонители, были и защитники наук, как то еще и поныне везде больше невеж, нежели наук любителей...» На долю Котельникова выпала защита математических наук «от тех, которые вооружаются против пользы их, а именно против пользы упражнения в чистых математических рассуждениях...» Здесь, по-видимому, речь идет о нападках со стороны церковников, и он объясняет это тем, что «удивительный союз помянутых правд», как он называет математические вычисления, «силен привлещи умы любящих истинную философию»[29], т. е. рационалистический образ мысли.

Кроме лекций, привлекавших большую аудиторию, Котельников занимался множеством других дел, связанных с распространением знаний: он заведовал гимназией, академической библиотекой, кунсткамерой, а также Географическим департаментом. Кроме того, русская учащаяся молодежь была ему обязана первыми русскими учебниками по высшей математике, ускорившими развитие точных наук в России. Среди изданных им руководств особое внимание современников при-

---

[28] М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. III. СПб., 1876, стр. 5.

[29] С. К. Котельников. Слово о пользе упражнения в чистых математических рассуждениях, предложенное в публичном собрании Академии наук сентября 6 дня 1761 г. СПб., [1761], стр. 4, 6.

влекли его учебники по геодезии [30], впервые толковавшие эту науку на русском языке, и по теоретической механике [31], где излагались законы статики и динамики, а также элементы теории сопротивления металлов [32].

Не менее успешно для развития русской науки проходила служебная и просветительская деятельность другого ученика Ломоносова, Алексея Протасовича Протасова (1724—1796 гг.). Он тоже был «солдатским сыном» и вместе с Котельниковым учился сначала в школе у Феофана Прокоповича; потом он перешел в Невскую духовную семинарию, а затем — в Академический университет. Там он слушал лекции Ломоносова и сблизился с ним: он переписывал набело различные его сочинения [33]. Главным предметом занятий Протасова была анатомия, и он посвятил этой науке всю свою трудовую жизнь. В 1751 г. он был удостоен звания адъюнкта и тогда же для совершенствования знаний был послан в Лейденский, а затем в Страсбургский университеты, где и учился, как он сам говорит, «со всевозможным усердием и ревностью» [34]. Восьмилетнее пребывание его за границей завершилось написанием докторской диссертации, которую он защитил во время вторичной поездки в Страсбург в 1763 г. После возвращения в Петербург Протасову было присвоено звание экстраординарного профессора анатомии. Не без некоторых затруднений со стороны академических чиновников — врагов Ломоносова он стал преподавать анатомию в Академическом университете.

Вскоре, кроме университетских занятий, Протасову было поручено заведование академической типографией, гравировальной палатой и некоторыми другими мастерскими. А с 1769 г. в течение долгих лет им выполнялись чрезвычайно кропотливые обязанности секретаря академической канцелярии. Как пишет об этом М. И. Сухомлинов, от Протасова «требовалось некоторого

---

[30] С. К. Котельников. Молодой геодет, или Первые основания геодезии, содержащие в себе все геодетское знание, предложенное вкратце, изъясненное правилами и примерами. СПб., 1766.

[31] С. К. Котельников. Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел. СПб., 1774.

[32] В. Е. Прудников. Русские педагоги-математики XVIII—XIX веков. М., 1956, стр. 74 и сл.

[33] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. III, стр. 84.

[34] Там же, стр. 79.

самоотвержения и значительной силы воли, чтобы трудиться для науки и не быть подавлену массою канцелярских дел, справок, докладов и разного рода официальной переписки»[35].

И все же Протасов оставался верным передовым веяниям своей эпохи, проникшим в среду молодых русских ученых. Вопреки всем трудностям он уделял много сил и времени делу популяризации знаний в России. В этом он видел посильное выполнение своего гражданского долга. «Лучшее мое время,— писал он в 1763 г.,— намерен я употребить на сочинение по силе моей для издания в народ на нашем российском языке всех теоретических частей медицины, чем надеюсь я с моей стороны публике российской больше принести и удовольствия и пользы, нежели малыми... сочинениями»[36]. Здесь речь идет о проектировавшемся тогда Протасовым издании, включавшем все части медицины, по-видимому, что-то вроде общедоступной толковой медицинской энциклопедии.

К сожалению, в силу чрезмерной занятости работой Протасову не удалось осуществить своего замысла, и его лептой в демократизацию знаний явились переведенные им книги венгерского ученого, проживавшего в России, Христиана Пекена: «Домашний лечебник» и «Способ, как сельским обывателям пользовать себя в оспе». Первая из этих книг была рассчитана на популяризацию элементарных понятий о гигиене, диагностике и лечении наиболее распространенных заболеваний. В предисловии Протасов указывал, что книга переведена им «единственно для пользы простого народа», с тем чтобы «простому народу, а особенно жителям отдаленных провинций... подать наставление, каким образом в болезнях своих самому себе помогать»[37]. Книга была снабжена пространными примечаниями переводчика, стремившегося сделать ее более доступной и понятной для неподготовленного читателя. Вторая книга Пекена, переведенная Протасовым, была по-

---

[35] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. III, стр. 83.

[36] Там же, стр. 94.

[37] Х. Пекен. Домашний лечебник, или Простой способ лечения... на российский язык переведен Алексеем Протасовым, Академии наук экстраординарным профессором и доктором медицины. СПб., 1765. Предуведомление.

священа одному из важнейших вопросов здравоохранения того времени, когда оспа являлась страшным бичом, особенно для крестьянства, лишенного необходимых профилактических условий быта и медицинской помощи. Поэтому и указывал Протасов в предисловии, что трудно найти «другое для общества полезнейшее дело, нежели сие, то есть, чтобы простому народу ясным и вразумительным образом на российском языке показать способ, как пользовать себя в оспе» [38].

Стремления распространять в той или иной мере знания в народе были свойственны всему кругу учеников и последователей Ломоносова. Ведь сами они вышли из неимущей среды и прекрасно знали всю важность этой задачи. Будучи современниками эпохи Просвещения, они возлагали огромные надежды на разум, их самих освобождавший от предрассудков. Эти надежды питал и другой ученый, Степан Яковлевич Румовский (1734—1812 гг.), получивший еще в молодые годы общеевропейское признание своими трудами в области астрономии. Румовский вышел из бедной семьи сельского священника. Сначала он учился в Невской духовной семинарии, откуда за свои выдающиеся способности в 1748 г. был переведен в Академический университет, где слушал лекции по физической химии у Ломоносова, считавшего его «способнее других» [39]. В 1754 г. для дальнейшего усовершенствования математических знаний он был послан в научную командировку в Берлин к Леонарду Эйлеру, где уже находился Котельников. По возвращении в Петербург в 1756 г. Степан Яковлевич Румовский вскоре приступил к чтению лекций по теоретической и практической астрономии в Академическом университете. В 1763 г. он получил звание экстраординарного профессора астрономии и ему было поручено заведование астрономической обсерваторией. А три года спустя, в 1766 г., он был поставлен во главе Географического департамента Академии наук.

---

[38] Х. Пекен. Способ, как сельским обывателям пользовать себя в оспе... Переведено Алексеем Протасовым, медицины доктором и анатомии профессором экстраординарным при Академии наук. СПб., 1766. Предызвещение.

[39] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 185.

Большой заслугой Румовского перед современной ему наукой являлись его экспедиции, совершенные в 60-х годах, во время которых он «трудился в наблюдении знатных небесных явлений» [40]. Те из его наблюдений, которые помогли определить долготы и широты отдельных местностей европейской и азиатской России, были особенно примечательными [41]. Всего Румовскому принадлежит свыше 50 научных работ по астрономии, геодезии, физике и математике. Независимо от плохих личных отношений, сложившихся у него с Ломоносовым, Румовский, которого перетянул на свою сторону противник Ломоносова Тауберт, неизменно оставался в первых рядах борцов за русское просвещение. Румовский писал, что «недостаток на российском языке до наук, касающихся книг должно почитать за великое препятствие распространению оных в России» [42]. В этой связи им была издана в 1760 г. «Сокращения математики», в которую вошли арифметика, теоретическая геометрия, тригонометрия и практическая геометрия. Это был курс его лекций, представлявший несомненный интерес для современников; он особо ценился еще потому, что в нем была разработана русская научная терминология.

■

Многим из учеников и последователей Ломоносова в силу тех или иных причин не удавалось получить ученые степени и трудиться на поприще науки. Тем не менее, поступая на третьестепенные должности переводчиков или канцеляристов Академии наук, они продолжали оставаться в первых рядах тружеников пера и своими переводами и сочинениями содействовали популяризации знаний. К числу этих людей принадлежал и Иван Семенович Барков (1732—1768 гг.) — талантливый поэт, литератор и горячий поклонник отечественной истории. Барков был сыном священника. Учиться он начал в Невской духовной семинарии, а в 1748 г., придя к Ломоносову, заявил ему о своем намерении перейти

---

[40] М. И. Сухомлинов. История Российской академии, ч. II. СПб., 1875, стр. 46.

[41] В. Е. Прудников. Указ. соч., стр. 92.

[42] С. Я. Румовский. Сокращения математики. Часть 1, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии. СПб., 1760. Предуведомление.

в Академию наук. На экзамене выявились его исключительные способности и прекрасное знание латыни. Барков был принят студентом в Академический университет, где, помимо других предметов, специально обучался «российскому штилю» у С. П. Крашенинникова[43]. За это время он хорошо овладел французским, итальянским и немецким языками и особенно усердно трудился над разбором древних авторов, многих из которых переводил на русский язык.

Однако острый ум, гражданская смелость и веселый нрав, которыми, по свидетельству современников[44], обладал Барков, не пошли ему впрок. Его легкомысленные стишки и особенно разящие сатиры, где им высмеивались даже такие видные представители дворянской литературы, как Сумароков, создали для него неблагоприятную известность в правящих академических кругах. В 1751 г. Барков был исключен из числа студентов в результате допущенных им проступков и дерзостей. Он был переведен в академическую типографию на должность «ученика наборного дела», а вскоре назначен копиистом в канцелярию Академии наук.

Как пишет его биограф Е. С. Кулябко, «большой след в жизни и творчестве Баркова оставило его знакомство еще в годы ранней юности с Михаилом Васильевичем Ломоносовым и последующее общение с ним в течение многих лет»[45]. Уйдя из университета, Барков продолжал встречаться с Ломоносовым и работать под его непосредственным руководством. Как известно, с 1754 г. Ломоносов приступил к написанию своей «Древней российской истории» с целью разоблачить ошибочные и ненаучные взгляды некоторых иностранных историков, пытавшихся унизить прошлое русского народа. Для Ломоносова этот вопрос составлял важную часть той самоотверженной борьбы, которую он вел за экономическую, политическую и культурную независимость русского народа, за его национальное самосознание. Со всей ответственностью ученого он приступил к намеченному им

---

[43] П. Билярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 105.

[44] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 15.

[45] Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова. Новые материалы о творчестве ученика Ломоносова Баркова (рукопись).

труду, начав его с тщательного изучения памятников древнерусской письменности — летописного и актового материала. Именно для этой цели ему понадобился вдумчивый и знающий помощник, которого он и нашел в лице Баркова. В 1755 г. Барков был передан канцелярией Академии наук Ломоносову «для работы над Российской историей»[46].

В 1759 г. распоряжением канцелярии вновь подтверждалось Баркову «ежедневно после полудня ходить к Ломоносову для переписывания Древней российской истории и выполнения других поручений»[47]. Объем работы, по-видимому, был велик, поскольку еще в 1756 г. Г.-Ф. Миллер не без раздражения констатировал, что «копиист Иван Барков находится беспрестанно для письма у г. сов[етника] и проф[ессора] Ломоносова»[48]. Работа над первоисточниками под наблюдением Ломоносова увлекла Баркова; за эти годы он приобрел знания в области источниковедения и опыт исторического исследования. Первой самостоятельной его работой была «Краткая российская история» от Рюрика до времен Петра I; она вошла во второе издание «Сокращенной универсальной истории» немецкого историка Г. Кураса[49], вторично переведенной в России воспитанником Академического университета сыном церковного сторожа Борисом Волковым[50]. «Краткая российская история», по мнению биографов Баркова, обнаруживает начитанность автора и свидетельствует о его научной зрелости[51].

Другой научной работой Баркова явилась подготовка к печати текста Кенигсбергской, или Радзивилловской, летописи. Еще 1756 г. по заданию Ломоносова Барков начал переписывать «Летописи Нестора»[52], однако печатание шло чрезвычайно медленно из-за пре-

---

[46] «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», стр. 245.

[47] Там же, стр. 306.

[48] П. Билярский. Указ. соч., стр. 306.

[49] «Гилмара Кураса сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением, вновь переведенная и с приобщением краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества». СПб., 1762, стр. 291—323.

[50] В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 11.

[51] Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова. Указ. соч.

[52] «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», стр. 256.

пятствий, чинимых академическими чиновниками, недругами Ломоносова. Работа увидела свет лишь в 1767 г. в 1-м томе «Библиотеки российской исторической», когда самого Баркова уже не было в Академии наук. Издание оказалось далеко не совершенным. По свидетельству А.-Л. Шлецера, всесильный тогда в Академии наук и несведущий в науках И. И. Тауберт внес в текст, подготовленный Барковым, невежественную правку, которая существенно снизила научное значение публикации [53]. Тем не менее появление в печати «Летописи Нестора с приложениями по Кенигсбергскому списку» положило начало дальнейшим и более удачным публикациям древнерусских летописей. В предисловии к этому изданию были сформулированы причины, заставившие Баркова взяться за такую нелегкую работу: «возбудить в народе охоту к знанию нашей истории, и чтоб чтение древних летописцев облегчить и сделать сколько можно приятным», т. е. популяризировать знания родной старины и тем самым «сынов отечества поощрить» [54].

Долголетняя совместная работа, несомненно, сблизила учителя и ученика и создала между ними идейную общность. Ломоносову не раз приходилось оказывать протекцию Баркову, чье поведение не всегда было безупречным, и ограждать его от нападок академических чиновников. Барков со своей стороны смело выступал в защиту учителя, используя свое перо против его врагов и разя их сатирами. А когда в 1757 г. в связи с разошедшимися по рукам списками «Гимна бороде» Ломоносов был вызван в Синод, то Барков написал двустишие, быстро облетевшее Петербург:

«Пронесся слух: хотят кого-то будто сжечь,
Но время то прошло, чтоб наше мясо печь» [55].

В идейном облике молодых русских ученых проглядывали черты известного демократизма и материалисти-

[53] «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная».— «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIII. СПб., 1875, стр. 60.

[54] «Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российских древних и средних времен», ч. 1. СПб., 1767, стр. 30—31.

[55] Е. С. Кулябко и Н. В. Соколова. Указ. соч.

ческого миросозерцания. Они были присущи не только Котельникову или Протасову, Румовскому или Баркову, но и ряду других учеников и последователей Ломоносова. Он призывал их к служению обществу, к распространению знаний. «За общую пользу, а особливо за утверждение наук в отечестве,— говорил он,— и против отца своего родного восстать за грех не ставлю»[56]. Следуя этим наставлениям, молодые ученые отдавали себя делу просвещения. В значительной мере благодаря их усилиям был поднят уровень преподавания в Академическом университете и Академической гимназии. В начале 60-х годов, например, 24 воспитанника гимназии одновременно были произведены в студенты — цифра, рекордная для того времени. Из них трое, все «солдатские сыны», впоследствии стали выдающимися учеными и общественными деятелями: Петр Иноходцев, Иван Лепехин и Василий Светов. Трое других завоевали себе известность своими литературными переводами, это дети солдат: Гур Иванов и Дмитрий Легкой, а также купеческий сын Дмитрий Мокеев.

Всего в течение 50—60-х годов в Академическом университете училось, по-видимому, более 100 студентов, из них, по сведениям Е. С. Кулябко, 63 слушали лекции Ломоносова и являлись непосредственными его учениками[57]. Конечно, это число было недостаточным для дальнейшего развития высшего образования в России, но их удельный вес был большим. Многие из этих молодых ученых, педагогов, переводчиков, авторов книг являлись последователями Ломоносова, пропагандистами его идей. Они верили в науку, в разум и видели источник зла в невежестве и в обскурантизме. Вслед за Ломоносовым они придавали просвещению общественно-преобразовательное значение и боролись за освобождение умов своих современников от пут феодальных предрассудков. Их думы и чаяния отражали дух времени.

■

Когда в 1754 г. ввиду усилившейся нужды в отечественных специалистах встал вопрос о создании в Москве университета, то правящие круги не могли уже обой-

---

[56] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 554.
[57] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 130—207.

тись без помощи Ломоносова и его учеников. Проекты и планы великого ученого легли в основу устава Московского университета, утвержденного, как известно, 12 января 1755 г.

В основном общая структура нового университета походила на ту, которую в конце 40-х годов Ломоносов проектировал для Академического университета. В принятом проекте об учреждении Московского университета говорилось о создании только трех факультетов: юридического, медицинского и философского, включавшего в то время историко-филологические и естественные науки. Это положение существенно отличало Московский университет от университетов Западной Европы, где издавна существовали четыре факультета (четвертым был богословский). Что касается четвертого факультета, да и вообще богословия как предмета, то он в принятом проекте об учреждении Московского университета вовсе не был предусмотрен. Такая структура была чрезвычайно смелой и прогрессивной для того времени и, несомненно, являлась большой победой Ломоносова. Ведь именно он всегда горячо отстаивал светский характер университетского преподавания и доказывал вред церковной опеки над наукой. «Хотя во всяком (западноевропейском.— *М. Ш.*) университете,— говорилось в университетском проекте,— кроме философских наук и юриспруденции, должны такожде предлагаемы быть богословские знания, однако попечение о богословии справедливо оставляется святейшему Синоду»[58].

Первыми профессорами и преподавателями Московского университета были молодые магистры Академии наук Антон Барсов, Николай Поповский, Филипп Яремский и будущий зять Ломоносова Алексей Константинов. Все они вышли из семей церковнослужителей, за исключением Барсова, отец которого был правщиком академической типографии. Образование они получили сначала в духовных учебных заведениях, а затем в Академическом университете, где слушали лекции Ломоносова и в значительной мере под его наблюдением изучали историко-филологические науки. С собой в Московский университет они принесли горячую веру

[58] М. Т. Белявский. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955, стр. 278.

в науку, в разум, привитые им Ломоносовым, и его напутствия всемерно распространять и демократизировать знания, бороться со всем, что тормозит и мешает свободному их развитию.

Сразу же после открытия Московской университетской типографии ими было предпринято издание собрания сочинений Ломоносова. Первый том с портретом великого ученого вышел в 1757 г. Под портретом была помещена надпись:

«Московский здесь Парнас изобразил витию,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию,
Что в Риме Цицерон и что Вергилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл натуры храм богатым словом россов,
Пример их остроты в науках Ломоносов»[59].

Автором этих стихов был Николай Никитич Поповский (1730—1760 гг.), любимый ученик Ломоносова и его последователь. Он был первым ординарным профессором Московского университета, принесшим с собой в его стены ломоносовские традиции, которые в течение ряда лет там прочно удерживались. Своими лекциями по философии он фактически открыл научную деятельность нового высшего учебного заведения. Во вступительном слове, с которым он обратился к своим слушателям в марте 1755 г., Поповский особо подчеркнул значение философии. Это, говорил он, «мать всех наук и художеств», от которой «зависят все познания». Но чтобы ее познать, нужно предварительно истратить «пять или больше лет... на изучение латинского языка», на котором всюду в европейских университетах она преподается. Ради более широкого распространения знаний он призывал своих слушателей не бояться нарушить обычай и приступить к изучению философии на русском языке. «Что ж до особливых надлежащих к философии слов, называемых терминами,— говорит он,— в тех нам нечего сомневаться. Римляне по своей силе слова греческие, у коих взяли философию, переводили

[59] «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова», кн. 1. М., 1757.

по-римски, а коих не могли, те просто оставляли. По примеру их то ж и мы учинить можем»[60].

Для претворения в жизнь этих планов потребовался еще ряд лет упорного преодоления препятствий, чинимых реакционными чиновниками. Поповский самоотверженно вступил по этому поводу в борьбу с немецкими профессорами Московского университета. Как бы отвечая на их возражения, он говорил, что «век философии не кончился с Римом: она со всеми народами последующих веков на их языке разговаривать не отречется... Что ж касается до изобилия российского языка, в том перед нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно»[61].

Вслед за Ломоносовым Поповский отстаивал принцип общедоступности знаний и выступал против всякой обособленности или замкнутости в этом вопросе. «Одни ли знающие по латыне толь понятны и остроумны...— спрашивал он,— не видим ли мы примера в простых так называемых людях, которые, не слыхавши и об имени латинского языка, одним естественным разумом толь изрядно и благоразумно о вещах рассуждают». И Поповский призывал своих слушателей показать, что и им «от природы даны умы, такие ж, какие и тем, которыми целые народы хвалятся... Что касается до трудности сего учения (преподавания философии на русском языке.— *М. Ш.*), то я всю тяжесть на себя принимаю; ежели же снесть его буду я не в состоянии, то лучше желаю обессилен быть сею должностью, нежели оставить вас без удовольствия»[62].

Подорванное здоровье молодого и талантливого ученого не выдержало напряженного труда в университете. Поповский умер в начале 1760 г. в возрасте 30 лет, и всю тяжесть его забот принял на себя его сподвижник Антон Алексеевич Барсов (1730—1791 гг.). Вместе они прошли тернистый путь лишений и трудностей от школьной скамьи Московской славяно-греко-латинской

---

[60] «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским 1755 года».— «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами оного» (далее — «Речи...»), ч. I. М., 1819, стр. 11, 12—13, 15.

[61] Там же, стр. 13—15.

[62] Там же, стр. 15—16.

академии до профессорских кафедр Московского университета. Сменив Поповского на посту профессора красноречия и ректора гимназии, Барсов продолжал прокладывать путь наукам в Россию. Он тоже был учеником Ломоносова и верил в преобразовательную силу знаний. Поднимаясь на кафедру, он говорил окружающим его студентам, что было бы неправильно думать, «что мы учимся наукам для наук». Поясняя далее цели просвещения, он указывал им, что «учение рождает в нас справедливые мысли и рассуждения» и с его помощью можно рассеять «невежества тьму, в которой мы рождаемся, и истребить те предрассуждения, которые к нам от худого воспитания прилепляются»[63].

■

Состав студентов Московского университета в течение первых 15—20 лет его существования был тот же, что и в Академическом университете. Как по социальному, так и по имущественному положению в основном это были выходцы из городской бедноты. Но в отличие от Академического университета, куда вопреки горячим настояниям Ломоносова не принимались дети крепостных, в Московский университет они допускались при предварительном выполнении некоторых условий. Так, в «Проекте об учреждении Московского университета» говорится, что если помещик, «имея у себя крепостного человека сына, в котором усмотрит особливую остроту, пожелает его обучать свободным наукам», то он должен прежде всего освободить его, «отказавшись от всякого права и власти, которую он прежде над ним имел, дать ему увольнительное письмо». Это письмо надлежало хранить в университете и вручить вольноотпущенному вместе с аттестатом об окончании, «чтоб никаким образом никто его в холопство [обратно] привести не мог»[64].

Такое решение вопроса о поступлении детей крепостных в высшие и средние учебные заведения, несомненно, явилось личной победой Ломоносова, постоянно и настоятельно требовавшего для крестьян открытого до-

---

[63] «Речь магистра Антона Барсова, говоренная при Московском университете сентября 6 дня 1760 г.» — М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т. IV, стр. 501, 502.

[64] М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 282.

ступа к наукам. Возражая одному из своих оппонентов в этом вопросе, профессору И.-Э. Фишеру, Ломоносов выражал ему свое удивление, как он, знающий латынь, не вспомнил, что «Гораций и другие ученые и знатные люди в Риме... были выпущены на волю из рабства..., [а] он толь презренно уволенных помещичьих людей от гимназии отвергает»[65]. В первые годы своего существования в Московском университете на основе вышеупомянутого «Проекта» училось несколько отпущенных помещиками крестьян, в их числе Гаврила Журавлев, значившийся одним из лучших студентов[66]. Если в гимназии их помещали с прочими разночинцами, отдельно от дворян, то в университете они учились вместе с ними.

Одна из двух гимназий, созданных при Московском университете, предназначалась для дворян, другая — для разночинцев. Под этими последними подразумевались все учащиеся, вышедшие из непривилегированных слоев населения. «Намерение при заведении сих гимназий,— говорилось в регламенте,— состоит в том, чтоб российское юношество обучить первым основаниям наук и таким образом приготовить оное к слушанию профессорских лекций в университете»[67]. В гимназиях главное внимание было обращено на русскую словесность, общеобразовательные предметы, а также на изучение латинского, греческого, французского и немецкого языков.

Каждая из этих двух гимназий первоначально была рассчитана на 50 учеников на казенном содержании. Однако уже в 1762 г. их число для дворян было удвоено, а в гимназии для разночинцев доведено до 60 человек. Хотя в гимназиях еще сохранялось сословное деление учащихся, но уже не было различия в основной учебной программе. Больше того, «казеннокоштные» разночинцы и дворяне фактически были поставлены в одни и те же условия. Поэтому в «записные ученики», как тогда называли «казеннокоштных», преимущественно шли те из дворян, которые принадлежали к неимущей части привилегированного класса и «не владели своими деревнями». Избрав своим уделом науку, они по

---

[65] П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 674.

[66] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. I. М., 1960, стр. 349.

[67] М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 293.

духу и по положению приближались к своим однокашникам-разночинцам. Не случайно современники довольно метко именовали их «полудворянами»[68], а «Жалованная грамота дворянству 1785 г.» лишала их права голоса на дворянских собраниях[69].

Но рядом с «записными учениками» имелись еще и «своекоштные», т. е. приходящие, которые учились на свой счет. Преимущественно это были дети среднего и зажиточного московского дворянства, поступавшие в университетскую гимназию для получения необходимых знаний во французском языке и общеобразовательных предметах. Посещая классы в течение ряда лет, они оставались жить в своих семьях и на основании указа 1756 г. получали очередные чины[70]. Затем, как правило, они выходили в гвардию или в гражданскую службу. После указа о «вольности дворянской» 1762 г. число «своекоштных» дворян в университетской гимназии увеличилось. Постоянно общаясь с представителями поднимавшейся разночинной интеллигенции, наиболее вдумчивые из них неизбежно уносили в себе следы ломоносовского влияния. Замечательная литературная и просветительская деятельность Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина служит тому примером. Оба они выходцы из среднепоместного московского дворянства, свои юные годы провели в стенах дворянской гимназии Московского университета.

Судя по довольно равномерному переводу учащихся в студенты, обе гимназии выполняли возложенную на них задачу. Правда, вначале им потребовалось четыре или пять лет, чтобы наладить подготовку учащихся к слушанию профессорских лекций. В связи с этим первый набор студентов для университета смог осуществиться через Синод из воспитанников духовных учебных заведений. В 1756 г. университетские аудитории заполнило более 50 студентов — все они были семинаристами старших классов, «которые в латинском языке и в знании классических авторов имели искусство»[71]. Состав первых студентов оказался чрезвычайно удачным. Из них трое в дальнейшем стали видны-

---

[68] С. А. Порошин. Записки. СПб., 1844, стр. 122.
[69] «Акты царствования Екатерины II». М., 1907, стр. 113.
[70] ПСЗ, т. XIV, № 10558.
[71] М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 167.

ми учеными, профессорами университета: сын лаврского подьячего из Троицкого посада Дмитрий Аничков и сыновья церковнослужителей Петр Вениаминов и Семен Зыбелин. Трое других получили магистерские степени и прославили себя на педагогическом поприще: Иван Алексеев, Семен Лобанов и Иван Тихомиров.

Не менее удачным был и первый выпуск гимназий, состоявшийся в 1759 г., когда 18 учеников были произведены в студенты. В числе их были известные впоследствии ученые, переводчики и педагоги, такие, как Семен Десницкий и Иван Третьяков или Семен Башилов и Радион Гвоздиковский, выходцы из той же общественной среды. С этого времени университетские гимназии, можно сказать, бесперебойно стали поставлять своих лучших воспитанников в студенческие аудитории. В 1760 г. было произведено в студенты 20 человек, в 1763 г.— 25, в 1764 г.— 23, в 1769 г.— 18 и т. д.[72] Все эти студенты в большинстве вышли из городской бедноты и по своему общественному и имущественному положению усиливали демократический характер Московского университета. По мнению историка М. Т. Белявского, такое положение оставалось в течение первых двух десятилетий[73]. В 1775 г. директор университета М. В. Приклонский сообщал в Сенат, что за 20 лет существования университета (с 1756 по 1775 г.) его окончило 318 человек, направленных «в разные службы и в учителя»[74]. Очевидно, в условиях того времени при ограниченности круга образованных людей питомцы Московского университета, воспитанные в ломоносовских традициях, составляли сильный отряд деятелей науки и просвещения.

■

Спустя три года после открытия Московского университета, в 1758 г., был учрежден в Петербурге еще один крупный культурно-просветительный центр России — Академия художеств. В обоснование необходимости этого высшего учебного заведения говорилось, что приглашаемые в Россию иностранцы после себя не оставляют «ни одного русского ни в каком художестве,

---

[72] Там же, стр. 121.
[73] Там же, стр. 170.
[74] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 5565, л. 525.

который бы умел что делать». Между тем нужда в таких специалистах неуклонно росла, а «многие молодые люди, которые, имея великую склонность, а более природное дарование, но не имея знания в иностранных языках», не могли совершенствовать свой талант для пользы «казенных и партикулярных работ»[75]. В Академии художеств предусматривалось создание четырех основных классов: архитектурного, живописного, скульптурного и гравировального, а также преподавание смежных искусств: инструментальной музыки, пения и пр. Кроме того, в академическую программу включалось изучение общеобразовательных предметов и иностранных языков, в частности французского и итальянского.

С начала своего существования Академия художеств стала также одним из рассадников молодой разночинной интеллигенции. Ее преподаватели и студенты как по духу, так и по общественному и имущественному положению были близки к русской профессорской и студенческой среде Академии наук и Московского университета. Многие из воспитанников этих двух учебных заведений преподавали или учились в Академии художеств. Доступ в Академию художеств был открыт для всех, кроме крепостных людей. «Если ж и из них явится, кто отпущен на волю или собственно отдан будет в Академию, с теми поступать так, как в поданном... в Сенат о [Московском] университете прожекте предписано...»[76] Иными словами, крепостной, поступающий в Академию художеств, прежде должен был быть навсегда отпущен своим помещиком и иметь от него «увольнительное письмо». Этот документ он передавал на хранение в Академию наук, с тем чтобы в дальнейшем никто не мог посягнуть на его свободу. Кстати сказать, одним из первых и наиболее талантливых учеников Академии художеств был именно вольноотпущенный крепостной Федор Степанович Рокотов (1735—1808 гг.), который своею кистью проложил путь к мировому признанию русской портретной живописи[77].

---

[75] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I. СПб., 1864, стр. 1.

[76] Там же, стр. 55—56.

[77] А. Михайлов. К биографии Ф. С. Рокотова.— «Искусство», 1954, № 6, стр. 76—77.

Первыми студентами Академии художеств были прежде всего воспитанники Московского университета. Еще до поступления в Академию они были отобраны для занятий искусством. В Петербурге к ним присоединилась аналогичная группа молодых людей из Академической гимназии. В то же время склонные к художествам юноши набирались из гарнизонных и «русских» школ и из различных других мест и ведомств, куда их возвращали обратно в случае, если они не проявляли достаточных способностей. Таким образом, этот набор носил скорее индивидуальный характер и позволял сосредоточить в стенах Академии художеств исключительно одаренных студентов. С 1758 по 1761 г. было принято более 68 человек; в основном это были дети солдат, мастеровых и других представителей пестрой городской бедноты[78]. Из их числа вышли такие замечательные мастера, как Василий Баженов и Иван Старов в архитектуре, Гаврила Козлов и Антон Лосенко в живописи, Федот Шубин и Федор Гордеев в скульптуре, Евграф Чемесов в графике и многие другие, имена которых прославили русское искусство далеко за пределами России. Некоторые из них, придя в Академию художеств, были уже законченными мастерами: придворные певчие Кирилл Головачевский и Иван Саблуков, крестьянский сын Антон Лосенко, молодой офицер полевых полков Евграф Чемесов, упомянутый выше сын отпущенного дворового Федор Рокотов и др. Их имена связаны с годами расцвета Академии художеств. В 1762 г. все они были произведены в адъюнкты, и на их плечи легла основная тяжесть преподавания в Академии художеств.

Во главе этих молодых и творческих сил Академии художеств стоял зодчий Александр Филиппович Кокоринов (1726—1772 гг.), человек больших познаний, таланта и организационных способностей. Пламенный борец за все новое, чем характеризовалось просветительское движение в России, он поистине был «душою всех академических преобразований»[79]. В 1763 г., представляя академическому собранию М. В. Ломоно-

---

[78] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», стр. 18—21.

[79] Н. Молева и Э. Белютин. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. М., 1956, стр. 101.

сова в качестве кандидата в члены Академии художеств, Кокоринов охарактеризовал его как великого ученого, «знанием и заслугами известного в ученом свете», который «не токмо простираясь в науках славное приобрел имя, но и по склонности к художествам открыл к славе России толь редкое еще в свете мозаичное искусство»[80].

Кокоринов родился в семье строителя, служившего на сибирских заводах Демидовых. Своему мастерству он был обучен в архитектурной школе Д. В. Ухтомского в Москве, а затем сам создал великолепный памятник неоклассицизма — здание Академии художеств в Петербурге[81]. Поставленный в 1760 г. на должность директора Академии художеств, он в течение ряда лет умело вел ее дела. Ему принадлежит главная заслуга в деле организации единой системы преподавания в классах, направленной на создание передовой русской реалистической школы.

За первые 20 лет своего существования Академия художеств выпустила из своих стен более 180 воспитанников, из которых около 85 человек окончило по классу живописи, около 40 — по классу скульптуры, примерно 30 — по гравировальному и 25 — по архитектурному[82]. Значительное число из них достигло больших высот в своем творчестве и существенно содействовало распространению среди соотечественников новых передовых эстетических взглядов и вкусов. Как в знаниях, так и в искусстве они видели великую преобразовательную силу, верили в воспитательную роль искусства, способную просветить умы. Как писал несколько позже один из академических питомцев 60-х годов, впоследствии известный скульптор, «солдатский сын» Архип Матвеевич Иванов, посредством «картины и статуи» можно «влагать в народ... похвальные чувствования», т. е., иными словами, пропагандировать новый образ мышления и новые вкусы. Обращаясь за примером к Древней Греции, Иванов указывал на то, что «работы великих мастеров не были тогда почитае-

---

[80] П. Билярский. Указ. соч., стр. 619.

[81] Н. Коваленская. История русского искусства XVIII века. М., 1962, стр. 129.

[82] С. Н. Кондаков. Юбилейный справочник Академии художеств, ч. II. СПб., 1914, стр. 1—455.

мы за обыкновенные уборы покоев..., [но] считались украшением государства и общественным сокровищем, коим пользоваться принадлежало всем согражданам»[83]. Смысл, вложенный в эти строки, говорит о чувстве гражданского долга их автора — чувстве, которое в той или иной мере было присуще большому кругу ваятелей, живописцев, зодчих, группировавшихся в 60-х годах в стенах Академии художеств.

■

Наконец, рассадниками разночинной интеллигенции были и медико-хирургические школы, основанные еще в первой половине XVIII в. Самая ранняя из них по времени была медико-хирургическая школа при Московском генеральном госпитале, учрежденная еще в 1706 г. В ее штате постоянно числилось 50 учеников, а общее число врачей, выпущенных из ее стен в течение XVIII в., достигало 800 человек[84]. Три другие медико-хирургические школы были основаны в 1733 г.: одна — при Петербургском сухопутном госпитале со штатом в 20 учеников, другие две с тем же числом учащихся — при Петербургском и Кронштадтском адмиралтейских госпиталях. В 1756 г. число учеников в этих трех школах было соответственно увеличено до 50 в Сухопутном госпитале и до 30 — в двух других[85].

Если вначале в медико-хирургические школы поступало довольно много детей обосновавшихся в России иностранцев, то уже в 50—60-х годах подавляющее большинство составляли русские, преимущественно учащиеся духовных учебных заведений, что объясняется необходимостью знания латинского языка. Для того чтобы облегчить ежегодный набор в медико-хирургические школы, в 1754 г. был издан указ, предписывавший «желающих из семинаристов студентов к вышеозначенному обучению» не задерживать и отпускать в

---

[83] [А. М. Иванов]. Предисловие к кн. «Понятие о современном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев, и примечание о портретах; перевел с итальянского и французского Архип Иванов». СПб., 1789, стр. V, VI.

[84] Б. Н. Палкин. Русские госпитальные школы XVIII в. и их воспитанники. М., 1959, стр. 3.

[85] Я. Чистович. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883, стр. 235.

распоряжение Медицинской канцелярии [86]. Однако вначале выполнение этого распоряжения натолкнулось на непредвиденное препятствие: число желавших учиться в медико-хирургических школах было достаточным, но они оказались так бедны, что не могли отправиться в путь за свой счет ни в Москву, ни в Петербург. В связи с этим Медицинская канцелярия постановила, чтобы впредь выплачивать каждому семинаристу, выразившему желание учиться на врача, по 10 руб. на проезд [87]. В дальнейшем медико-хирургические школы пополнялись бесперебойно. По свидетельству историка Московской славяно-греко-латинской академии С. Смирнова, «требование из госпиталя было ежегодное и желавших поступить туда находилось всегда много» [88]. Эти требования направлялись в большинство духовных учебных заведений и обычно выполнялись ими. Так, из Киевской академии с 1754 по 1768 г. в медико-хирургические школы ушло более 300 семинаристов [89].

Начиная с 1754 г., в медико-хирургических школах был введен семилетний срок обучения. Учащиеся в течение этого времени изучали анатомию, физиологию, хирургию, терапию, фармакологию и другие предметы, в том числе математику и физику. Особое внимание уделялось клинической практике, которую они проходили в госпитале. Историк медико-хирургических школ Б. Н. Палкин пишет, что «широкая разносторонняя программа теоретических курсов, выраженный клинический принцип преподавания основных медицинских дисциплин, сочетание хирургии и внутренних болезней обеспечивали высокий уровень подготовки русских врачей...» [90] За три или четыре года обучения успевавшие получали звания подлекарей, а по окончании всего семилетнего курса и сдаче экзаменов их производили в лекаря. К концу 70-х годов в ведении Медицинской коллегии имелось уже 488 лекарей

---

[86] ПСЗ, т. XIV, № 10196.

[87] Я. Чистович. Указ. соч., стр. 228.

[88] С. Смирнов. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1955, стр. 239.

[89] [М. Булгаков]. История Киевской академии. СПб., 1843, стр. 194.

[90] Б. Н. Палкин. Указ. соч., стр. 55.

и 364 подлекаря, большинство из которых были воспитанниками медико-хирургических школ [91].

Первые русские профессора, преподававшие в медико-хирургических школах, шли по следам Ломоносова и неуклонно связывали теорию с практикой. Они уделяли особое внимание клинической практике, т. е. опыту, ставя его выше отвлеченных умозаключений. Выдающийся русский ученый профессор Московской медико-хирургической школы Константин Иванович Щепин (1728—1800 гг.) писал в начале 60-х годов, что он намерен «только тому обучать, что при практике можно использовать» [92]. Это предпочтение, отдаваемое практической стороне дела, было характерным для русских врачей XVIII в., которые прежде всего видели в науке средство для облегчения участи народа.

К. И. Щепин был сыном пономаря; образование начал в Вятской духовной семинарии, откуда был отправлен для прохождения старших классов в Киевскую академию. Увлеченный мечтой о далеких странах, он после окончания класса философии отправился без каких-либо средств к существованию в Италию. Там он прожил два года, перебиваясь на случайных заработках и слушая лекции в Падуанском и Болонском университетах. Вернувшись в Россию в 1751 г., он был принят в Петербургский академический университет, где учился ботанике у С. П. Крашенинникова, оказавшего на своего ученика большое влияние. Второе путешествие Щепина за границу было предпринято им в 1753 г. и длилось уже шесть лет. На этот раз он был отправлен в Лейденский университет в качестве стипендиата Академии наук. В Россию он вернулся с ученой степенью доктора медицины, а с 1762 г. занял должность профессора анатомии, физиологии и хирургии в Московской медико-хирургической школе.

Щепин оказался первым русским ученым в составе профессоров медико-хирургических школ, где до того времени руководство находилось в руках иностранцев. С первых шагов на этом поприще он развил кипучую преобразовательную деятельность. «Искреннее мое желание всегда было и есть,— писал он в одном из своих

---

[91] Я. Чистович. Указ. соч., стр. 353.

[92] В. В. Куприянов. К. И. Щепин — доктор медицины XVIII века. М., 1953, стр. 80.

донесений,— не токмо малоприобретенное мною в науках, к службе и к пользе отечества наиревностнейше употребить, но и далее к тому способнейшим себя учинить...» [93] Им перед Медицинской коллегией настоятельно ставились вопросы о значительном расширении программы обучения, о чтении лекций на русском языке, об улучшении быта учащихся. Но рутина и косность административного аппарата того времени воспрепятствовали осуществлению этих замыслов.

Начатое Щепиным дело достойно продолжили молодые профессора, воспитанники медико-хирургических школ. С середины 60-х годов после защиты докторских диссертаций в заграничных университетах они приходили в эти школы читать лекции и вести практические занятия. В их числе оказался ряд ученых, оставивших яркий след в истории русской медицины. К ним принадлежали Петр Иванович Погорецкий (1740—1780 гг.), Нестор Максимович-Амбодик (1744—1812 гг.), Фома Трифонович Тихорский (1733—1814 гг.), Александр Михайлович Шумлянский (1748—1795 гг.), Мартын Матвеевич Тереховский (1740—1796 гг.) и многие другие. Следует также упомянуть замечательного ученого-эпидемиолога Данила Самойловича Самойловича (1744—1805 гг.), хотя фактически он в медицинских школах и не преподавал. Все они были выходцами из бедных казацких семей, обучались в Киевской академии, откуда, как говорит Шумлянский, будучи «влекомы нуждою» [94], шли в медико-хирургические школы.

Получив ученые степени, они занимали свое место в рядах разночинной интеллигенции и становились горячими поборниками просвещения. В предисловии к одной из своих работ Погорецкий писал: «Я уповаю, что читатели мои примут за благо, когда в пользу тех, кои не могут читать», сообщат им содержание книги [95]. В широкой популяризации медицинских сведений они видели выполнение своего гражданского долга. «Наше

---

[93] В. В. Куприянов. К. И. Щепин — доктор медицины XVIII века. М., 1953, стр. 20.

[94] [А. М. Шумлянский]. Мнение одного истиннолюбца о поправлении наиполезнейшей для людей науки. СПб., 1787, стр. 26.

[95] [П. Погорецкий]. Предисловие к кн. «История и записки Амстердамского общества в пользу утопающих, собравшегося в 1767 г. Переведена с французского доктором П. Погорецким, сибирского корпуса медиком», ч. I. СПб., 1769, стр. II.

намерение единственно споспешествовать пользе народной»[96],— так охарактеризовал свою врачебную деятельность Афанасий Филимонович Шафонский.

Развитию медицины в России мешали иностранные чиновники, всячески препятствовавшие изучению этой науки на русском языке. Многие питомцы медицинских школ прилагали огромные усилия, чтобы преодолеть трудности на этом пути и сделать доступными для широкого круга людей хотя бы элементарные знания в области здравоохранения. С этой целью многие молодые русские врачи настойчиво трудились над созданием русской научной терминологии. Максимович-Амбодик рассказывает, что более 10 лет «по примеру пчелы» он собирал русские слова, относящиеся к анатомии, физиологии и естествознанию. Он собирал их «из разных печатных, церковных и гражданских, также новых, старых и рукописных книг»[97]. Тем же занимались и другие. В своем конспекте «Речи к слушателям госпитальных школ» Самойлович писал о неотложной необходимости «создать на родном языке все медицинские термины, встречающиеся в книгах по этой науке и которые еще не приняты, ни даже не известны на русском языке». При этом он воздавал хвалу богатству и красоте русского языка. «Это мнение нашего бессмертного Ломоносова»,— говорил он и тут же приводил известное его высказывание из «Российской грамматики»[98].

Ломоносовские традиции также легли в основу понимания русскими врачами законов природы. По-видимому, о физических опытах над грозовыми разрядами великого ученого думал Максимович-Амбодик, когда писал: «Мы по справедливости новыми прометеями слыть можем: мы властно, как бы насильно, хитростью и искусством своим сокровенный пред нами огонь с

---

[96] [А. Ф. Шафонский]. Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1773 год. М., 1775. Предисловие.

[97] «Анатомико-физиологический словарь, в коем все наименования частей человеческого тела, до анатомии и физиологии принадлежащие, из разных врачебных сочинений собранные... Для пользы российского юношества впервые напечатанный трудами и иждивением Нестора Максимовича-Амбодика, врачебной науки доктора и профессора повивального искусства». СПб., 1783, стр. II.

[98] Д. Самойлович. Избранные произведения, [вып. I]. М., 1949, стр. 45.

небес свели на землю, открыв свету толико пречудные явления и действия электрической силы, чем, так сказать, молнию и гром будто бы от рук творца извлекли и похитили»[99]. Эти поистине смелые для того времени слова показывают направление, в котором развивалась научная мысль среди воспитанников медицинских школ. О приверженности к экспериментальному методу и о материалистическом толковании естественных законов говорят их докторские диссертации[100]. О том же свидетельствуют многие книги, которые они писали и переводили, особенно после середины 80-х годов, когда в основном уже сложилась русская медицинская терминология[101].

■

Таким образом, социальный состав учащихся в Академическом университете, Московском университете, Академии художеств и в медико-хирургических школах почти совпадал. Главным образом это были дети солдат, казаков, адмиралтейских и академических мастеровых и представителей других неимущих групп населения. Те немногие дворяне, которые учились с ними, принадлежали к обедневшей части привилегированного класса. Избрав своим уделом науку или искусство, они приближались по общественному положению и по духу к своим однокашникам-разночинцам. Между ними складывались чуждые феодальному обществу новые взаимоотношения, когда, по выражению Ломоносова, «студент тот почетнее, кто больше научился, а чей он сын, в том нет нужды»[102].

Движущей силой, приведшей этих юношей в классы и аудитории учебных заведений, в большинстве случаев было их стремление к знаниям, а также надежда их родителей освободить своих детей от гнета беспра-

---

[99] [Н. Максимович-Амбодик]. Предисловие к кн. «Краткое испытание многих закоснелых мнений и злоупотреблений... с присоединением средств, коими такие пороки отвратить можно. На российский язык перевел Нестор Максимович-Амбодик, медицины доктор». СПб., 1781.

[100] С. Л. Соболь. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М., 1949.

[101] С. М. Громбах. Русская медицинская литература XVIII века. М., 1953.

[102] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 55.

вия и нищеты, который сами они испытывали. Профессор Московского университета А. А. Барсов, сам вышедший из семьи типографщика, говорил, что тот, «кто по бедности желает, чтобы чрез учение дети его, наконец, пропитание себе получить могли...», имеет все основания хлопотать об этом[103]. В архивах большинства вышеуказанных учебных заведений сохранилось много прошений родителей о принятии их сыновей в число учащихся. В этих челобитных между строками угадываются те лишения и жертвы, которые испытывали и приносили неимущие родители ради того, чтобы за свой счет обучить детей минимуму знаний, требуемому от поступающих.

Так, Адмиралтейского ведомства кузнечного дела мастер Иван Пешев писал в своем прошении в 1764 г., что его сын Григорий обучен им «российской грамоте читать, писать, арифметике и геометрии часть знает». Он ходатайствовал перед Академией художеств о принятии его сына, чтобы обучить его тому, «к чему он склонность иметь будет»[104]. Из прошения сенатского сторожа Степана Губарева от 1764 г. явствует, что его сын Ефим обучен «грамоте российской писать и читать». Он просит принять его сына в Петербургскую академическую гимназию «для обучения иностранным языкам и наукам на казенном содержании»[105]. С такой же просьбой обратился туда и вольноотпущенный дворовый Голицыных Тихон Дмитриевич Замараев. В своей челобитной от 1764 г. он указывал, что он сам и четверо его сыновей Алексей, Василий, Семен и Гаврила «уволены вечно с абшидом на волю». Он хлопотал о приеме в Академическую гимназию двух из них — Василия и Семена[106]. Старший сын Алексей был в солдатах, а младший, Гаврила, определен в Академию художеств, которую, кстати, и окончил в 1779 г. по классу скульптуры с золотой медалью[107].

---

[103] А. А. Барсов. Речь от 6 сентября 1760 г.— М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. IV, стр. 501.
[104] ЦГИАЛ, ф. Академии художеств, оп. 1, ч. 1, д. 126, л. 4.
[105] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 826, л. 306.
[106] Там же, л. 331.
[107] С. Н. Кондаков. Указ. соч., ч. II, стр. 254.

Аналогичных прошений имеется множество в архивах каждого учебного заведения. Причем большинство из них было составлено по шаблону, написано рукою писаря и мало чем отличается одно от другого. Однако среди них встречаются и такие, в которых чувства и мысли их авторов нашли несколько большее отражение, в частности челобитная от солдатской жены Александры Комаровой, датированная 1767 г. В ней она просит освободить ее 14-летнего сына Петра, обученного ею грамоте, от службы в морском батальоне, куда он был взят учиться играть на трубе. «Желание мое нижайшее имеется,— писала она,— чтоб объявленного сына моего Петра Комарова, по молодости его лет, обучать иностранным языкам». При этом она предлагала «на своем собственном коште» обучать его французскому языку в течених трех лет, лишь бы только он был избавлен «от трубаческой науки». Просьба Комаровой была удовлетворена, а через три года профессор С. К. Котельников экзаменовал ее сына. «Ученик Петр Комаров,— говорится в экзаменационной оценке,— читает по-французски не худо и слова французские пишет чисто, к тому же и несколько слов и речей французских знает наизусть» [108].

Солдатская жена Екатерина Никитична Деева в поданном ею в 1764 г. прошении рассказывает печальную повесть: муж ее, Воронежского полка солдат, «по причине той, что не в состоянии был меня пропитать, отпустил меня для прокормления». Расставшись с мужем, Деева поступила в услужение к людям; вскоре у нее родился сын, которого она воспитала и обучила «грамоте российской читать и писать» на заработанные ею деньги. Тем временем муж ее в походе умер. В своей челобитной Деева просит принять ее 14-летнего сына Петра в Академическую гимназию «для обучения иностранным языкам и наукам». При этом она указывает: «а что я подлинно солдатская жена и оной сын мой прижитый со оным мужем моим, в том представляю при сем достойных подписчиков» [109].

Эти свидетели в данном случае были необходимы для подтверждения того, что поступающий в учебное

---

[108] ЦГАВМФ, ф. Морского кадетского корпуса, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 1, 8.

[109] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 826, л. 273.

заведение юноша действительно не был крепостным. Иначе его не допустили бы к обучению, поскольку в непривилегированные учебные заведения принимались только свободные от личной зависимости. Однако сословные перегородки феодально-крепостнического общества в середине XVIII в. расшатывались изнутри под влиянием ростков новых буржуазных отношений. Поэтому и сословный отбор учащихся был чрезвычайно запутан, таил в себе всякие неожиданности. Руководство учебных заведений всячески стремилось оградить себя от возможных конфликтов с учреждениями или с частными лицами, могущими претендовать на свободу и независимость того или иного учащегося. Поэтому в сомнительных случаях они требовали поручителей со стороны, письменных гарантий, свидетельствовавших о сословной принадлежности поступающего. Но уберечься от тяжебных дел в ту пору далеко не всегда удавалось, и многие документы ярко об этом говорят.

Так, в 1762 г. началось характерное для того времени дело братьев Егора и Петра Исайкиных, учеников Академической гимназии. Их мать Степанида Ивановна, урожденная Савина, из бедной дворянской семьи была выдана замуж за петербургского купца Ивана Григорьевича Исайкина, «производившего торг» в столице. Несколько лет спустя муж умер и оставил жену «без всякого призрения и прибытка, изнуряемую без пропитания», с двумя сыновьями Егором и Петром. Вскоре, однако, Степанида Ивановна вышла замуж за учителя «русской» школы Стерлягова, который, испытывая трудности в прокормлении всей семьи, отдал своих двух пасынков в Академическую гимназию. При поступлении четыре поручителя письменно засвидетельствовали, что оба брата Исайкины «в службу и в подушный оклад не записаны и ни за кем не укреплены». Но Академической гимназии этого показалось мало, и родители дополнительно представили еще трех поручителей.

В Академической гимназии Егор и Петр «к учению оказали довольное понятие и прилежание», успешно изучая арифметику, латинский и немецкий языки и прочие предметы. Однако неожиданно в 1762 г. в канцелярию Академии наук поступило требование от гене-

рал-майора Рыкачева о выдаче ему братьев Исайкиных, как «якобы его крестьянских детей» из Ярославского уезда деревни Исаевой. Начатое следствие показало, что их отец Иван Исайкин хотя и именовал себя купцом и «производил торги», но был крепостным «на оброке с годовыми пашпортами». Их мать Степанида Ивановна заявила, что она «выдана была не за крестьянина, но за купца», и не знала о том, что муж ее был из крепостных. В своем обращении она просила: «оных детей моих... повелеть зачесть в рекруты, а ему не отдавать, ибо... не он, г. Рыкачев, их воспитал и обучил, но я нижайшая... и за отца их выдана была, не ведая, что он был не купец, но крестьянин». Дело разбиралось в Сенате и было решено в пользу братьев Исайкиных, поскольку за них поручилось четыре человека в оберофицерских чинах, засвидетельствовав, что они «из купеческих детей», и другие разных чинов трое человек это подтвердили, тем временем как генерал-майор Рыкачев никаких «крепостей» на них не предъявил. В результате Сенат определил: «Егора и Петра Исайкиных от Академии не отрешать. А быть им при той Академии в науках, к каким оные склонность и желание имеют с произвождением надлежащего жалованья по-прежнему» [110].

Случай с братьями Исайкиными был далеко не единственным. В том или ином виде вопросы о сословной принадлежности учащихся постоянно возникали, создавая трудности как для самих учащихся, так и для руководства учебными заведениями, где они учились. Участившиеся случаи несоответствия между сословной принадлежностью и занятиями служили причиной для печальных неожиданностей, которые подстерегали молодых людей на их пути к наукам или искусству. Например, в Московском университете в 60-х годах возникло аналогичное дело в отношении уже окончившего высшее учебное заведение учителя рисования Ивана Герасимова.

Герасимов вышел из семьи приказных: отец и дед его служили канцеляристами при Казанской духовной консистории и «в подушном окладе никогда положены не были». В раннем возрасте, оставшись сиротой, Гера-

[110] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3406, л. 338—343.

симов был «воспитан и обучен матерью», которая и отдала его в Академию художеств, где он проявил незаурядные способности к живописи. Герасимов учился «на своем коште» у Федора Степановича Рокотова «и [у] других академиков... и показал в оном [в живописи] весьма похвальное искусство и хорошие успехи». После окончания Академии художеств он продолжал «находиться у него, Рокотова, приватно подмастером и производил работу масляными красками с равномерным же искусством», а затем поступил в Московский университет учителем рисования. Между тем в Казани во время второй ревизии Иван Герасимов и два его брата были записаны «в подушный оклад подложно монастырских вотчин села Караева к крестьянину Герасиму Кириллову», по-видимому, с целью каких-то махинаций. Таким образом, служебная деятельность Герасимова в университете оказалась несовместимой с положением крепостного, в котором он состоял, и Московский университет обратился в Сенат с ходатайством: «означенного живописца Герасимова, яко в подушный оклад не принадлежащего, из оного выключа, определить в Московский университет, где он по его изрядному в живописном художестве знанию... с пользою употреблен быть может». Просьба университета была удовлетворена [111].

Эти примеры показывают, до какой степени господствовавшие тогда феодально-крепостнические порядки становились препятствием на жизненном пути учащихся, многие из которых с юных лет познавали всю тяжесть самоуправства, нищеты и лишений. Дети городской бедноты, поступая в учебные заведения, продолжали оставаться в крайне тяжелом материальном положении. Получаемые ими стипендии были настолько ничтожны и выплачивались так неаккуратно, что фактически учащаяся молодежь была лишена самых необходимых средств к существованию. Еще в конце 40-х годов Семен Котельников и Алексей Протасов, будучи студентами Академического университета, писали в канцелярию Академии наук, что они терпят «крайную скудность» и что «в самом кратком времени... не только что наги и босы явимся, но... самой дневной пищи

[111] Там же, кн. 5477, л. 107—109.

лишиться принуждены»[112]. О том же писал в свои студенческие годы Яков Козельский, Григорий Полетика, Николай Поповский, Степан Румовский, Филипп Яремский и многие другие[113], чьи имена стали известными в просветительском движении в России.

В 50—60-х годах положение учащихся существенно не изменилось. В 1758 г., когда Ломоносов возглавил Академический университет и Академическую гимназию, учащиеся еще ходили в классы «по большей части в рубищах» и «жалованье получали весьма малое и, тем еще поделясь с бедными своими родителями, претерпевали скудность в пище»[114]. В 1755 г. группа студентов, в которую входили Степан Веденский, Василий Крамаренков, Алексей Поленов и др., доносили канцелярии Академии наук, что они претерпевают «во всем крайную нужду и недостаток»[115]. Студент Яков Козельский, впоследствии известный писатель, не будучи в состоянии прожить на получаемые им деньги, ходатайствовал перед руководством Академического университета о разрешении ему переселиться в дом к прокурору Самарину «для обучения племянника его латинскому и немецкому языкам и некоторым математическим наукам». Это позволило бы ему, как он заверял, «деньги, которые живучи в университете издерживал на кушанье... употребить на покупку книг и прочих к учению нужных вещей»[116]. Такая форма прокормления была заимствована из Киевской академии, где она широко применялась семинаристами и получила наименование «кондиций». Заявлениями студентов об их нищенском существовании пестрят дела Академии наук на протяжении всех 50—60-х годов.

В таком же положении находились и учащиеся Московского университета. В инструкции 1755 г. предписывалось «не дозволять [ученикам] ходить в классы в нагольных шубах, в серых кафтанах, в лаптях и тому подобных подлых одеяниях»[117]. Полтора года спустя,

---

[112] «Материалы для истории Академии наук», т. VIII, СПб., 1895, стр. 139.

[113] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 9, д. 52, л. 1.

[114] П. Билярский. Указ. соч., стр. 078.

[115] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 238, л. 78.

[116] Там же, кн. 202, л. 18.

[117] М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 292.

в ноябре 1756 г., снова ставилось на вид руководству университета, «что не токмо разночинцы, но и благородные ученики великую нужду терпят в платье, обуви и пище». Этот вопрос вновь поднимался в 1763 г.[118] Здесь, конечно, идет речь о «казеннокоштных» дворянах, набиравшихся в основном из обедневших дворянских семей.

Не лучшей была доля учащихся и в других непривилегированных учебных заведениях. Выдающийся русский ученый-эпидемиолог А. Ф. Шафонский, работавший в 60-х годах старшим врачом в Московском генеральном госпитале, писал, что многие юноши «добровольно и охотно все бремя горести, скудности и нужды для того только несут, чтобы чему-нибудь научиться», и что «из сих-то бедняков Россия всегда имела ученых и достойных людей»[119].

■

В тяжелых условиях социальной несправедливости, насилия и материальной нужды росла и множилась разночинная интеллигенция. В ее рядах возникали ростки буржуазного миросозерцания, которое неизбежно противопоставлялось господствовавшей дворянской идеологии. Вся эта плеяда молодых деятелей науки и искусства состояла из последователей и учеников Ломоносова, научившего их верить в благотворную силу науки и разума и ненавидеть невежество и обскурантизм. В свете этих воззрений русские передовые люди, представители разночинной интеллигенции, рассматривали полученное ими образование как средство, призванное в конечном итоге улучшить общественно-политические порядки в России. Им представлялось, что путь к этому лежит через популяризацию знаний среди тех, кому еще не было доступно образование. «Главный наш закон состоит в том,— писал в 1765 г. воспитанник Академического университета А. Я. Поленов,— чтобы по мерам сил наших служить с пользою отечеству и сообщить и другим то, чему мы сами научимся»[120].

---

[118] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. 1, стр. 98, 270.

[119] А. Ф. Шафонский. Черниговского наместничества топографическое описание. Киев, 1851, стр. 283.

[120] «Русский архив», 1865, стб. 705.

Руководствуясь такими мыслями, в 1755 г. в Московском университете на русском языке читал свой цикл лекций по философии Николай Поповский. Он говорил слушателям о необходимости популяризировать знания философии «так, чтобы каждый, российский язык разумеющий, мог удобно ею пользоваться»[121]. Так понимало свою задачу большинство молодых русских ученых, и каждый в своей области стремился идти тем же путем. В Академическом университете С. К. Котельников и С. Я. Румовский на русском языке читали свои лекции по математике и астрономии. В Академии художеств А. Ф. Кокоринов на русском языке вел свой курс по архитектуре, в Московской медико-хирургической школе Щепин — по анатомии. Все они понимали важность начатого дела и прилагали огромные усилия и все знания для создания русской научной терминологии в различных областях науки. Выполнение этой задачи было необходимо для дальнейшего развития просвещения в России. К. И. Щепин указывал на трудности, вставшие перед ними при выполнении этой задачи, и говорил: «на латинском языке десять коллегий (лекций.— *М. Ш.*) прочитаю легче, нежели на русском одну»[122].

Кроме лекций и частных уроков, для распространения знаний в России нужны были книги, прежде всего учебники, учебные пособия, обобщающие популярные работы. Словом, нужны были все те книги, которые, по выражению академического журнала «Ежемесячные сочинения», «ум поощряют, знание распространяют в народе, нравы граждан исправляют и производят в читателях желание и способность учиниться достойными и полезными членами общества»[123]. Однако восполнить недостаток таких книг в России силами отечественных авторов представлялось еще чрезвычайно трудным делом. Авторов было слишком мало, да и многие из них не имели навыка для написания хороших и нужных книг. По-видимому, это понимали и современники, указывая на пользу переводов иностранных книг, на то, что «если сперва не увидим множества рачительных

---

[121] [Н. Н. Поповский]. Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете...— «Речи...», ч. I, стр. 15.

[122] Я. Чистович. Указ. соч., стр. 338.

[123] «Ежемесячные сочинения», т. XVIII. СПб., 1763, стр. 369.

и прилежных переводчиков, то, может быть, не увидим и добрых и мудрых сочинителей»[124].

Переводческая деятельность привлекла к себе широкие круги молодой разночинной интеллигенции и в значительной мере служила выражением ее идейных устремлений. Многие из переводчиков еще на студенческих скамьях начали трудиться над научными, политическими и философскими сочинениями различных зарубежных авторов. Они переводили их книги, способствуя тем самым распространению и популяризации знаний. Эти занятия позволяли им пополнять свои скудные прожиточные средства. Их усилиями великие ученые, мыслители, писатели различных стран и времен заговорили на русском языке. Переводы эти носили творческий характер. Об этом красноречиво говорят предисловия и примечания, которыми сопровождались многие из них. А то, что большинство переводчиков, как правило, строго придерживалось текста, показывает их чувство ответственности перед читателем. В ряде случаев, когда это было нужно, они дополняли иностранные сочинения сведениями о России, порой полемизировали с авторами и в предисловиях излагали свои мысли.

Одним из наиболее плодовитых переводчиков 40-х — начала 60-х годов был Сергей Саввич Волчков (1707—1773 гг.). Он вышел из обедневшей дворянской семьи: от отца унаследовал 50 крестьян, «которые в прошлом 1735 г. сбежали, а ныне [осталась] только одна пустая земля»[125]. Свое образование Волчков получил в Германии, а затем доучивался в Академии наук, где был определен на должность секретаря академической канцелярии. Он хорошо владел французским и немецким языками. Обремененный многодетной семьей, он постоянно терпел нужду и лишения. «От своего ребячества по сей час,— писал он в 1761 г.,— безотступно за мною гонящаяся нищета принудила меня почти сорок лет денно и нощно, не только праздники и гулянья, но себя совсем забывши, работою рук своих кормиться...»[126] За все это время Волчковым было

[124] «Ежемесячные сочинения», т. V. СПб., 1757, стр. 141—142.

[125] «Материалы для истории Академии наук», т. III. СПб., 1885, стр. 854.

[126] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3005, л. 283.

переведено много книг как для печати, так и для постоянно расширявшегося рукописного рынка. Из переведенных им и вышедших книг известно 24 названия [127], среди которых: «Житие и дела Марка Аврелия» (СПб., 1740), басни Эзопа (СПб., 1747), «Военная история Полибия» (СПб., 1756), «Опыты» Монтеня (СПб., 1762). Все эти переводы не отличаются хорошим качеством, и Ломоносов многократно критиковал их [128]. Тем не менее в условиях 50-х годов, когда книг было еще мало, от переводов Волчкова, как он сам говорил, «народ немалую пользу» имел [129].

Желание «быть полезным обществу», особенно тем, которые «не обучались иностранным языкам», являлось характерным для большинства молодых переводчиков. По выражению одного из них, бывшего копииста Сената Владимира Игнатьевича Лукина, в переводе книг они видели выполнение «долга истинного гражданина и честного человека, желающего пользы... своему отечеству» [130]. Кроме учебных пособий и обобщающих научно-популярных работ, переводилась и различная другая литература, преимущественно рассчитанная на широкого читателя.

Античные авторы привлекли к себе особое внимание передовых кругов разночинной интеллигенции, так как в них заключались примеры гражданского достоинства и свободомыслия, которые противопоставлялись униженности, нетерпимости и суевериям окружающей феодально-крепостнической среды. В этой связи С. К. Котельников, сам трудившийся над переводом сочинений Эвклида, рекомендовал прежде всего стараться «о переводах лучших книг древних писателей... дабы согражданам сообщить знание о том, что уже в древние времена изображено было... ибо всякий, имея понятие о древних, и о новых лучше рассуждать может» [131]. Эта попытка увидеть современность в свете суждений античных авторов проглядывает во многих предисловиях, которыми снабжались переводы. И. С. Баркову, в частно-

---

[127] Г. Геннади. Справочный словарь о русских писателях и ученых, т. I. Берлин, 1876, стр. 170—171.

[128] П. Пекарский. Указ. соч., т. II, стр. 154.

[129] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3005, л. 83.

[130] В. И. Лукин. Сочинения и переводы, ч. II. СПб., 1765, стр. 1.

[131] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. III, стр. 20.

сти, принадлежат отличные переводы «Сатир» Горация (СПб., 1763) и «Басен» Федра (СПб., 1764). В предисловии к первой из этих книг Барков сообщал о своем намерении показать соотечественникам, что «и смехом правду писать можно»[132]. Не менее примечательным представляется перевод трактата Цицерона «О должностях» (СПб., 1761), выполненный Борисом Афанасьевичем Волковым. В предисловии переводчик говорит о горячем желании «оказать услугу обществу»[133] и предназначает свой перевод «для любопытства и наставления тех, кои иностранных языков не разумеют»[134]. Известно, что именно этот трактат с наибольшей полнотой отобразил вопросы морали и этики в понимании замечательного идеолога римского республиканского строя.

Среди выходивших тогда книг особенно выделяется сделанный Н. Н. Поповским стихотворный перевод известной поэмы английского философа и поэта Александра Попа «Опыт о человеке» (СПб., 1757). Книга для перевода, по-видимому, была рекомендована Ломоносовым; она содержала мысли, выражавшие гелиоцентрическую систему мира, и, естественно, вызвала резкие нападки со стороны церкви. Синод признал, что «издатель оные книги ни из священного писания, ни из содержимых в православной нашей церкви узаконений ничего не заимствуя, единственно все свои мнения на естественных и натуральных понятиях полагает, присовокупляя к тому и Коперникову систему, такожде и мнения о множестве миров, священному писанию совсем несогласные»[135]. В результате ряд мест был вовсе вычеркнут, другие заменены, и переводчик напечатал их разным шрифтом, чтобы читатель не спутал правленого с настоящим текстом. В предисловии к своему переводу Поповский хитроумно заявил, что он не богослов и, следовательно, не может выявить «сомнительное

---

[132] «Квинта Горация Флакка Сатира, или Беседы с примечаниями, с латинского языка переложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым». СПб., 1763. Предисловие.

[133] «Марка Туллия Цицерона три книги о должностях, с содержанием каждой главы и с примечаниями на достопамятные речи, переведены Академии наук переводчиком Борисом Волковым». СПб., 1761. К читателю.

[134] Там же. Посвящение.

[135] «Библиографические записки», 1858, т. 1, стб. 490.

в рассуждении нашей религии». Кроме того, он выступает здесь в качестве переводчика, поэтому «хотя бы и усмотрел нечто противное, однако поправлять не имел никакого права». В заключение Поповский сообщил, что, переводя поэтому Попа «Опыт о человеке», он имел целью «услужить обществу сею книжкою, не весьма, как кажется, бесполезною». Тут же он призывает «любителей наук и истинных патриотов» последовать за ним и переводить аналогичные книги «в пользу и славу России»[136]. Поповскому же принадлежит перевод известного сочинения Локка «О воспитании детей» (М., 1759), а также «Писем о стихотворстве» и од Горация.

Особое внимание в эти годы в России привлекли сочинения А.-Р. Лесажа, писателя начала эпохи Просвещения. В его сатирических романах, построенных на резких социально-политических противопоставлениях, прославлялись трудолюбие и великодушие выходцев из народной среды. Ставя в центре своих сочинений людей «третьего чина», сына конюха, бедного студента, и наделяя их всеми достоинствами в противовес разлагающемуся дворянству, автор как бы объявлял несостоятельным и противозаконным претензию на сословные привилегии и правовое неравенство людей. Эти идеи нашли горячий отклик в сердцах русских разночинцев; один из воспитанников Академического университета «солдатский сын» Иван Андреевич Кудрявцев писал в 60-х годах, что все сочинения Лесажа «превосходны и полезны и везде с особливым удовольствием приняты»[137]. Достаточно сказать, что «Похождения Жиль Блаза»[138] в переводе студента Академического университета офицерского сына Василия Теплова переиздавались шесть раз, а «Повесть о хромом бесе»[139] в пере-

---

[136] «Опыт о человеке г. Попа. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 г.». М., 1757, стр. 9, 10.

[137] И. А. Кудрявцев. Преуведомление к кн. «Зулима, или Непорочная любовь». СПб., 1768.

[138] «Похождения Жилблаза де Сантилланы, описанные г. Ле Сажем, а переведенные Василием Тепловым», т. I—IV. СПб., 1760—1761.

[139] «Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на французском языке г. Лесажем.... переведена Академии наук студентами Дмитрием Легким и Дмитрием Мокеевым», ч. 1—2. СПб., 1763.

воде также студентов Академического университета, «солдатского сына» Дмитрия Дмитриевича Легкова и сына купца Дмитрия Егоровича Мокеева — три раза[140].

Эти переводы показывают направление, в котором развивались интересы учащейся молодежи. Число питомцев высших непривилегированных учебных заведений из года в год увеличивалось, причем большинство из них было воспитано в ломоносовских традициях и вступало на жизненный путь с новыми идеями, не совместимыми с господствующей идеологией. В 60—70-х годах удельный вес складывавшейся разночинной интеллигенции постоянно возрастал, ее влияние на русское общество становилось все более и более ощутимым.

---

[140] «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», т. II. М., 1964, стр. 149—150.

Глава третья

РАЗНОЧИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В КАДЕТСКИХ КОРПУСАХ

■

К началу 70-х годов XVIII в. число молодых людей, вышедших из стен высших непривилегированных учебных заведений, было уже для того времени значительным. По примерным данным, приведенным в предыдущей главе, за 15—16 лет деятельности Академического университета (с 1750 по 1766 г.) в нем получило образование около 150 человек. В Московском университете за первые 20 лет его существования (с 1756 по 1775 г.) числилось свыше 300 студентов. К этому времени из Академии художеств с аттестатами вышло более 150 молодых архитекторов, живописцев, скульпторов, граверов. Тогда же несколько сот врачей уже успело окончить четыре медико-хирургические школы Петербурга и Москвы. Надо полагать, что не меньшее число молодых людей за эти годы получило среднее образование.

Тернистый путь лежал перед большей частью молодежи по окончании высших учебных заведений. На службе и в быту она вынуждена была неустанно отстаивать свои убеждения и знания в борьбе с невежеством и самодурством гражданских и духовных властей. Вступая в трудовую жизнь, каждому предстояло преодолевать косность и безразличие окружавшей среды. Как правило, эта молодежь бралась за занятия, соответствовавшие полученному образованию, там, где наиболее ощущался спрос на сведущих людей. Выпускники медико-хирургических школ в большинстве случаев рассредоточивались по губерниям и воинским частям. Питомцы Академии художеств частично направлялись

на выполнение различных государственных нужд по строительству или в области изобразительных искусств. Многие шли на государственный фарфоровый завод и в художественные мастерские при ведомствах. Значительное число воспитанников Академического и Московского университетов, а отчасти и Академии художеств становилось учителями; другие поступали на канцелярскую службу в Сенат и различные центральные учреждения, где наиболее ощущалась нужда в грамотных чиновниках. Третьи, наконец, становились на путь науки и шли в Академию наук или в Московский университет.

Таким образом, поле их деятельности в русском обществе было разнообразным. Многие из них сочетали служебную работу с литературной, которая приобретала большое общественное значение; в своих сочинениях и переводах они пропагандировали знания, новые понятия и вкусы, новую мораль, новое миросозерцание. По примерным подсчетам, в течение 50—70-х годов более 250 представителей разночинной интеллигенции публиковало свои сочинения и переводы.

■

Педагогическая деятельность прежде всего привлекла к себе воспитанников Академического и Московского университетов. Наиболее успевающим из них еще в бытность их студентами поручалось преподавание в младших классах. Занимаясь этим в течение ряда лет, они становились профессиональными педагогами, авторами и переводчиками различных учебников и учебных пособий. Между тем к началу 60-х годов спрос на сведущих учителей резко возрос в связи с мероприятиями, проводившимися в жизнь правящими кругами по реорганизации и улучшению дворянского образования, в частности в области правовых и политических наук.

60-е годы XVIII в. в России были временем острых социальных и политических конфликтов, ширившегося крестьянского движения, дворцовых заговоров и проектов неосуществленных реформ. Развитие буржуазных производственных отношений, усиление крепостнического гнета, коррупция и произвол царской администрации

создавали в стране напряженную обстановку. Екатерина II, захватившая трон в 1762 г., тогда же писала, что «признаки были великого роптания на образ правления прошедших последних годов» [1]. От правящих кругов требовались действенные меры по укреплению административного аппарата — орудия господства дворян. В манифесте 15 декабря 1763 г. особо подчеркивалась необходимость более широкого привлечения образованных дворян к административной деятельности, «дабы впредь для штатской службы иметь ученых в приличных благородному дворянству науках и знающих юриспруденцию» [2].

Юнкерская школа при сенате, созданная еще 1720 г. для молодых дворян, не оправдала возложенных на нее надежд. Как указывалось в том же манифесте, «по недостатку в оной довольного числа учителей» обучение ограничивалось практическими занятиями по ведению письменных дел и выпуском рядовых полуграмотных канцеляристов. В связи с этим в манифесте говорилось о роспуске этого учебного заведения и о передаче его функций Сухопутному шляхетному кадетскому корпусу. Таким образом, кадетский корпус, готовивший ранее только военных специалистов, получил новое, более широкое назначение и в какой-то мере становился чем-то вроде дворянского университета. Новая учебная программа, принятая кадетским корпусом, была значительно расширена: кроме военных, математических и некоторых специальных дисциплин, в нее включались общественные науки, а также предусматривалось более глубокое изучение иностранных языков. Как говорилось в одном из сенатских указов 1765 г., «корпус, по силе изданных об нем узаконений, заключает в себе не одно военное, но и политическое и гражданское училище» [3]. А выпускаемые на службу кадеты в награду за свои успехи стали получать не только военные, но и гражданские чины, в зависимости от избираемого ими поприща.

Изменения, внесенные в учебную программу Сухопутного шляхетного кадетского корпуса, значительно повлияли на характер преподавания в двух других ка-

[1] «Русский архив», 1865, стб. 473.
[2] ПСЗ, т. XVI, № 11988, § 23.
[3] ПСЗ, т. XVII, № 12338.

детских корпусах. Директор Морского шляхетного кадетского корпуса И. Л. Кутузов в 60-х годах говорил о том, «сколь нужные науки философия, мораль, история и география для человека и гражданина..., а тем паче для такого училища, каков есть кадетский корпус, в котором воспитывается благородное (дворянское.— *М. Ш.*) юношество и приуготовляется к произведению в высшие степени...» [4]. Такой же точки зрения придерживалось и руководство Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, где гуманитарные науки были также включены в учебную программу [5].

Новые штаты для кадетских корпусов, утвержденные в течение 60-х годов, предусматривали значительное увеличение числа учителей. Тем самым перед руководством этих корпусов возникала весьма нелегкая для тех лет задача набрать сведущих преподавателей. Иностранные учителя, число которых тогда в России было весьма значительно, за редким исключением, не отличались высоким уровнем образования и порой не могли быть использованы. Некоторые строевые офицеры из бывших воспитанников кадетских корпусов привлекались к преподаванию военных дисциплин. Все же учителя по общеобразовательным предметам и часть учителей по иностранным языкам в основном были набраны из рядов складывавшейся разночинной интеллигенции, из воспитанников Академического и Московского университетов. Хотя далеко не все штатные места учителей удавалось заполнить, тем не менее в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе в 1767 г. числилось 43 учителя. Из них 5 преподавали военные науки, 4 — фехтование, 11 — иностранные языки, а остальные — общеобразовательные предметы [6]. В те же годы в Морском шляхетном кадетском корпусе имелось 22 учителя, из которых 2 преподавали военные науки, 4 — иностранные языки, остальные — общеобразовательные предметы [7]. Приблизительно такое же положение с преподаватель-

---

[4] Ф. Ф. Веселаго. Очерки истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852, стр. 147.

[5] «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса». СПб., 1862, стр. 108.

[6] ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 3341, лл. 202—203.

[7] ЦГАВМФ, ф. Морского кадетского корпуса, оп. 1, ч. 1, д. 44, л. 1.

ским составом было и в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе [8].

Еще в 1762 г. по требованию Сената из Московского университета было направлено в Сухопутный шляхетный кадетский корпус «для обучения кадет» 10 человек: 2 адъюнкта — Семен Лобанов и Иван Алексеев и 8 студентов — Владимир Золотницкий, Петр Семенов, Максим Тихомиров, Данила Ястребов и др. Все они были из числа первых учащихся, пришедших в Московский университет еще в 1755 г. из разных духовных семинарий [9]. В последующие годы в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе продолжали поступать на должности учителей воспитанники как Московского, так и Академического университетов. Из последнего, в частности, пришли Лука Сичкарев, Семен Гамалея, Фома Яновский. Все они были выходцами из небогатых казацких семей Украины; сначала они обучались в Киевской академии, для завершения образования приехали в Петербург и поступили в Академический университет.

Другие воспитанники университетов шли на должности учителей в Морской шляхетный кадетский корпус. В начале 60-х годов туда были приняты братья Павел и Семен Веденские. Они были детьми священника и вначале учились в Московской славяно-греко-латинской академии, откуда и были взяты в Академию наук. Оба слушали лекции Ломоносова и, будучи еще студентами, преподавали в Академической гимназии. Семен Иванович Веденский (1737—1766 гг.), в частности, оказался «по остроте его ума пред другими способен» и непосредственно помогал Ломоносову в его работе над «Древней российской историей» [10]. Уволенные из Академии наук в 1762 г., оба брата были определены в Морской шляхетный кадетский корпус: Павел Иванович — учителем геометрии, Семен Иванович — корректором корпусной типографии.

Туда же в 1764 г. на должность инспектора учебной части пришел еще один воспитанник Академического университета — Григорий Андреевич Полетика (1725—

---

[8] АВИМАИВ, ф. Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, оп. 13, д. 971, л. 131.

[9] ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 1384, л. 1.

[10] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.—Л., 1962, стр. 137.

1789 гг.). Он происходил из более зажиточной семьи, его отец принадлежал к казацкой старшине. Во второй половине 60-х годов он был избран депутатом в Уложенную комиссию, где активно выступал в защиту прав и привилегий украинской старшины, требуя уравнения ее с русским дворянством. Сначала Полетика учился в Киевской академии, а затем в течение ряда лет слушал лекции профессоров в Академии наук, где позже числился переводчиком. Полетика был известен своими знаниями древних и новых языков. В 1757 г. им была написана работа «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынешнем оных состоянии». Однако сочинение это получило неодобрительный отзыв Ломоносова, ставившего ему в вину то, что в ней «с X века... по XVII век ни о каких школах в России не упомянуто»[11]. По этой причине работа Полетики не была напечатана. В Морском шляхетном кадетском корпусе его деятельность ознаменовалась всемерным поощрением литературного труда учителей, распространением печатных учебников и укреплением власти и авторитета учителей в классах. В своих политических и философских взглядах он проявлял ограниченность, но это не препятствовало его участию в просветительском движении тех лет.

В 1765 г. на должности учителей в Морской кадетский корпус поступило еще два воспитанника Академического университета: Петр Васильевич Степанов и Иван Кондратьевич Мошков. Степанов был «солдатским сыном»; 50-е годы он провел в Академической гимназии, а в 1761 г. «за успехи и прилежание» был произведен в студенты[12]. В университете Степанов проявил особую склонность к математике, которую, будучи еще студентом, преподавал в Академической гимназии, а потом, по выходе из университета,— и в Морском кадетском корпусе. Несколько иначе началась жизнь у Мошкова: он родился на Камчатке в семье штурмана и с 1751 г. обучался в Москве в Славяно-греко-латинской академии «на своем содержании». В 1760 г., «желая иметь дальнейшие знания в науках», Мошков перешел в Академический университет. Там он слушал

---

[11] П. Пекарский. Редактора, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. СП., 1867, стр. 46.

[12] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 200—201.

лекции профессоров и особенно много упражнялся «в красноречии латинского языка и в чистоте российского слога с довольными успехами»[13]. В Морском кадетском корпусе он преподавал историю, географию и латинский язык, в свободное время занимался переводами с латинского языка.

Несколько учителей было набрано из студентов Московского университета, среди них Михаил Пермский, первоначально обучавшийся в Невской духовной семинарии в Петербурге и преподававший в Морском кадетском корпусе английский язык, знание которого усовершенствовал за время пребывания в русском посольстве в Англии в должности дьячка[14]. По свидетельству современников, Пермский был автором «нескольких очень грациозных небольших произведений, частью оригинальных, частью переводных»[15]. Другим питомцем Московского университета в Морском корпусе был Фома Халчинский, обучавший кадетов истории и географии. Он был родом из казаков и сначала учился в Киевской академии, где, будучи еще студентом, преподавал французский и немецкий языки в младших классах[16]. До поступления в Морской корпус Халчинский был учителем немецкого языка в Сухопутном кадетском корпусе. Ряд других воспитанников Академического и Московского университетов преподавали в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе.

■

Большое число учителей кадетских корпусов вело литературную и научную работу, составляя или переводя учебные руководства, пособия и различные другие общеобразовательные книги. Как писал в 1766 г. учитель Сухопутного кадетского корпуса Владимир Золотницкий, «мы уже теперь в таком просвещенном веке живем, в котором всяк по способности своей трудится

---

[13] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6456, л. 82.

[14] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. 1. М., 1960, стр. 365.

[15] П. А. Ефремов. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867, стр. 142—143.

[16] В. Аскоченский. Киев с древнейшим его училищем Академиею, ч. II. Киев, 1856, стр. 260.

в издании своих переводов или сочинений»[17]. Учителя кадетских корпусов своими изданиями стремились удовлетворить нужды не только кадетов, но и широкого круга читателей. Об этом хорошо сказал учитель Сухопутного кадетского корпуса «солдатский сын» Степан Назаров. В предисловии к составленному им учебнику по геометрии, выдержавшему три издания (с 1760 по 1775 г.), он писал, что своим трудом стремился принести пользу «как обучающемуся благородному юношеству (кадетам.— *М. Ш.*), так и прочим молодым людям», с тем «дабы российское юношество от сего малого труда моего всю уповаемую мною пользу снискало»[18].

Эту мысль выражали многие авторы и переводчики учебных книг. Воспитанник Академического университета учитель Козьма Флоринский в предисловии к переведенному им пособию по химии говорил, что эта работа была им предпринята «единственно с тем, чтоб сими моими трудами незнающему иностранных языков российскому юношеству, при начинании учиться сей науке (химии.— *М. Ш.*), подать некоторое облегчение и, тем самым, сделать пользу обществу»[19].

Руководствуясь такими стремлениями, многие учителя издавали самые различные книги, нужные для учащейся молодежи, в зависимости от тех дисциплин, которые они преподавали. Так, Михаил Пермский перевел и издал первый русский учебник английского языка[20]; учитель Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса Василий Бунин «из приказных»[21] написал один из первых русских учебников французского языка[22]. Учитель Морского корпуса Григорий Полетика

---

[17] В. Т. Золотницкий. Общество разновидных лиц, или Рассуждение о действиях и нравах человеческих. СПб., 1766. Предисловие.

[18] С. Назаров. Практическая геометрия, сочиненная при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе для употребления обучающегося благородного юношества..., ч. 1. СПб., 1760. Предисловие.

[19] К. Флоринский. Предуведомление к кн. П.-Ж. Маке «Начальные основания умозрительной химии», ч. 1. СПб., 1774.

[20] М. Пермский. Практическая английская грамматика, переведенная с английского языка на российский. СПб., 1766.

[21] АВИМАИВ, ф. Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, оп. 2, д. 1853, л. 8.

[22] В. Бунин. Французская грамматика с кратким употреблением на все части, сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. СПб., 1758.

опубликовал сравнительный словарь на шести языках: русском, древнегреческом, латинском, французском, немецком и английском. С помощью составленного им словаря он стремился, как сам об этом говорит, «поспешествовать молодым людям российского народа во обучении тех языков, которые за славнейшие во свете и нужнейшие к наукам почитаются»[23].

Много учебников и учебных пособий было издано учителями кадетских корпусов и по другим отраслям знаний. Учитель Морского корпуса Павел Веденский опубликовал свой перевод второй части известной работы Х. Вольфа «Сокращение первых оснований математики, сочиненное в пользу учащегося юношества»[24], в которой впервые на русском языке были изложены начала математического анализа[25]. Первая часть этой работы была переведена и издана профессором С. К. Котельниковым[26]. Учитель Сухопутного кадетского корпуса Сергей Федорович Наковальнин (из разночинцев) был автором четырехтомной «Политической географии»[27], которая в течение последней трети XVIII в. считалась одним из лучших учебных пособий по этому предмету[28]. Учитель Сухопутного кадетского корпуса из числа студентов Московского университета Петр Семенов перевел известный французский исторический словарь Лавока, содержащий краткие биографии различных деятелей, в надежде, что эта книга будет «полезною и надобною обществу». При этом Семенов расширил словарь, внеся в него русские имена, позаимствованные из «Краткого российского летописца» Ломоно-

---

[23] Г. А. Полетика. Словарь на шести языках: российском, греческом, латинском, французском, немецком и английском, изданный в пользу учащегося российского юношества. СПб., 1763. Предисловие.

[24] Х. Вольф. Сокращение первых оснований математики, сочиненное в пользу учащегося юношества, т. 2. СПб., 1771.

[25] «История естествознания в России», т. I, ч. 1. М., 1957, стр. 261.

[26] ЦГАВМФ, ф. Морского кадетского корпуса, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 98.

[27] С. Ф. Наковальнин. Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе..., ч. 1—4. СПб., 1758—1772.

[28] Л. Весин. Исторический обзор учебников общей и русской географии (1710—1876). СПб., стр. 25 и сл.

сова[29]. Много потрудился над составлением учебников и выработкой методов преподавания и другой воспитанник Московского университета, Семен Лобанов. Будучи еще студентом, он вел классы по точным наукам в университетских гимназиях, за что и получил звание адъюнкта. В Сухопутном кадетском корпусе Лобанов успешно преподавал физику и математику и в середине 60-х годов был произведен в профессора. Н. И. Новиков говорит о нем как о человеке «разумном, ученом и доброго житья», который, по его свидетельству, написал два учебника: по физике и по математике. Однако «сколь много ни похваляются за их исправность», они не были напечатаны и распространялись в рукописях[30].

■

Одним из выдающихся пропагандистов научных знаний был учитель математики Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, смелый мыслитель-материалист Яков Павлович Козельский (1728 — ок. 1794 г.). Как и многие его друзья и сподвижники, он глубоко верил в преобразовательную силу печатного слова и считал, что «предмет сочинения всякой книги состоит в том... чтоб она приносила свету пользу»[31]. В течение 60-х годов им было написано и переведено много книг, привлекших внимание читателя к общественно-политическим вопросам. Козельский родился на Украине в казачьей семье. «Крестьян не имеет» — значилось в его формулярном списке[32]. Свое обучение он начал в Киевской академии и дошел до класса риторики. В 1750 г. он переехал в Петербург с целью продолжить свое образование в Академической гимназии. Два года спустя по представлению академика С. П. Крашенинникова Козельский был произведен в студенты и переведен в Академический университет; там он слушал лекции

---

[29] П. Семенов. Уведомление к кн. Лавока «Исторический словарь, содержащий в себе историю... вообще всех знатных и славных особ всех веков и всех в свете земель...», т. I. СПб., 1769.

[30] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 118—119.

[31] Я. П. Козельский. Предисловие к кн. Д.-С. Шофина «История славных государей и великих генералов с рассуждением о их поступках и делах». СПб., 1765.

[32] АВИМАИВ, ф. Канцелярии Главной артиллерии и фортификации, оп. 2, д. 1848, л. 10.

М. В. Ломоносова, под воздействием которого и складывалось его мировоззрение[33]. Выдающиеся способности и трудолюбие привели к тому, что уже в 1754 г. ему было поручено преподавание немецкого языка в Академической гимназии. Как и все остальные студенты, Козельский постоянно испытывал нужду, и в 1755 г. он, чтобы облегчить свое материальное положение, поступил репетитором в семью прокурора Н. М. Самарина, а в 1757 г. оставил университет и перешел на военную службу. В начале 60-х годов он стал преподавать математику и механику в Артиллерийском и инженером кадетском корпусе.

Плодами его педагогической деятельности в кадетском корпусе явились два учебника, вышедшие в свет в 1764 г.: «Арифметические предложения» и «Механические предложения». В предисловии к одному из этих учебников он писал, что «сочинил сию книгу не по жадной охоте» прослыть автором, «но по повелению команды, для употребления обучающегося в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества». Однако далее он пояснял, что в целях сделать свой учебник общедоступным и полезным для всех он исключил из него все те правила, которые «ни в житейских нуждах, ни в действиях натуры места не имеют», и, наоборот, всемерно стремился «не пропустить никакого правила, употребляемого в житейских нуждах»[34]. Свой второй учебник он посвятил Академии наук «как плод несколколетнего... при ней упражнения в науках». Козельский стремился придать и этому труду наиболее практический и общедоступный характер, «совокупить теорию и практику науки»[35], снабдив его пространными примечаниями, в которых изложил ряд сведений из области истории науки и дал научные

---

[33] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 160—161.

[34] Я. П. Козельский. Арифметические предложения для употребления обучающегося в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества. СПб., 1764. Речь к читателю.

[35] Я. П. Козельский. Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества. СПб., 1764. Предисловие.

объяснения многим явлениям и законам механики[36].

Одновременно с педагогической деятельностью в течение первой половины 60-х годов Козельский развил поистине огромную переводческую работу с французского и немецкого языков. Практически она выразилась в опубликовании с 1764 по 1766 г. шести больших переведенных им произведений, из которых четыре относились к исторической науке. Причины такой направленности своих научно-просветительских интересов Козельский объясняет тем, что «чтение истории приносит людям пользу: она вместо сухих и скучных философских правил исправляет наш разум и поступки живыми и в натуре происходящими примерами»[37].

Переведенные им книги трактуют о тех уроках истории, которые, как он надеялся, пойдут на пользу читателю. Для большей уверенности в этом он снабдил некоторые из переведенных им книг многими примечаниями, заострявшими внимание на тех событиях, которые, по его мнению, были наиболее назидательными.

Козельским была переведена двухтомная «Датская история» известного скандинавского писателя-просветителя Л. Гольберга, в которой критиковался произвол феодальных порядков. Другая переведенная Козельским книга — «Государь и министр» — принадлежит перу немецкого историка К.-Ф. Мозера, сторонника модных тогда политических концепций «просвещенного абсолютизма». В его же переводе вышло краткое изложение многотомной древней истории известного французского историка эпохи Просвещения Ш. Роллена в обработке Д.-С. Шофина. В ней противопоставляются «мудрые законодатели», такие, как Нума Помпилий, Сервий Туллий и др., монархам-поработителям, ведшим разорительные, захватнические войны. Наконец, Козельским была переведена двухтомная работа французского историка Р.-О. Верто д'Обёф «История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления...», касающаяся политических и философских вопросов в свете идей эпохи Просвещения.

---

[36] В. Е. Прудников. Русские педагоги-математики XVIII—XIX веков. М., 1956, стр. 131.

[37] Я. П. Козельский. Предисловие к кн. Д.-С. Шофина «История славных государей и великих генералов с рассуждением о их поступках и делах».

Все эти книги сопровождались предисловиями, в которых Козельский излагал свои взгляды и мысли. В предисловии к книге Л. Гольберга он выражает мнение, что «к несчастию человеческого рода и к крайнему об нем сожалению» все беды и злоключения его происходят от жажды одних людей поработить других. Отсюда происходят все чинимые насилия и войны, которые, полагает он, и в «пребудущие века не преминут наполнять весь свет беспокойствием, разорением и горестью». Осудив дух захватничества, Козельский видит его проявление и среди дворян, которые «хвастают знатностью своего происхождения от каких-нибудь военных героев, хотя справедливым образом ни один из них из такой ужасной пучины времени прямого своего начала почерпнуть не может». Разоблачая ложную спесивость привилегированных, Козельский обвиняет их в ограблении «ближних», в «властолюбии, сребролюбии и пренебрежении законов и добродетелей». Он предупреждает, что «преимущество, силою и наглостью приобретаемое, влечет за собою злословия и проклятия народные, и... буде не сами такие преступники, то по крайней мере потомки их понесут несносные удары, заслуженные их предками»[38].

Обратившись далее к монархам, Козельский призывает их воздерживаться от захватнических войн, которые, кроме горя, ничего не приносят народам. «В древние времена,— пишет он,— обладатели земные сами хаживали на войну» и даже «вызывали своих соперников на поединок и дрались с ними, а иногда и отцов своих убивали и свергали с престолов». Но теперь другие времена, и «к похвале нынешних веков, перестали уже владеющие особы искать себе той тщетной, бесполезной и низкой для них чести, чтоб ходить на войну...» И Козельский заключает не без иронии: «дай бог, чтоб они вздумали иметь такие ж сожалительные и спасительные мысли и в рассуждении других»[39].

В предисловии к книге К.-Ф. Мозера Козельский выступает обличителем сословного неравенства и говорит о том, что каждый человек должен работать и пользо-

---

[38] Я. П. Козельский. Предисловие к кн. Л. Гольберга «История датская... которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский», ч. I. СПб., 1765.

[39] Там же.

ваться спокойной жизнью: «есть, пить, прогуляться, отдохнуть; но ежели он при всех сих выгодах добровольно не захочет трудиться, то законным образом можно его к тому и принудить». Однако, недвусмысленно замечает Козельский, «в иных местах... одна часть народа едят, пьют, веселятся, а о труде не только не заботятся, но еще его и презирают; а другая часть народа работают и работают без отдыху». Козельский выражает возмущение «праздностью, неумеренною роскошью и другими излишествами» дворян. Он предлагает взимать денежный штраф с тунеядцев, что значительно обогатило бы казну. «Но жаль,— говорит он,— что противное тому делается на свете, и во многих областях собираются подати с людей за земледелие, художества и другие полезные дела». По-видимому, здесь Козельский имеет в виду подушный оклад, которым в России было обложено все население, за исключением дворян и духовенства [40].

В заключение в несколько завуалированной форме он ставит вопрос о политическом строе и высказывается против самодержавия. Он считает, что, кроме как на войне, единоначалие «весьма бесполезно». Нельзя, говорит он, вверять «в полновластное управление одному человеку тысяча людей, который иногда по своему воспитанию не в состоянии бывает управлять и одним самим собою, ни повелевать своими страстями». При таком положении вещей «многие честные и добродетельные люди» бывают несчастливы, чего не может случиться, «ежели такие дела зависят не от одного старшего командира, а от совету его с своими товарищами и помощниками» [41].

Наконец, в предисловии к книге Д.-С. Шофина Козельский настораживает читателя в отношении добропорядочности историков, авторов исторических трудов, которые могут по слабости духа в угоду сильным мира сего высказывать «пристрастные мнения, прикрытые приятностью неправедных похвал», и давать прозвище «великих» правителям, того не заслуживающим. Вновь возвращаясь к вопросу о характере войн, Козельский делит их на войны захватнические и войны справедливые.

---

[40] Я. П. Козельский. Предисловие к кн. К.-Ф. Мозера «Государь и министр». СПб., 1765.

[41] Там же.

К последним он относит те войны, «когда обиженный народ» защищает себя от «неправедного нападения властолюбивых соседей». И здесь, снова беря примеры из истории, славит он мудрость Нумы и сурово осуждает Александра Македонского[42].

Обращаясь к России, Козельский, так же как в свое время его учитель Ломоносов в похвальном слове Петру, указывает на оборонительный характер петровских войн. Петр, говорит он, стал военачальником, «героем по принуждению и по причине властолюбия своих соседей, а не по охоте», и называет его «отцом отечества и великим» не только за военные дела, но и за то, что дал России «полезные законы, завел науки и разные искусства и художества, заставил подданных своих к трудам...»[43]

Все эти мысли, изложенные Козельским в предисловиях к переведенным им книгам, нашли более полное выражение в известной его работе «Философические предложения», вышедшей в свет в 1768 г., когда он уже больше не служил учителем в корпусе. В этом замечательном памятнике передовой русской общественной мысли Козельский обращается к своим сподвижникам, таким же, как и он, борцам за просвещение, «к любезным в искании прямой добродетели и прямого разума товарищам россиянам»[44]. Он говорит им, что «прямая добродетель» не кроется в лицемерных фразах «непротивления злу насилием», выдуманных теми, которые «всегда других людей обижали, а сами ни от кого не видели обиды»[45]. В его понимании «прямая добродетель» состоит в том, чтобы ради блага людей просвещать их разум, помочь раскрыть им глаза на несостоятельность и лживость общественных, философских и моральных устоев существовавшего тогда феодально-крепостнического общества. В своем понимании вопроса Козельский как бы выражал политическое кредо передовой разно-

---

[42] Я. П. Козельский. Предисловие к кн. Д.-С. Шофина «История славных государей и великих генералов с рассуждением о их поступках и делах».

[43] Там же.

[44] Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768. Предисловие.

[45] Там же, стр. 125.

чинной интеллигенции, шедшей в русле просветительского движения.

Обращаясь к идеологам привилегированного класса, Козельский резко полемизирует с теми, которые «под видом искания общей пользы искусно утесняют своих ближних»[46]. Он опровергает их излюбленные доводы с нарочито подобранными ссылками на некоторых французских энциклопедистов, что следует прежде просветить крестьян, а потом уже их раскрепостить. «Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; и я думаю,— пишет Козельский,— что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как чрез облегчение его трудностей, а другие по неумеренному самолюбию (себялюбию.— *М. Ш.*), что почитают в неумеренном господствовании над людьми лучшую для себя пользу»[47]. Такое далеко идущее разоблачение Козельским доводов так называемого дворянского просветительства вскрывает противоречия между двумя течениями русской общественной мысли.

Главную причину нищеты и бедствий человечества Козельский видел в имущественном и общественном неравенстве. И выводы, к которым он пришел в решении этого вопроса, ставят его в ряды самых передовых людей эпохи. «Мне кажется,— говорит он,— что весьма неполезны великие различия состояний человеческих в обществах, а лучше им быть посредственным так, чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других, а другие не имели б причины много раболепствовать»[48]. Козельского глубоко возмущала царившая в России безнаказанность произвола дворян над крестьянами. Это становится невыносимым, говорит он, когда обидчик «не терпит, чтоб обиженный жаловался на обиду», очевидно, намекая здесь на указ 1767 г., запрещающий крестьянам подавать жалобы на помещиков. При этом он сожалеет, что «натура, благодетельница человеческого рода, для таких людей не делается строгою мстительницею...»[49]

---

[46] Там же, стр. 201.
[47] Там же, стр. 198—199.
[48] Там же, стр. 196.
[49] Там же, стр. 169.

Однако Козельский, как и его современники на Западе и в России в 60—70-х годах, был еще далек от мысли призывать обиженных и угнетенных к революции. Но, что чрезвычайно важно для всего дальнейшего направления русской передовой политической мысли, он оправдывал тех, кто в силу сложившихся обстоятельств прибегает к обузданию силой обидчиков. Сравнивая терпение угнетенных масс с плотиной, сдерживающей напор реки, он предупреждает, что в случае прорыва обиженные могут в свою очередь стать обидчиками и «истащать наружу свою досаду». Тогда, заключает он, «по справедливости почесть их можно почти за невинных» [50].

Такой вывод, объективно оправдывающий идею революции, свидетельствует об остроте антифеодальной борьбы в России. Крестьянский вопрос был главным ее содержанием, и открытое обсуждение этого вопроса с точки зрения интересов народных масс показывает высокую политическую сознательность левого крыла русской разночинной интеллигенции 60—70-х годов, связь ее интересов с чаяниями и нуждами народа.

■

Образ мыслей Козельского, по-видимому, был близок учителю Морского кадетского корпуса Николаю Гавриловичу Курганову (1726—1796 гг.), автору и переводчику многих книг. Как и Козельский, он считал, что люди, умеющие владеть пером, «должны по возможности упражняться в полезных делах и отечеству своему приносить жертву плодами оных» [51]. Во всем его творчестве звучит все тот же антагонизм к привилегированным и сочувствие к требованиям народным.

Курганов вышел из городской бедноты. Его отец был солдатом, дослужившимся до унтер-офицерского чина. Свое образование он начал в 1738 г. в Навигационной школе в Сухаревой башне в Москве, а в 1741 г. в числе лучших учеников был переведен слушателем в Мор-

---

[50] Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768, Предисловие, стр. 156—157.

[51] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика или всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку, с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769. Приношение читателю.

скую академию в Петербург, на основе которой в 1752 г. и возник Морской кадетский корпус. Проявив большие способности к математике, Курганов в 1746 г получил младшую научную должность «ученого подмастерья», по тогдашней терминологии, в области математических и навигационных наук. Вместе с тем ему разрешалось в свободное от корпусных занятий время вести астрономические наблюдения в обсерватории Академии наук, где он и трудился в течение ряда лет. Там он получил возможность общения с Ломоносовым, который был доволен молодым ученым из Морского ведомства и характеризовал его как «лучшего из числа назначенных обсерваторов»[52].

Вскоре Курганов был привлечен к научной работе в Академии наук. Он трижды участвовал в экспедициях, имевших целью дальнейшее картографирование территории России: в 1746 г.— у берегов Балтийского моря, в 1750 и 1752 гг.— на острове Эзель. Одновременно Курганов продолжал преподавать математические и навигационные науки в Морском кадетском корпусе. В 1761 г., продолжая посещать академическую обсерваторию, Курганов провел в ней ряд наблюдений, имевших большую научную ценность: совместно с воспитанником Академического университета адъюнктом Андреем Красильниковым он следил за прохождением Венеры по диску солнца. Полученные ими данные были использованы Ломоносовым в его известной работе «Явление Венеры на Солнце, наблюдаемое в Санктпетербургской Академии наук, мая 26 дня 1761 г.» Великий ученый дал высокую оценку знаниям Курганова и предложил его «аттестовать Академии адъюнктом»[53]. Тогда же был поднят вопрос о зачислении Курганова в штаты Академии наук. Однако враждебные Ломоносову и его последователям академические реакционные круги всячески воспротивились этому. В результате Курганов в начале 1762 г. был вынужден оставить научную работу в Академии наук и возвратиться к педагогической деятельности в Морском кадетском корпусе, где он и оставался до конца жизни.

---

[52] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. М.— Л., 1957, стр. 303.

[53] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 4. М.— Л., 1955, стр. 364.

Еще в 1757 г. Курганов выпустил в свет свой первый учебник «Универсальную арифметику», сразу же обратившую на себя внимание новизной мысли и ясностью изложения. Из обращения «К читателю» видно, что автор составил его не столько для кадетов Морского кадетского корпуса, сколько для практических нужд широкого читателя. «В ней (в «Универсальной арифметике».— *М. Ш.*),— писал Курганов,— показан сокращенный и основательный способ учения начальных математических наук в житии человеческом необходимо потребных... дабы начинающим сие сочинение за краткое руководство к познанию оных служить могло...»[54] И действительно, достоинства «Универсальной арифметики» Курганова были так несомненны, что она быстро проложила себе путь к широкому читателю, вытесняя ранее распространенную «Арифметику» Магницкого[55].

В 1765 г. Кургановым был издан второй учебник — «Генеральная геометрия»[56], а в 1771 г. третий — «Арифметика, или Числовник», который им предназначался «в пользу всякого учащегося воинского, статского и купеческого юношества»[57]. В этих словах автор определял тот круг людей, на которых рассчитывал свои учебники. Все эти учебники получили большую известность и многократно переиздавались под разными названиями[58].

Курганов много занимался и переводами. В свободные часы от классных занятий, как писал Курганов[59],

---

[54] Н. Г. Курганов. Универсальная арифметика, содержащая основательное учение, как легчайшим способом разные во обществе случающиеся математике принадлежащие арифметические, геометрические и алгебраические выкладки производить. СПб., 1757. К читателю.

[55] Е. Колбасин. Литературные деятели прежнего времени. СПб., 1859, стр. 191.

[56] Н. Г. Курганов. Генеральная геометрия, или Общее измерение протяжения, составляющее теорию и практику оной науки... Книга первая, содержащая в себе элементы геометрии, плоской тригонометрии и сферики. СПб., 1765.

[57] Н. Г. Курганов. Арифметика, или Числовник, содержащий в себе все правила цыфирного вычисления, случающейся в общежитии в пользу всякого учащегося воинского, статского и купеческого юношества. СПб., 1776.

[58] «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», т. II. М., 1964, стр. 103—107.

[59] ЦГАВМФ, ф. Морского кадетского корпуса, оп. 1, ч. 1, д. 23, л. 24.

он переводил книги с французского и английского языков, главным образом по морскому делу. В его переводе вышли следующие книги: в 1764 г.— «Новое сочинение о навигации» П. Бугера, в 1769 г.— «Элементы геометрии... Эвклида», в 1773 г.— «О точности морского пути» А. Саверьена, в 1774 г.— «Наука морская...» Ж. Бурде де Вильгюэ и др. Некоторые из этих переводов сопровождались пространными прибавлениями и примечаниями Курганова. Все они стали ценными практическими пособиями для нескольких поколений русских мореплавателей.

Однако наиболее значительным вкладом Курганова в дело распространения и демократизации знаний явилась знаменитая его «Российская универсальная грамматика» (СПб., 1769). Книга содержала восемь основных разделов. Грамматика составляла ее основную часть, затем шли «присовокупления» — собрания русских народных пословиц, кратких повестей на бытовые и политические темы, изречений древних философов, нравоучительных диалогов, стихов, различных сведений по естествознанию, истории и философии и, наконец, краткий толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. Этот своеобразный труд Курганова явился как бы энциклопедией начальных знаний, изложенных в ясной, увлекательной и доходчивой форме. Автор писал, что «книгу сию издать не мое бы да и скучное дело», но он взялся за него, «ведая, что различность (включенных в нее сведений.— *М. Ш.*) веселит, обогащает мысли и просвещает разум»[60]. В результате книга получила ярко выраженный общеобразовательный характер. Поясняя мотивы, побудившие его взяться за столь сложный труд, Курганов пишет: «Ближнему своему служить и в пользу общества трудиться из единой к ним любви есть добродетель»[61]. Ради такой цели и появилась эта книга.

«Письмовник» Курганова, как сокращенно стали ее называть читатели, имел небывалый успех и выдержал в последующие годы несколько изданий[62]. Отдельные

---

[60] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика... Предисловие.

[61] Там же, стр. 350.

[62] «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века», т. II, стр. 105—106.

места из него списывались и распространялись в рукописях, умножая его популярность. Кроме своих оригинальных произведений, Курганов широко использовал в «Письмовнике» отечественных и зарубежных авторов, порой передавая их в более сжатом изложении с присущей ему динамичностью и заостренностью мысли. На одной из страниц «Письмовника» он пояснял причину, побудившую его применять такой прием, тем, что «добрым выбором народ лучше пользуется»[63]. Иначе говоря, удачным подбором материала и увлекательным его изложением он рассчитывал скорее достичь своей цели: проложить путь начальным знаниям в широкие слои русского народа, просветить людей и приохотить их к печатному слову.

Всем своим содержанием «Письмовник» Курганова был нацелен против невежества, косности и суеверий. Чуть ли не на каждой странице автор в той или иной форме критиковал нравы и порядки феодально-крепостнического общества и пропагандировал просветительские идеи. В разделе, посвященном грамматике, популяризируются филологические взгляды и правила правописания, изложенные М. В. Ломоносовым в его «Российской грамматике». Собранные Кургановым русские пословицы, расположенные в алфавитном порядке, как бы вводят читателя в повседневную жизнь трудового народа, и прежде всего крестьянства, обреченного на нищету и бесправие. Многие из этих пословиц выражают гнев и ненависть народа к помещикам, к судьям, к крепостническим порядкам: «худо овцам, где волк воевода», «где сила владеет, там закон уступает», «как лапотника не станет, так и бархатник не встанет», «отольются волку коровьи слезы» и др.

Полны антифеодального содержания «Краткие замысловатые повести», составляющие один из разделов «Письмовника». Некоторые из них были взяты из иностранных книг, где они бытовали в течение долгих лет[64]. К таким, по-видимому, относится повесть, в которой выражается пожелание «видеть одного [короля]

---

[63] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика..., стр. 157.

[64] А. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896, стр. 56.

повешена на кишках другого»[65]. Это была крылатая фраза среди просветителей XVIII в., которая менялась в зависимости от обстоятельств. У Жана Мелье, раннего представителя французского утопического коммунизма, например, речь шла о желании видеть сильных мира, повешенных на кишках священников[66], у Вольтера — о последнем янсенисте, повешенном на кишке последнего иезуита[67], и т. п. Пожелание Курганова касалось коронованных особ.

Эти краткие повести были полны антагонизма к дворянам, обличения их тунеядства и спеси. В одной из них говорилось, что дворяне только и любят, что «промотать, погулять и презирать не дворян»[68]. В другой Курганов, раскрывая духовное убожество привилегированных бездельников, кичащихся своей «породой», противопоставляет им представителей молодой трудолюбивой разночинной интеллигенции. Один из этих последних, отвечая дворянину на упрек в его недворянском происхождении, говорил: «ежели бы вы были сыном моего отца, то бы вы и поныне еще ловили с ним моржей или пасли у него свиней. Ибо подлая природа такого человека (образованного разночинца.— *М. Ш.*) не унижает, но возвышает блистание его качеств»[69]. В другом месте Курганов, вновь возвращаясь к этому вопросу, пишет, что в его понимании истинное благородное сословие составляют те, «кои убожество, бесчестие, труд и смерть терпеливо сносят, а противное сему презирают»[70].

Остальные разделы «Письмовника» также убедительно свидетельствуют о демократизме Курганова. В его кратком изложении прозой известной поэмы английского философа и поэта Александра Попа «Опыт о человеке», в свое время переведенной профессором Московского университета Николаем Поповским, Курганов особо останавливается на вопросе о равенстве людей и как бы переносит это понятие в область обще-

---

[65] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика..., стр. 170.

[66] Ж. Мелье. Завещание, т. I. М., 1954, стр. 71.

[67] Voltaire. Oeuvres complètes. Paris, 1877—1885, ed. Moland, vol. 41, p. 296. Письмо Вольтера к Гельвецию от 11 мая 1761 г.

[68] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика..., стр. 157.

[69] Там же, стр. 160.

[70] Там же, стр. 153.

ственных отношений. «Мы по природе все равны,— говорит он,— и нет достойнейшего, ибо бог всех равно любит; посему и счастие должно быть одно и общее»[71]. Здесь, выражая уравнительные идеи, Курганов как бы перекликается с Я. П. Козельским, которого он не мог не знать и к мыслям которого не раз обращался на страницах своего «Письмовника». Он также сурово осуждает монархов, ведущих несправедливые войны[72].

В разделе «Всеобщий чертеж наук и художеств», содержащем различные научные сведения, Курганов вновь обращается к работам М. В. Ломоносова. По-видимому, он также использовал и книгу Я. П. Козельского «Философические предложения», вышедшую в свет за год до появления «Письмовника». Ей созвучны определения таких понятий, как «философия», «политика», «юриспруденция», «разум» и др.[73] В этом разделе главным объектом завуалированной критики Курганова становится религиозное мировоззрение. Он горячо призывает своих читателей знакомиться с естествознанием для материалистического понимания законов природы. «Испытание натуры,— говорит он,— охраняет нас от суеверия, открывает тщетность предсказаний... и притом нас здравому разуму по мере понятия подражать учит»[74]. Понимая неизбежные противоречия между церковным толкованием происхождения вселенной и научными данными, которые должны возникнуть в умах его читателей, Курганов говорит им: «священное писание не должно везде разуметь грамматическим, но нередко и риторским разумом»[75].

■

Радикального образа мысли придерживался, по-видимому, и учитель Сухопутного кадетского корпуса Лука Иванович Сичкарев (1741—1809 гг.). Родом он был с Украины из небогатых казаков. Отец его числился земским писарем в Нежине. В раннем возрасте Сичка-

---

[71] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика..., стр. 294.

[72] Там же, стр. 149.

[73] Г. П. Макогоненко. Радищев и его время. М., 1956, стр. 109.

[74] Н. Г. Курганов. Российская универсальная грамматика..., стр. 360.

[75] Там же, стр. 370.

рев был отдан в Киевскую академию, где проявил незаурядные способности. В 16 лет он уже успел окончить двухгодичный философский класс и был отмечен в годовом академическом отчете. Больших успехов достиг он в изучении иностранных языков. Сичкарев хорошо владел древнегреческим, латинским, французским, английским, итальянским, немецким и польским языками, с которых много переводил [76]. К сожалению, далеко не все переводы Сичкарева нам известны, особенно 60-х — начала 70-х годов. В 1757 г. Сичкарев переехал в Петербург и поступил в Академический университет «на своем собственном коште» [77]. Как видно из «Надгробной песни» на смерть М. В. Ломоносова, написанной им в 1765 г., Сичкарев был учеником великого ученого. Он с гордостью писал: «промысел мне в твоем (Ломоносова.— *М. Ш.*) смотрении быть судил. Сколь часто ты давал полезные мне советы, каким путем идти в ученой должно свет» [78]. В 1762 г. Сичкарев поступил в Сухопутный кадетский корпус учителем «немецкого языка и красноречия» [79]. В этой должности он оставался до конца 1768 г., когда после каких-то трений с начальством временно перешел в Медицинскую коллегию переводчиком. Но там он долго не задержался и вскоре вновь вернулся к педагогической деятельности, поступив в 1769 г. учителем «истории, географии и российского штиля» [80] в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус.

По своим стремлениям Сичкарев принадлежал к передовым людям своего времени. Он верил в преобразовательную силу знаний и причислял себя к тем, «кои для пользы отечеству жизнь свою оным (литературным трудам.— *М. Ш.*) посвящают» [81]. Из немногих

[76] В. Аскоченский. Указ. соч., ч. II, стр. 207—208.

[77] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6315, л. 56.

[78] «Надгробная песнь в бозе вечно почившему ученому российскому мужу Михайло Васильевичу Ломоносову. От усерднейшего имени его почитателя Луки Сичкарева. 1765 году апреля 15 дня. в Санктпетербурге», [1765].

[79] ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 3341, л. 201.

[80] ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 607, л. 45.

[81] Л. И. Сичкарев. Посвящение в кн. «Забавный философ, или Собрание разных остроумно вымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов». СПб., 1766.

переводов Сичкарева, увидевших свет, следует прежде всего отметить книгу «Забавный философ», представляющую собой перевод статей из английского сборника «Увеселительный насмешник». Содержание сборника носит нравоучительно-философский характер и состоит из произведений Аддисона, Стила, Свифта и других английских писателей. Свой перевод Сичкарев рассчитывал довести «до всякого звания и состояния людей» в надежде содействовать просвещению соотвечественников. Для этого он изменил ряд мест в тексте, направленных на «исправление таких пороков, которые здесь (в России — *М. Ш.*) или вовсе неизвестны, или очень редки»[82]. Книга имела успех и в 1784 г. вышла вторым изданием под новым названием: «Зритель мира и деяний человеческих».

Сичкареву принадлежит перевод книги известного английского ученого Димсдала «Нынешний способ прививать оспу» (СПб., 1770). Выпуская в свет это издание на русском языке, Сичкарев имел в виду распространение нового метода лечения оспы, являвшейся в то время страшным бичом.

По свидетельству современников, Сичкарев не только занимался переводами, но и сам сочинял «мелкие повести»[83], которые нам остались неизвестными. П. Н. Берков, например, высказывает предположение, что Сичкареву принадлежал еженедельный журнал «Смесь», выходивший в 1769 г.[84] Приведенные им доводы представляются достаточно убедительными, хотя отсутствие конкретных данных и не позволяет окончательно считать статьи этого журнала принадлежащими Сичкареву. Тем не менее мысли, вложенные в эти статьи, неоспоримо были близки разночинной интеллигенции. В частности, антиклерикальные мотивы были особенно примечательны. «Колдовство,— говорилось в журнале,— уверяет простой народ, что он должен пахать, сеять и собирать жатву единственно для своих помещиков, а иногда от того и умирать с голоду», что «все видимое на свете принадлежит боярам»[85]. Здесь под колдов-

[82] Л. И. Сичкарев. «Забавный философ». Предуведомление от переводчика.

[83] П. А. Ефремов. Указ. соч., стр. 142.

[84] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.— Л., 1952, стр. 244 и сл.

[85] «Смесь. Новое еженедельное издание». СПб., 1769, стр. 212.

ством подразумевалась православная церковь, защищавшая право помещиков угнетать народ.

Журнал «Смесь» сочувствовал крестьянам, и это сочувствие было лишено характерного для дворянской критики противопоставления хороших помещиков плохим. Крестьяне «живут в хижинах, встают рано, пашут землю, косят сено, осушают болота, роют каналы, строят наши дома, одним словом, делают все, что нам потребно, так точно, как работные лошади и волы». В то же время дворяне «живут в великолепных домах, питаются хорошею пищею и проводят день в благородной праздности, ищут сна в мягких постелях»[86]. Вопиющая несправедливость была очевидной, и автор заключает, что теперь уже «многие сограждане видят истину, закрытую завесою ложного предрассуждения», хотя народ и «погружен в незнании»[87]. Здесь снова шла речь о наставлениях церковников, поддерживавших крепостнические порядки, и о начавшемся просвещении умов.

■

Конечно, не все представители разночинной интеллигенции выступали с одних и тех же позиций в их критике феодально-крепостнического строя. В этом-то и было своеобразие всякого буржуазного идеологического движения, когда оно шло по восходящей линии своего развития и когда еще отражало чаяния всего непривилегированного населения, включая и самую обездоленную его часть. Поэтому в ряде важнейших вопросов философии, политики, морали взгляды разночинцев расходились. Но это не мешало им быть солидарными в борьбе за освобождение умов от средневековых суеверий, предрассудков и невежества.

В среде разночинной интеллигенции осуждался произвол крепостнических порядков. Ему противопоставлялось «разумное», как казалось тогда, устройство общества, соответствующее неизменным природным свойствам людей. Эти свойства полагались основой «естественных прав» человека на жизнь, на гражданские свободы и, по мнению одних, на собственность, хотя другие и требовали ее ограничения.

---

[86] Там же, стр. 193—194.
[87] Там же, стр. 198.

Идеологам буржуазии представлялось, что переход людей из дообщественного или «естественного» состояния в гражданское произошел в результате «общественного договора», заключенного на основе выраженной «общей воли». Поэтому чинимые в феодально-крепостническом обществе гнет и насилие одних людей над другими им представлялись как нарушение этого договора, узурпация власти, поскольку сам народ никогда бы не согласился на установление такой тирании. Вот почему независимо от ненаучности, антиисторичности теории «естественного права» в XVIII в. она была сильным орудием в руках передовых людей против идейных устоев феодализма.

Автором первого в России труда о «естественном праве» был учитель Сухопутного кадетского корпуса Владимир Трофимович Золотницкий (1741 — ок. 1796 г.). Золотницкий был сыном сельского священника, получил образование в Киевской академии, а с 1760 г. — в Московском университете[88]. В 1762 г. он в числе других студентов был определен учителем немецкого языка в Сухопутный кадетский корпус, где и оставался ряд лет[89]. За это время он выпустил в свет несколько сочинений и переводов. Во второй половине 60-х годов он перешел на должность переводчика в Московскую камер-коллегию и получил мандат депутата в Уложенную комиссию. Там он выступал с тех же позиций, что и Полетика, в защиту прав и привилегий казацкой старшины. В комиссии его деятельность ознаменовалась представлением обстоятельного проекта организации народного просвещения в России. В этом документе предусматривалось создание широкой сети высших, средних, а также низших учебных заведений, городских и сельских, для обучения в них «земледельческих и других разного рода мещанских детей»[90]. Воззрения Золотницкого были ограничены и противоречивы. Они не позволили ему подняться до уровня многих других учителей. Тем не менее его участие в просветительском движении было весьма заметным.

---

[88] В. Асконенский. Указ. соч., ч. II, стр. 199.

[89] ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 3184, л. 3.

[90] С. В. Рождественский. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках. СПб., 1910, стр. 150—158.

Свои книги Золотницкий сочинял и переводил, как он сам об этом писал, из-за «истинного усердия к обществу»[91]. Однако содержание всех опубликованных им книг, самостоятельных и переводных, неоспоримо свидетельствует об умеренности его общественных, политических и философских взглядов. Независимо от склонности к просветительским идеям, к демократизации образования Золотницкому не удалось порвать с феодальной идеологией. Несмотря на полученные в Московском университете знания, он не смог выйти из лабиринта ненаучных умозаключений, навеянных туманом религиозных суеверий.

В 1764 г. Золотницкий написал книгу «Сокращение естественного права». В предисловии он указал, что эта тема впервые поднимается в русской литературе и что читатели смогут сопоставить начала «естественного права» с «человеческими действиями» в России и узнать, которые из них «с оными сходственны и которые несходственны». И Золотницкий наивно выражает надежду, что после такой констатации фактов «всякие несогласия в обществе решить будем в состоянии». Поясняя далее суть «естественного права», он пишет, что оно вытекает из «знания как натуральных законов... так действий и случаев, относящихся к оным». При этом Золотницкий свидетельствует, что «в определении сего первоначального законов предложения («естественного права».— *М. Ш.*) великое есть несогласие между учеными людьми»[92].

Большое место в своей книге Золотницкий уделяет вопросу общественных отношений. Излагая свою теорию с нарочитой сдержанностью, он указывает, что общество может находиться либо в «натуральном», либо в «гражданском» состоянии. «Натуральное состояние,— поясняет он,— заключает в себе свободу и равенство между всеми»[93]. Когда права и обязанности у всех одинаковые, следовательно, и все вопросы, касающиеся общества, «должны утверждать общим согласием». В этом

---

[91] В. Т. Золотницкий. Предисловие к кн. Г. Фильдинга «Путешествие в другой свет, или Юлиан отступник». СПб., 1766.

[92] В. Т. Золотницкий. Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российского общества. СПб., 1764, стр. 2, 3.

[93] Там же, стр. 6.

Золотницкий видит проявление «общей воли», которая «ни с одной стороны не нарушена» и которая «имеет от натуры право» учреждать и отменять законы [94].

Однако затем Золотницкий не без сожаления констатирует, что «мы из натурального состояния перешли уже в гражданское, где никакого равенства между людьми более не осталось» [95]. В этой связи он поднимает вопрос об «общественном договоре», в котором ищет обоснование установившимся порядкам. Как и большинство передовых людей своего времени, он представлял себе «гражданское общество» возникшим путем «взаимного между людьми согласия и договора» [96], который и предусматривал распределение общественных обязанностей граждан. Поэтому он считал, что «права и обязательства владетеля происходят из взаимного договора с своими подданными». Далее, пытаясь установить границы «господской власти» в рамках «естественного права», он пишет: «Когда господин имеет совершенную власть над своими рабами, то имеет он право понуждать и определять их ко всему тому, что для него потребно, только бы оно их (подданных.— *М. Ш.*) могущества и силы не превосходило и не соединено бы было с особливым их разорением». Иначе, с точки зрения «естественного права», это было бы противозаконно и выражало бы неуважение принципа «общего всех равенства в рассуждении человечества» [97].

Характерным для Золотницкого является изложение этой темы в его «изъяснениях» к «Новым нравоучительным басням». Здесь в центр внимания он ставит вопрос об установившемся неравенстве в гражданском обществе и выносит его решение из области материальных ценностей в мир абстрактных понятий. Он говорит, в частности, что «не тот богат и доволен, кто имеет много, но тот... кто своею частью доволен» [98]. Для него естественное равенство людей совершенно очевидно: «сие яснее полуденного света», утверждает он, и в этом от-

---

[94] В. Т. Золотницкий. Сокращение естественного права..., стр. 48—49.

[95] Там же, стр. 6.

[96] Там же, стр. 74.

[97] Там же, стр. 76.

[98] В. Т. Золотницкий. Новые нравоучительные басни с прибавлением особливых к ним изъяснений, сочиненных в пользу общества. СПб., 1763, стр. 129.

ношении «бедный мужик королю ни в чем не уступает»[99]. Что касается общественного и имущественного неравенства в гражданском обществе, то он считает его неотвратимым, а любую попытку изменить такое положение — тщетной. Выражая свои, по сути дела, антинародные примиренчески-пессимистические взгляды, Золотницкий добавляет, что «тот беден и неспокоен в свете, кто, видя другого состояние, смущается духом и, не довольствуясь своим, желает и себе равного оному»[100].

Людей с такими взглядами среди складывавшейся разночинной интеллигенции было мало, во всяком случае среди тех, кто подвизался в литературе. Из числа учителей кадетских корпусов, в частности, к таким людям может быть отнесен в какой-то мере Семен Гамалея, получивший известность в последующие годы благодаря своей близости с Н. И. Новиковым и окружавшей его масонской средой. Так же как и Золотницкий, Гамалея вышел из семьи священника. Он учился сначала в Киевской академии, а потом — в Академическом университете, откуда во второй половине 60-х годов перешел в Сухопутный кадетский корпус, где преподавал латынь. По-видимому, к Гамалее по своим взглядам примыкал учитель Фома Халчинский, преподававший в Морском кадетском корпусе немецкий язык, воспитанник Киевской академии и Московского университета. Оба они в 60-х годах занимались переводами нравственно-философских сочинений, отражавших их филантропическо-религиозные настроения[101].

■

Иного склада мыслей был известный писатель-разночинец Федор Александрович Эмин (ок. 1735—1770 гг.). Это был человек больших способностей, энциклопедических знаний и романтического прошлого. Биографические данные о нем скудны и противоречивы. Он родился, по-видимому, на Украине. Неизвестно, кто

---

[99] Там же, стр. 38—39.

[100] Там же, стр. 128.

[101] Х. Л. Вивес. Путеводитель к премудрости... Перевел с латинского языка Семен Гамалея. СПб., 1768; «Человек довольный, научающий хорошо жить... Перевел с французского языка Фома Халчинский». СПб., 1769.

были его родители. Н. И. Новиков, хорошо знавший его лично, говорит, что он вышел из бедной семьи и в раннем возрасте осиротел[102]. Имеются сведения, что образование он получил в Киевской академии[103], после чего в течение девяти лет скитался по разным странам Европы и Ближнего Востока. Некоторое время Эмин служил в турецкой армии, в 1761 г. приехал в Лондон и в том же году вернулся в Россию. В Петербурге Эмин поступил учителем итальянского языка в Сухопутный кадетский корпус. Два года спустя он перешел в Коллегию иностранных дел переводчиком, а затем на ту же должность в Кабинет императрицы.

В Петербурге Эмин сразу оказался в кругу передовой разночинной интеллигенции и принял участие в просветительской деятельности, положив начало новому литературному жанру — русскому роману, рассчитанному на людей «всякого чина и звания». Только за 1763 и 1764 гг. Эмин издал шесть романов: два переводных, представляющих меньше интереса, и четыре оригинальных: «Приключения Фемистокла» (СПб., 1763), «Любовный вертоград» (СПб., 1763), «Непостоянная фортуна» (СПб., 1763) и «Награжденная постоянность» (СПб., 1764). Все эти произведения по форме и содержанию были близки характерному для эпохи Просвещения типу романа, где преобладали философские, политические и нравоучительные рассуждения.

Романы Эмина свидетельствуют о его буржуазном образе мышления, о его враждебном отношении к феодальным порядкам и к клерикализму. В ряде мест он проявляет сочувствие к угнетенному крестьянству, которое, как он говорит, «кровавым своим пóтом чело свое орошает, чтоб со временем куском хлеба насладиться», тогда как дворянин стремится «от них иметь себе достойное его чести содержание»[104]. Порицая паразитизм и чванство дворян, Эмин спрашивает, можно ли назвать благородными тех, «которые едят, пьют и спят, ничего не делая», между тем как крестьянин «кормит своего

---

[102] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 254.

[103] В. Аскоченский. Указ. соч., ч. II, стр. 212.

[104] Ф. А. Эмин. Непостоянная фортуна, или Похождение Мирамонда, ч. I. СПб., 1763, стр. 25.

господина и часто долги его оплачивает»[105]. Поистине, спрашивает он, «может ли что быть в свете благороднейшего и разумнейшего», как труд крестьянина[106]. Однако первое место в обществе Эмин все же отводит людям, занимающимся торговлей, за чьи интересы он больше всего и ратует. «Купечество,— говорит он,— есть душа государства, и весьма оную хранить надлежит, чтоб все тело не похудело»[107].

Все эти мысли Эмина нашли свое выражение в его философском романе «Письма Эрнеста и Доравры», который начал издаваться в 1766 г. Это был первый эпистолярный роман из русской жизни, ставивший вопрос об общественном неравенстве. По своей литературной форме и стилю он был близок к нашумевшему в те годы роману Руссо «Новая Элоиза»; он впервые открывал перед русским читателем мир простых человеческих отношений, чувств и душевных переживаний. Эмин сопроводил свой роман пространными рассуждениями на политические и философские темы. В обращении к читателям он заранее отвечал тем, кто подумал бы осудить его за это: «Ежели г. Руссо, славный весьма автор, живучи в городе, писал письма гораздо длиннее моих, то Эрнесту простительно писать такие письма, живучи в уединении»[108].

Однако по своему содержанию «Письма Эрнеста и Доравры» существенно отличали Эмина от автора «Новой Элоизы». Оба они стояли на резко противоположных общественно-политических позициях. Если Руссо, выступая в интересах обездоленной части населения, защищал уравнительные идеи, то Эмин, отражая настроение поднимавшейся русской буржуазии, естественно, опровергал их. Он ратовал за свободу частной инициативы, прославлял купечество, деятельность которого «обогащает общество», и горячо оспаривал учение о социальном равенстве. «В свете была бы великая несправедливость,— писал он,— если бы трудящийся

[105] Ф. А. Эмин. Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны его гонящей. СПб., 1763, стр. 81—82.

[106] Там же, стр. 82.

[107] Там же, стр. 61.

[108] Ф. А. Эмин. Письма Эрнеста и Доравры, ч. I. СПб., 1766. Предисловие.

(предприниматель.—*М. Ш.*) делился пополам со всеми, тогда ленивцы были бы счастливы». Развивая далее эту мысль, он считает недопустимым, «чтобы все было общественное, чтоб никто от никого не зависел и чтоб каждый совершенную над собой имел волю»[109]. Такие мысли о равенстве, которые многократно опровергаются им, он называет «циническими мнениями»[110]. Выражая характерную для буржуазии точку зрения, Эмин видит, наоборот, залог общественного благополучия в повиновении одних другим. Иначе, говорит он, «можно уничтожить в обществе верховную власть, которая должна быть в величайшем у народа почтении и любви, чтоб общество было счастливо». В заключение он добавляет: «сколько бы нам определение (власть.—*М. Ш.*) несправедливым ни казалось, всегда нам оному должно повиноваться без роптания. Лучше думать, что мы несправедливы в нашем мнении, а не определение»[111].

Взгляды Козельского, Курганова, Сичкарева, Золотницкого, Эмина и многих других участников просветительского движения в России в ряде важнейших общественно-политических и философских вопросов существенно расходились. Это и не могло быть иначе, поскольку они отражали настроения различных, порой антагонистических слоев непривилегированного населения. И вместе с тем их сплачивал присущий всем им буржуазный образ мышления. Это и было тем началом, которое объединяло их в антифеодальном просветительском движении.

Учителя кадетских корпусов в 50-х — начале 70-х годов приняли активное участие в этом движении. Они составили один из передовых отрядов русской разночинной интеллигенции, давший русской читательской среде того времени большое число учебников, учебных пособий, научно-популярных книг, которые они сочиняли или переводили.

Следует отметить, что переводили они больше, чем писали. Ведь это был начальный период образования творческой разночинной интеллигенции, и еще не все ее представители успели приобрести литературные на-

[109] Ф. А. Эмин. Письма Эрнеста и Доравры, ч. III, стр. 90—91.
[110] Там же, стр. 186.
[111] Там же, стр. 27—28.

выки. В этом они прекрасно отдавали себе отчет. Так, учитель Морского кадетского корпуса Григорий Полетика указывал на это препятствие и говорил, что нельзя его преодолеть, если не пойдем «тем же путем, которым шли другие европейские народы», которые упражнялись «сперва в греческом и латинском языках, читали славнейших людей и на оных языках сочинения переводили оные на свои языки, а потом уже, узнав превосходный разум и красоту оных начали писать сами и столько тем прославились, что мы им не меньше подражать можем, как греческим и латинским писателям» [112].

Нет сомнения, что Полетика здесь выражал мнение многих своих единомышленников в деле демократизации знаний, не жалевших сил ради преодоления отставания России в народном просвещении. Лука Сичкарев свидетельствует, что так думали все, «кои для пользы отечества жизнь свою оным (переводам.— *М. Ш.*) посвящают», в надежде, что они явятся «нам злотого в науках... века предвозвестниками» [113]. И эти предвестники из года в год множились, создавая на русском языке весьма значительный литературный фонд.

■

Идеи эпохи Просвещения коснулись и дворян, получавших образование в кадетских корпусах. Но у них эти идеи противоречиво переплетались с присущим им феодальным мышлением. Представители дворянской интеллигенции с увлечением писали, в частности, о естественном равенстве людей и приходили к выводу, что имевшиеся между ними различия кроются якобы только в степени просвещения [114]. Но эта истина применительно к феодальному обществу России приобретала в их понимании своеобразный смысл: люди признавались равными, а их деление на неравноправные сословия — незыблемым. При этом общественные функции различных сословий признавались в одинаковой степени

---

[112] Г. А. Полетика. Словарь на шести языках..., изданный в пользу учащегося российского юношества. СПб., 1763. Предисловие.

[113] Л. И. Сичкарев. Предисловие к кн. «Забавный философ». СПб., 1766.

[114] Г. Гуковский. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. М.— Л., 1936, стр. 56 и сл.

полезными и достойными уважения. Один из наиболее ярких выразителей дворянской мысли тех лет, воспитанник Сухопутного кадетского корпуса А. П. Сумароков писал, что «все члены рода человеческого достойны почтения; презренны только люди, не приносящие обществу пользы... крестьяне пашут, купцы торгуют, воины защищают отечество» [115] и т. п. Характеризуя расстановку сословных обязанностей, он так сформулировал свою заповедь «общего блага»: «Рабам принадлежит раболепная покорность; сынам отечества (в его понимании дворянам.— *М. Ш.*) — попечение о государстве, монарху — власть; истине — предписание законов. Вот основание общенародного российского благосостояния» [116].

Незыблемость феодального строя была краеугольным камнем общественно-политической концепции дворян, стержнем, вокруг которого преломлялись идеи эпохи Просвещения; сословные различия уживались у них с мыслями о равенстве людей. Что касается «человеческого довольства», то в их понимании оно заключалось в умении удовлетворяться тем местом в обществе, которое отведено каждому судьбой. Другой идеолог дворянства и также воспитанник Сухопутного кадетского корпуса М. М. Херасков так выразил эту мысль:

«Разумен, кто взнестись не хочет выше меры,
И счастлив, кто своей не покидает сферы» [117].

При всем этом представители дворянской интеллигенции были поборниками просвещения, необходимого для «общей пользы». Но это просвещение понималось ими как распространение определенных профессиональных знаний среди населения в соответствии с общественными обязанностями каждого сословия, а отнюдь не как восприятие нового миросозерцания. В этой связи Сумароков писал, что «могут люди все быти просвещенны; но качества просвещения суть разноличны. Тот законник, тот пиит, тот воин, тот живописец, тот астро-

---

[115] А. П. Сумароков. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1787, стр. 258—259.
[116] Там же, стр. 186—187.
[117] М. М. Херасков. Нравоучительные басни. [М., 1764], стр. 29.

ном, и так хотя разум и равен у людей, но уже и качества просвещения делают различие между ними»[118].

В сущности все эти мысли Сумарокова, Хераскова и их последователей выражали все ту же феодальную идеологию, несколько приправленную идеями эпохи Просвещения. В более завуалированном виде они нашли свое отражение и в известном «Наказе» Екатерины II. Там тоже говорилось, что в стране с законами, «сходственными с естеством», «вольность не может состоять не в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит хотеть»[119], т. е. то, что отвечает сословным функциям каждого.

Иначе воспринимались освободительные идеи большей частью представителей разночинной интеллигенции. В отличие от дворян они не были связаны феодальными привилегиями, и сословные перегородки служили им помехой. Знания и просветительские идеи открывали перед ними новые горизонты, разрушавшие в их сознании предрассудки и представления, навеянные феодальной идеологией. Как уже говорилось, процесс формирования у них буржуазного образа мышления был сложным. В нем переплетались различные направления политических и философских воззрений, отражавших настроения и надежды порой антагонистических групп населения, имущих и неимущих, нарождавшейся буржуазии и трудовых народных масс. И тем не менее все они были единодушны в стремлении распространять знания. Свою просветительскую деятельность они называли «служением обществу» и вкладывали в это понятие совершенно другое содержание, чем защитники крепостнических порядков.

---

[118] А. П. Сумароков. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 241.

[119] «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». СПб., 1907, стр. 2, 8.

Глава четвертая

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СЕНАТСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

Широким поприщем для служебной деятельности разночинной интеллигенции была работа в канцеляриях различных центральных государственных учреждений, и прежде всего в Сенате, где ощущалась острая нужда в образованных людях. Централизация и бюрократизация власти в начале XVIII в. привели к тому, что вместо нескольких десятков приказов с плохо разграниченными функциями было создано 11 коллегий, разделивших между собой основные области управления. Наверху бюрократической лестницы стоял Сенат, являвшийся высшим исполнительным и распорядительным учреждением по делам внутренней политики. Сенатом осуществлялись руководство и контроль над всем государственным аппаратом. Ему надлежало наблюдать за деятельностью отдельных звеньев управления в центре и на местах; им контролировались государственные финансы, промышленность, торговля; в его компетенцию входили военные дела, просвещение и т. д. В то же время Сенат был органом высшего надзора, и ему поручались публикация и хранение законодательных актов, именных указов и т. п. Словом, функции Сената были чрезвычайно обширными и разносторонними.

По своему положению, организации и составу Сенат был бюрократическим учреждением в такой же мере, как и весь возглавляемый им государственный аппарат. Являясь высшим органом в системе управления, Сенат подчинялся непосредственно монарху. Лично им назначались сенаторы, деятельность которых регламентировалась и контролировалась генерал-прокурором. Гене-

рал-прокурор, как говорится в одном из царских указов, был «яко оком нашим и стряпчим о делах государственных»[1]. Он был высшим должностным лицом в империи, стоявшим во главе всего государственного административного аппарата. Его ближайшими помощниками были обер-прокуроры, генерал-рекетмейстер и герольдмейстер, возглавлявшие каждый соответственно Рекетмейстерскую и Герольдмейстерскую конторы, обер-секретари, ведавшие делопроизводством в департаментах, и экзекуторы, следившие за отправлением дел.

Все эти должности распределялись между представителями еще немногочисленной в то время дворянской бюрократии с привлечением выдвинувшихся чиновников из разночинной среды. Сами дворяне в 50—60-х годах были еще не очень склонны к гражданской службе и предпочитали предварительно получать чины в армии. Весь же низший состав канцелярских служащих, начиная от секретарей, регистраторов, протоколистов и кончая копиистами, как правило, набирался из разночинцев, детей подьячих, солдат, церковнослужителей и т. п.

Хорошо известны невежество и низкий нравственный уровень всех этих чиновников. Большинство из них не поднялось выше самого первоначального образования, полученного в какой-либо случайной школе или чаще всего на дому под руководством полуграмотного дьячка. Долголетняя практика гражданской службы, постоянное обращение с делами и законами давали им навыки, в какой-то мере восполнявшие отсутствующие знания. Постепенно приобретая опыт, они становились умелыми дельцами и весьма ловкими крючкотворами.

Поступая на канцелярскую службу, они не могли питать больших надежд на сколько-нибудь значительное улучшение своего материального и общественного положения. Занимаемые ими должности в большинстве случаев были ниже тех, которые значились в «Табели о рангах», что фактически отнимало у них право числиться государственными чиновниками. Немногим из них удавалось подняться по административной лестнице до получения чина. Вместе с тем один из указов 1726 г. лишал их оклада и предписывал впредь довольствоваться вознаграждениями, получаемыми «по преж-

[1] ПСЗ, т. VI, № 3979.

нему обыкновению с челобитчиков, кто что дает по своей воле»[2]. В силу этого указа «кормление от дел», как тогда говорили, а чаще всего взяточничество становилось узаконенным и возводилось в систему. Бесправное положение мелких канцелярских служащих принуждало их довольствоваться теми крохами, которые перепадали им от незаконных прибылей начальства.

Лихоимство, взяточничество и лицеприятие достигли небывалых размеров на всех ступенях административного аппарата. Один из челобитчиков писал в 50-х годах: «В Сенате добрых людей всячески мучат и разоряют, сенаторы ворам помогают; ...в государстве чинится разорение и людям неповинным убийство, [от] воровские сенаторов самовластные власти»[3]. Бесправие народа способствовало развитию беззакония; на путь потворства и наживы вступали самые высокопоставленные лица. Достаточно сказать, что в 1763 г. был уличен во взятках сам генерал-прокурор Сената А. И. Глебов, в том же были повинны и многие сенаторы. «Ненасытная алчба корысти,— говорилось в одном из указов 1760 г.,— до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем»[4].

Ко времени воцарения Екатерины II, в 1762 г., обнаружилась необходимость в какой-то степени ослабить недовольство населения, успокоить умы путем открытого осуждения административного произвола. Этими соображениями и был проникнут широковещательный манифест 15 декабря 1763 г. о заполнении присутственных мест «достойными и честными людьми» и «о мерах к прекращению лихоимства и взяток». В резких выражениях в манифесте осуждались злоупотребления властей и чинимые ими «насилия и лихоимства или, лучше сказать, самый грабеж», от которых «верноподданные... во всеконечное разорение и нищенство приходят»[5].

Мероприятия новой императрицы коснулись прежде всего центрального управления. Упомянутый манифест делил Сенат на шесть департаментов: четыре должны

---

[2] ПСЗ, т. VII, № 4889.

[3] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. XII, т. 24, стр. 656.

[4] ПСЗ, т. XV, № 11092.

[5] Там же, т. XVI, № 11988.

были находиться в Петербурге и два — в Москве. В компетенцию 1-го департамента входили все дела, относящиеся к финансам, промышленности, торговле, народонаселению, а также дела, связанные с политическим сыском, которым ведала Тайная экспедиция Сената. 2-й департамент ведал судебными делами. 3-й занимался делами пограничных территорий, а также вопросами просвещения, здравоохранения, строительства и т. п. 4-му департаменту поручались дела, касающиеся армии и флота. 5-й и 6-й департаменты находились в Москве и ведали теми же вопросами, но в территориально ограниченных пределах.

Все департаменты были равны между собой и имели право решать дела от имени Сената. Только спорные вопросы выносились на обсуждение общего сенатского собрания. Каждый департамент возглавлялся обер-прокурором, кроме 1-го, где эту функцию до начала 70-х годов выполнял сам генерал-прокурор. Во всех департаментах имелись свои обер-секретари и экзекуторы. Кроме того, при Сенате в Петербурге находились Рекетмейстерская контора, в функции которой входили прием жалоб и наблюдение за ходом дел, и Герольдмейстерская контора, ведавшая учетом и распределением дворян по Военному и Гражданскому ведомствам.

Тот же манифест 15 декабря 1763 г. предусматривал значительное расширение штатов низших канцелярских служащих Сената, «который столь отягчен множественным числом дел, что превосходит силы человеческие все оные дела решить в надлежащее время»[6]. В первых четырех департаментах, в двух конторах и в сенатском архиве, размещенных в Петербурге, по новым штатам положено было иметь 15 секретарей, 6 протоколистов, 6 регистраторов, 5 переводчиков, 35 канцеляристов, 47 подканцеляристов, 47 копиистов и 1 архивариуса. Таким образом, всего в Петербурге в Сенате числилось 166 канцелярских служащих[7], причем число их из года в год увеличивалось за счет новых штатных единиц, которые систематически предоставлялись Сенату.

Вместе с тем манифест 15 декабря 1763 г. содержал и другое важное решение: впредь выплачивать всем

---

[6] ПСЗ, т. XV, № 11989.
[7] Там же, т. XLIV, ч. II, стр. 59—60.

канцелярским служащим жалованье от казны. Этим самым был положен конец порочному принципу «кормления от дел», существовавшему до того и способствовавшему усилению коррупции. Установление годовых окладов, несомненно, внесло существенное изменение в положение чиновников. В манифесте подчеркивалось, что они переставали быть в присутственных местах «как бы неимущими в богадельне для одного только пропитания, а не для исправления дел» [8]. Особые преимущества получили петербургские канцелярские служащие Сената. Их оклады были наиболее высокими. Так, сенатский секретарь в Петербурге стал получать 750 руб. в год, в Москве — 600 руб., а в коллегиях — от 375 до 450 руб.; протоколист в Сенате в Петербурге — 450 руб., в Москве — 375 руб., а в коллегиях — от 225 до 300 руб.; переводчик в Сенате в Петербурге — 375 руб., в коллегиях — от 255 до 300 руб.; канцелярист в Сенате в Петербурге — 300 руб., в коллегиях—от 150 до 200 руб.; копиисты в Сенате в Петербурге —150 руб., в коллегиях — от 100 до 120 руб. и т. д.[9] Вместе с окладами возросли и требования, предъявляемые к канцелярским служащим, «кои б знанием своим и честным поведением соответствовать могли» новым запросам государственных центральных учреждений [10].

■

Естественно, что новые, относительно высокие годовые оклады в Сенате и перспектива укрепления положения сенатских служащих в обществе привлекли в Сенат в течение 60-х годов многих представителей разночинной интеллигенции, питомцев Академического и Московского университетов. Вступая на государственную службу, они оставались верными тем просветительским идеалам, которые унесли с собой из стен учебных заведений, где они учились. Поэтому свою служебную деятельность в Сенате они перемежали с литературными трудами, сочиняя и переводя книги.

Повседневная работа в Сенате ставила канцелярских служащих перед лицом реальной обстановки в стране. Через их руки ежедневно проходили дела, свидетельствовавшие о вопиющих злодеяниях, чинимых на местах

---

[8] ПСЗ, т. XVI, № 11988.

[9] Там же, ч. II, стр. 59, 62 и сл.

[10] «Сенатский архив», т. XIII. СПб., 1909, стр. 452.

помещиками и царскими чиновниками в отношении закрепощенного крестьянства. Документы говорят о том, что в 60-х годах «множество челобитчиков, которые, не зная к кому адресоваться», толпятся у Сената и «в зимнее время на крыльце и в сенях зябнут»[11]. Они шли сюда со всех концов страны искать управы на обидчиков. Сенатские дела тех лет красноречиво повествуют об этих людях, в основном «выбранных миром» от помещичьих, дворцовых, государственных крестьян. Их петиции представляют собой страшные обвинительные акты против крепостничества во всех его проявлениях[12]. Гнев и возмущение челобитчиков нередко передавались тем, кому они отдавали свои петиции. Об этом свидетельствует хотя бы антидворянский подложный указ, обнаруженный в Сенате в 1764 г. В нем говорилось, что «время уже настало... лихоимство искоренять» и что виновниками всех бед были «наши дворяне», которые «пренебрегают божий закон и государственные права... много чинят российскому государству недобро[го]... а ныне правду всю... из России вон выгнали»[13]. Автор подложного указа остался неизвестным, однако из следственного дела становится очевидным, что им был один или несколько канцелярских служащих Сената[14]. Подложный указ многократно переписывался как в самом Сенате, так и вне его. Широкая известность этого «указа» неоспоримо доказывает, что содержащиеся в нем мысли были злободневны и отвечали чувствам многих современников, не принадлежавших к привилегированному кругу. В этом хорошо составленном документе его авторы сумели сказать именно то, о чем умалчивалось в широковещательном царском манифесте 15 декабря 1763 г., а именно: кто были виновники всех зол и народного горя.

Такова была обстановка, в которой в 60-х годах оказались многие представители разночинной интеллиген-

---

[11] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6439, ч. III, л. 249 и сл.

[12] В. М. Грибовский. Материалы для истории высшего суда и надзора в первую половину царствования Екатерины II. СПб., 1901, стр. 7, 8, 9, 62 и сл.

[13] ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2147, л. 2. Документ был опубликован в сб. РИО (т. 7. СПб., 1781, стр. 322).

[14] М. М. Штранге. История одного подложного указа 1763 г.— «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 310 и сл.

ции. В первом расписании штатов канцелярии Сената по департаментам, представленном на утверждение в январе 1764 г., значится ряд воспитанников Академического университета: молодые студенты, только что получившие свои аттестаты, и лица более старшего возраста, покинувшие университеты еще в конце 50-х годов [15].

В числе последних был Иван Иванович Акимов (1724—1805 гг.), назначенный переводчиком во 2-й департамент Сената. Акимов вышел из бедной мещанской семьи; его отец был канцеляристом. В 1736 г. он поступил в Академическую гимназию, где хорошо изучил немецкий и французский языки. В 1760 г. его назначили на переводческую работу в академическую типографию, а затем он перешел в Сенат [16]. Акимову принадлежит ряд неподписанных переводов, сделанных им для академического журнала «Ежемесячные сочинения», при редакции которого он состоял. Им же был переведен ряд книг, среди которых: «Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств» французского автора Лакомба де Презеля (СПб., 1763), издававшийся дважды, и трагедия немецкого писателя Э.-Х. Клейста «Сенека» (СПб., 1765). Увлеченный «натуральною и благородною простотою старинных писателей» [17], как он сам об этом писал, Акимов также перевел с греческого замечательный памятник древней лирической литературы, любовный роман Харитона Афродийского «Похождение Кереа и Каллирои» и несколько других книг. Все эти переводы он делал, «уповая общество наше... удовольствовать» [18].

Несколько моложе Акимова был Матвей Андреевич Красильников (р. 1739 г.), назначенный на должность секретаря 3-го департамента Сената. Он был сыном учителя Академической гимназии, друга Н. Г. Курганова и его сподвижника по астрономическим наблюдениям. По выходе из университета Красильников, прежде чем поступить в Сенат, занимался, как и его отец, педагоги-

---

[15] «Сенатский архив», т. XIII, стр. 502—519.

[16] ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 874, л. 325.

[17] И. И. Акимов. Предисловие к кн. Харитона Афродийского «Похождение Кереа и Каллирои». СПб., 1763.

[18] И. И. Акимов. Предисловие к кн. «Похождение Карла Орлеанского и Анибеллы». СПб., 1765.

ческой деятельностью. Он также участвовал в переводах для «Ежемесячных сочинений». Однако большинство его литературных трудов нам осталось неизвестным; возможно, что они расходились в рукописных копиях.

Многие другие воспитанники Академического и Московского университетов также шли в Сенатскую канцелярию. В середине 60-х годов в их числе оказался и небезызвестный литератор того времени Василий Григорьевич Рубан (1739—1795 гг.), принятый на должность переводчика 3-го департамента Сената [19]. Рубан родился на Украине в бедной казацкой семье; сначала он обучался в Киевской академии, а после 1755 г. поступил в гимназию для разночинцев Московского университета; в 1760 г. он был произведен в студенты [20]. В университете Рубан изучал «разные науки» и хорошо овладел древнегреческим, латинским, французским и немецким языками. После выхода из университета до поступления в Сенат некоторое время он служил в Коллегии иностранных дел, а затем — в Судном приказе.

Рубан отличался чрезвычайным трудолюбием, позволившим ему стать разносторонним, хотя и посредственным автором. Он увлекался стихами, писал работы по географии, истории и статистике, не лишенные научной ценности. Им составлялись различные справочники, путеводители по Петербургу и Москве, месяцесловы, содержавшие множество различных полезных сведений, «исторических и географических... разных трактов и прочего» [21]. Рубан также занимался переводами; им были переведены на русский язык Овидий и Вергилий [22]. Одновременно, чтобы как-нибудь вырваться из нищеты, которая вечно его преследовала, он сочинял множество надгробных надписей и хвалебных од, посвященных вельможам и богатым купцам. Наконец, Рубан был издателем бесцветных журналов, таких, как «Ни то, ни сио» (СПб., 1769) и «Трудолюбивый муравей» (СПб.,

---

[19] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6449, л. 123.

[20] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. I. М., 1960, стр. 370.

[21] В. Рубан. Любопытный месяцеслов на 1775 год. Издан в свет для пользы россиян. СПб., 1775.

[22] П. Черняев. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Воронеж, 1904, стр. 188—189.

1771), поддерживавших точку зрения правящих кругов и не имевших успеха у современников.

Нужда в образованных канцелярских служащих открывала двери Сенатской канцелярии для питомцев Академического и Московского университетов. В течение 60-х годов их число в Сенате неуклонно росло. Новый генерал-прокурор А. А. Вяземский, назначенный на этот пост в 1764 г., всячески способствовал приему канцелярских служащих с высшим или с незаконченным высшим образованием. Вопреки его реакционному убеждению строго придерживаться сословного принципа он был вынужден идти на уступки и искать себе в помощники толковых и грамотных чиновников из разночинной интеллигенции: в то время круг образованных дворян еще был слишком ограничен.

В 1765 г., после смерти М. В. Ломоносова, реакционные академические круги стали пересматривать списки студентов, его учеников с целью их отчисления из Академии наук. Тогда же А. А. Вяземский распорядился «уволенных из Академического университета студентов определить к делам в Правительствующий Сенат... и быть им впредь, до усмотрения их трудов, на копиистских местах»[23]. Из девяти человек, отчисленных из Академии, шесть были определены в Сенат: в 1-й департамент — студенты Андрей Водопьянов, Архип Голощепов, Степан Кузнецов, Николай Легков (брат Дмитрия, переводчика Леса́жа); во 2-й департамент — студенты Иван Гурьев и Андрей Каргополов[24]. Все они были солдатскими детьми, за исключением Каргополова, который числился сыном государственного крестьянина[25]. Это были выходцы из городской бедноты, сначала учившиеся в Академической гимназии, а затем — в университете.

Вступая на бюрократическое поприще, представители складывавшейся разночинной интеллигенции сразу же наталкивались на административные трудности, которые препятствовали правильному использованию их знаний и возможностей. В отличие от дворян, оканчивавших ка́детские корпуса, они не получали чинов и, таким об-

---

[23] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6449, л. 43.

[24] Там же, л. 42.

[25] Архив АН СССР, разр. 1, оп. 70, № 2 (Генеральный список № 1233).

разом, оказывались вне 14 классов, указанных в «Табели о рангах». Между тем в силу еще петровских распоряжений продвижение по административной лестнице было подчинено строгой регламентации: каждый поступающий на гражданскую службу должен был начинать ее с самой низшей должности, переходя затем на более высокую по истечении определенного срока или же в соответствии с имеющимся воинским чином по «Табели о рангах». Это положение было подтверждено и последующими указами: 15 февраля 1742 г., 13 января 1753 г. и 23 марта 1764 г.

Таким образом, малограмотные чиновники, обучавшиеся на дому и вступившие на канцелярскую службу еще подростками, так же как и дворяне, переходившие из Военного ведомства, имели неоспоримые преимущества перед вновь поступающими воспитанниками Академии наук или Московского университета, у которых не было чинов, хотя они и потратили многие годы на образование. Правда, еще с петровских времен предусматривались некоторые исключения для образованных лиц, да и сама жизнь заставляла порой отходить от установившихся правил чинопроизводства. Так произошло и в Сенате в 60-е годы, когда в связи с приходом новых канцелярских служащих с высшим образованием встал этот вопрос.

В 1765 г. генерал-прокурор Сената князь Вяземский в нарушение существовавших правил чинопроизводства лично представил в протоколисты 1-го департамента к генерал-прокурорским делам переводчика Академии наук В. И. Крамаренкова и сенатского канцеляриста С. П. Колосова. Это назначение не замедлило вызвать резкие возражения со стороны сенаторов, запросивших генерал-прокурора, «почему он произвел в протоколисты переводчика Крамаренкова и сенатского канцеляриста Колосова», между тем как «указами 1719, 1742 и 1764 годов... чрез чин и не по старшенству никого производить не велено... и для чего Сенатской канцелярии служители, имеющие ближайшие чины, обходятся?..»[26] Сенаторов особенно волновал тот факт, что Колосов по своему происхождению был из отпущенных крепостных, и его назначение на ответственную государственную

[26] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6445, л. 95.

должность протоколиста при генерал-прокурорских делах они рассматривали в какой-то мере как нанесение урона достоинству дворян. В связи с этим они потребовали дополнительных разъяснений, при каких обстоятельствах Колосов, который «был слугою Ивана Сердюкова», «от него Сердюкова, так и из подушного окладу освободился и... в службу и в настоящий чин вступил» [27].

Отвечая на запрос сенаторов о причинах нарушения чинопроизводства в отношении сенатских протоколистов Крамаренкова и Колосова, генерал-прокурор сформулировал их так: «1-е — должность сенатского протоколиста требует отменного знания языка и довольную память с большим прилежанием, потому что он долженствует все рассуждения сенаторские в содержании их наиточнейше и весьма вразумительно записывать, на чем точно основываются, сочиняются и выходят все решения и приговор; 2-е, а как донесенный Крамаренков был особо свидетельствован, Колосов же с определения в Сенат употреблен был в протоколистскую должность и оба найдены к сей должности способными, то почтил для пользы службы... более нужною способность, нежели обыкновенное старшенство, оных к определению» [28].

Поскольку в данном случае имело место явное расхождение во мнениях между сенаторами и генерал-прокурором, дело было передано на усмотрение императрицы и решено в пользу последнего. Утверждение Крамаренкова и Колосова в должности протоколистов явилось важным прецедентом для последующих назначений в Сенатскую канцелярию воспитанников Академического и Московского университетов. Это обстоятельство имело тем большее значение, что генерал-прокурор ставил перед Екатериной II вопрос о принятии решения «не только на сие одно дело, но и впредь каким образом в таковых случаях поступать: по способности ль каждого, или по старшенству канцелярских в Сенате служителей к помещению на порожние места представлять» [29].

Василий Иванович Крамаренков родился в 1732 г. в семье священника в г. Сумы на Украине. В возрасте 14 лет он поступил копиистом в Сумскую полковую кан-

---

[27] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6445, л. 100.
[28] Там же, л. 96.
[29] Там же, л. 97.

целярию, откуда в 1751 г. перешел в Академическую гимназию в Петербурге. Прекрасная память и большие способности выделяли его среди учащихся, и в 1755 г. «за оказанные им в науках и языках успехи» он был «произведен студентом и слушал у профессоров философию»[30]. Крамаренков хорошо овладел латинским, французским и немецким языками и по окончании университета в 1760 г. «за искусство в переводах» остался в академии переводчиком[31]. «Очевидно,— пишет Е. С. Кулябко,— Крамаренков был близок семье Ломоносова, так как... его вдова обращалась к Крамаренкову за содействием»[32].

Как и большинство учеников и последователей Ломоносова, Крамаренков стремился своими переводами содействовать просвещению соотечественников. Еще в 1759 г. им был опубликован в журнале «Трудолюбивая пчела» отрывок из «Превращений» Овидия[33]. Тогда же он завершил перевод с латинского двух сочинений римского историка Гайя Криспа Саллюстия о Каталинской и Югуртинской войнах, в которых повествуется о нравственном падении родовой знати, ее необоснованных претензиях на привилегии и т. д. Правда, этот перевод увидел свет лишь 10 лет спустя, в 1769 г.[34], и Крамаренков в предуведомлении пояснял, что опубликовал его, «имея намерение услужить обществу»[35].

Во второй половине 60-х годов Крамаренков увлекся произведениями французских просветителей. В течение ряда лет он переводил капитальный труд Монтескье «О духе законов», сыгравший огромную роль в развитии буржуазной политической мысли второй половины XVIII в. Его выход в свет на русском языке в 1775 г.[36], несомненно, явился большим событием. Своему переводу Крамаренков предпослал известное введение

---

[30] Там же, л. 94.

[31] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 288, л. 289—290.

[32] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.— Л., 1962, стр. 165.

[33] «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759, стр. 131.

[34] «Гайя Соллюстия Крипса войны Каталинская и Югуртинская. Переведено с латинского на российский язык Правительствующего сената протоколистом Василием Крамаренковым». СПб., 1769.

[35] Там же. Предуведомление.

[36] «О разуме законов. Сочинение г. Монтескье. Переведено с французского Василием Крамаренковым». СПб., 1775.

д'Аламбера, в котором вкратце были изложены основные положения труда Монтескье. Здесь указывалось, в частности, что существующие законы не произвольно установлены, а вытекают из определенных конкретных условий жизни. Как и другие просветители, Монтескье клал в их основу «естественные права» человека, которые и определяли степень их правомерности. Монтескье, как известно, устанавливал три основных типа государственного управления — республику, монархию и деспотию. В первом случае «народ весь вместе имеет верховное могущество», во втором — «одна особа управляет по принятым за основание законам» и, наконец, в третьем — «не знают другого закона, кроме воли государя, или, лучше сказать, мучителя» [37]. Очевидно, мыслящие русские современники относили действовавшие в России порядки именно к последнему типу правления. Далее Монтескье пояснял, что если в республике ведущими принципами являются добродетель, равенство, трудолюбие, а в монархии — умеренность, то в деспотии — «страх и порабощение разума». Касаясь вопроса о равенстве при «общенародном правлении», Монтескье указывал, что «не разумеет равенства беспредельного, неограниченного и, следовательно, мечтательного, но разумеет под тем то счастливое равновесие, которое учиняет всех граждан равно повинными законам и равно обязывает их хранить оные» [38].

Большой интерес для русских людей, интересовавшихся печатным словом, несомненно, представлял раздел, где речь шла о политической и гражданской свободе, вытекавшей из «естественных прав» человека. «Политическая вольность,— говорил Монтескье,— состоит в безопасности, которою он (гражданин.— *М. Ш.*) пользуется, находяся под кровом законов», или, иначе говоря, «во мнении безопасности, которое производит, что гражданин не опасается другого гражданина» [39]. Далее ставится вопрос о самом важном — о зависимости одних людей от других — и говорится, что один человек не располагает правом над свободой или жизнью другого и что, следовательно, эта зависимость незаконна [40].

[37] «О разуме законов. Сочинение г. Монтескье...», стр. XIV.
[38] Там же, стр. XVI.
[39] Там же, стр. XXI.
[40] Там же, стр. XXIV.

«Рабство,— писал Монтескье,— может терпимо быть по крайней мере только в самовластных государствах, в которых вольные люди, будучи всегда слабы противу правления, сами для собственные своея пользы стараются учиниться рабами тех, которые мучат государство»[41]. Нет сомнения, что переведенная Крамаренковым книга Монтескье, содержащая критику основ абсолютизма, имела большое значение для мыслящих русских современников, рассеивая в их головах миф о незыблемости феодального строя и о непогрешимости царей.

Другом и сослуживцем Крамаренкова был сенатский канцелярист Степан Прокофьевич Колосов (ум. 1768 г.). Он вышел из семьи крепостного человека Ивана Сердюкова, по-видимому, сына известного строителя Вышневолоцкой системы каналов, утонувшего в 1761 г. в заводском водохранилище. Можно предположить, что он также учился в Академической гимназии, только на правах «своекоштного», поскольку академический регламент 1747 г. строжайше запрещал принимать крепостных в основной состав учащихся. Поэтому, видимо, Колосов и не упоминается в документах Академической гимназии. В начале 60-х годов он получил вольную, возможно, в связи со смертью Ивана Сердюкова в 1761 г. и тогда же определился вахмистром в Казанский Кирасирский полк, откуда в 1765 г. и перешел в Сенат на должность канцеляриста[42]. Вскоре он обратил на себя внимание незаурядными знаниями и способностями и был назначен протоколистом к генерал-прокурорским делам.

Как и большинство его единомышленников, участников просветительского движения, Колосов уделял большое внимание литературной деятельности и, зная иностранные языки, в частности, занимался переводами. Один из сотрудников «С.-Петербургских ученых ведомостей», по-видимому, знавший круг петербургских литераторов того времени, охарактеризовал Колосова «искусным, долгоупражнявшимся и весьма знающим оба языка переводчиком»[43]. Речь шла о французском и

[41] Там же, стр. XXV.

[42] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6445, л. 100.

[43] «С.-Петербургские ученые ведомости за 1777 год». СПб., 1777, № 22, стр. 171.

английском языках. Однако переведенные Колосовым книги, очевидно, распространялись в рукописях без указания имени переводчика и, к сожалению, остались для нас неизвестными. Тем не менее его популярность как переводчика была столь значительной, что читатели тех лет легко приписывали его перу различные анонимные переводы, ходившие тогда по рукам. Так, В. Г. Рубан, издавая в 1773 г. известную религиозно-нравственную книжку английского писателя масона Додсли «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе», писал в предисловии, что «некоторые полагают переводчиком оныя (книги.— *М. Ш.*) покойного г. Колосова, сенатского протоколиста, другие приписуют труд сей другим» [44]. Колосову приписывали и другие переводы и даже оригинальные произведения, как, например, известный антиклерикальный памфлет «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его чрез Стикс реку». Диаметрально противоположное содержание этих двух книг ставит под сомнение причастность к ним Колосова, во всяком случае к одной из них [45].

Вскоре после того, как по решению императрицы Крамаренков и Колосов приступили к своим новым обязанностям протоколистов у генерал-прокурорских дел, они совместно обратились к генерал-прокурору с докладом. В этом докладе ставился вопрос о необходимости «быть у оного протоколу одному подканцеляристу, которого ныне недостает». Ссылаясь на большую загруженность в работе, они писали: «По усмотрению же нашему находим мы за способного не только к той должности, но и впредь к употреблению в труднейшие приказные дела надежного, находящегося ныне при Академии наук студента Степана Щукина» [46]. Далее говорилось о начатых предварительных переговорах, в ходе которых Щукин выразил согласие служить в Сенате и надежду, что «он по усмотрению его способности без производства оставлен не будет. На первый же случай, на подканце-

---

[44] В. Г. Рубан. Предисловие к кн. «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе, состоящая в наиполезнейших нравоучительных наставлениях, сочиненных восточным брамином». СПб., 1773, стр. VII.

[45] Л. Светлов. М. Д. Чулков — автор памфлета «Жизнь некоторого мужа».— «Русская литература», 1963, № 2, стр. 188 и сл.

[46] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6445, л. 232.

ляристском жаловании служить желает»[47]. Просьба сенатских протоколистов была удовлетворена, и «солдатский сын» студент Академического университета Степан Щукин был принят в 1-й департамент Сената к генерал-прокурорским делам на должность подканцеляриста.

В Академии наук Щукин был в числе лучших студентов и «показал всем профессорам свое усердие и успехи в науках»[48]. В 1764 г. он был отмечен М. В. Ломоносовым, рекомендовавшим его в заграничную командировку. Однако после смерти последнего он подвергся преследованиям со стороны реакционного академического руководства, враждебно относившегося к ученикам великого ученого. К моменту перехода Щукина в Сенат ему грозило исключение из Академии наук[49]. Возможно, что Щукин занимался и переводами.

Полученное образование ускорило продвижение по службе и канцеляриста 3-го департамента Сената Ивана Даниловича Прянишникова. Он был сыном служащего Конюшенного двора и воспитывался «на коште отца» в Академической гимназии, где «обучен российской грамоте, также по-немецки и французски читать и писать и часть арифметики»[50]. В 1765 г. он поступил в Сенат копиистом, но уже спустя три года, в 1768 г., сразу через чин был назначен канцеляристом к «переводческим делам» за то, что «между порученными ему делами обучался немецкому и французскому языкам, получил в них хороший успех». При этом в приказе указывалось, что продвижение Прянишникова по службе должно стать примером, «дабы и другим, на то смотря», захотелось усовершенствовать свои знания[51]. Оставаясь в Сенате, Прянишников продолжал трудиться над изучением иностранных языков, веря в то, что «нет препон, которых бы не преодолело прилежание»[52].

Доказательством достигнутых им успехов в этом направлении явились его переводы с французского, опуб-

---

[47] Там же.
[48] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 296, л. 190.
[49] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 122, 128.
[50] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6443, л. 81.
[51] Там же, кн. 6452, л. 268—269.
[52] И. Д. Прянишников. Предисловие к кн. «Переводы из творений Жана-Батиста Руссо и г. Томаса». СПб., 1774.

ликованные в 70-х годах. Наибольшее внимание Прянишников уделил творчеству французского автора эпохи Просвещения А.-Л. Тома́, друга Мармонтеля и одно время последователя Вольтера. В переводе Прянишникова вышло «Слово похвальное Максимилиану де Бетюн, герцогу де Сюлли, первому министру Генриха IV» (СПб., 1776) — одно из лучших произведений Тома́, удостоенное премии Французской академии. В нем автор использовал довольно избитый прием просветительской литературы: воздавая хвалу «доброму министру» XVI в., он как бы критиковал абсолютистские методы правления XVIII в. Кроме того, Прянишниковым были переведены в прозе и опубликованы две оды Тома́: «На время» и «На должности общества» (СПб., 1774). В последней автор призывал живущих в праздности дворян быть полезными обществу. Интерес, проявляемый представителями русской разночинной интеллигенции к французским просветителям, свидетельствовал о злободневности их идей в России.

Среди неизданных книг, переведенных Прянишниковым, известны «Географический словарь» Вожиена и поэма римского писателя Лукана «Фарсалия»[53], рассказывающая о гражданской войне в Риме и направленная против императорского единовластия.

Большим событием для служащих Сенатской канцелярии явился переход в 1766 г. на должность секретаря 3-го департамента учителя Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса Я. П. Козельского, о котором уже говорилось. Замечательный мыслитель-демократ, талантливый пропагандист уравнительных и республиканских идей, Козельский не мог не оказывать влияния на окружающих его сенатских чиновников. Все они значительную часть времени проводили вместе на работе в нескольких смежных комнатах, «в большой тесноте» и в постоянном общении[54]. Именно в период работы в Сенатской канцелярии был задуман и написан Козельским его трактат «Философические предложения», проникнутый духом свободной критической мысли. В этом труде Козельский показал себя не только большим зна-

---

[53] В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 85.

[54] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6439, ч. III, л. 237.

током современной ему западноевропейской просветительской литературы, но и глубоким самостоятельным мыслителем; с поразительной смелостью он ставил перед своими соотвечественниками наиболее злободневные для России того времени вопросы об общественном неравенстве, о правомерности сопротивления непосильному гнету и т. д.

В «Философических предложениях» Козельский рассматривал многие ведущие работы французских просветителей, такие, как «О духе законов» Монтескье, «Об общественном договоре» и «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей» Ж.-Ж. Руссо, «Об уме» Гельвеция, «Метафизика Ньютона» Вольтера. С отдельными положениями и мыслями, высказанными в этих книгах, он соглашался, другие оспаривал. «Когда я принялся за чтение философии,— писал он,— то увидел там во многих местах полезные для человека истины, огражденные почти непроходимыми лабиринтами мелочных и ненужных вещей, которые всяк сам собою разуметь может»[55]. И Козельский в своей книге приложил много усилий к выявлению этих истин из окружающих их рассуждений. «Из всех философов,— писал он,— нашел я только четырех человек, а именно господ Руссо, Монтескье, Гельвеция и некоторого анонима (имеется в виду английский философ Шефтсбери.— *М. Ш.*)... которые писали основательно о материях нравоучительной философии». Они были первыми, поясняет Козельский, которые «вывели на приятное позорище всего света покрытую завесою темноты прекрасную и неоцененную истину» и тем самым труд его «немало подкрепили»[56].

Выше всех Козельский ставил Руссо, «бессмертия достойного мужа», который, «как высокопарный орел, превзошел всех бывших до него философов»[57]. Такая оценка творчества замечательного мыслителя-демократа объясняется еще и тем, что по существу Козельский был солидарен с его учением. Как и Руссо, он выражал чаяния обездоленной части населения. Ставя крестьянский вопрос в центре внимания, он фактически пришел к тем же выводам, что и автор «Общественного договора».

[55] Я. П. Козельский. Философические предложения. СПб., 1768. Предисловие.
[56] Там же.
[57] Там же.

Так, Козельский, касаясь одного из основных вопросов мировоззрения Руссо — имущественного и общественного неравенства, также видел в нем причину, определявшую условия жизни людей. Он считал, что различию состояний человеческих в обществе «лучше быть посредственным, так чтоб одни люди не могли презирать и утеснять других, а другие не имели б причины много раболепствовать» [58]. Козельский, как и Руссо, находил, что «для целых обществ нет больше богатства, как в умеренности, нет больше храбрости, как в неповинности, и нет больше искусства, как в справедливости» [59].

Призывы Руссо к справедливости, к имущественному и правовому уравнению, к чистоте нравов первобытных времен и, наконец, к оправданию идеи сопротивления злу нашли горячий отклик в сердце Козельского. Именно тяжесть крепостнического гнета в России и порожденные им общественные пороки привели его, как ряд других его единомышленников, озабоченных судьбами русского народа, к аналогичным с Руссо выводам. Тем не менее некоторые взгляды Руссо вызывали у него возражения; например, отрицание женевским философом науки, искусства, цивилизации, в развитии которых он видел усиление между людьми неравенства, поскольку все материальные и духовные плоды прогресса идут на пользу меньшинству, а большинство терпит все возрастающий гнет и нищету.

Последователям Ломоносова, горячим поборникам науки и просвещения, было над чем призадуматься, прежде чем решить этот вопрос. «Чтение сочинений славного философа Руссо и созревающее размышление», вспоминает Козельский, вызвали у него сходные с ним мысли: «науки в руках моих приносят мне пользу, а в руках моего ближнего причиняют мне вред». Такие умозаключения, говорит он, «возбуждали горячесть мою на согласное с Руссо проклятие наук и на оглашение их орудиями всякого зла и вреда». Однако более обстоятельное изучение вопроса привело Козельского к обратному выводу, «что науки не виноваты, они полезны, они нужны и потому достойно и праведно похвальны, а все

---

[58] Я. П. Козельский. Философические предложения, стр. 196.
[59] Там же, стр. 214.

зло и весь вред происходит от худого их употребления»[60]. В таком решении вопроса, по-видимому, сказались и наставления Ломоносова, направлявшего своих учеников на путь просвещения.

■

Надо думать, что такие мысли становились предметом обсуждений и споров среди служащих Сенатской канцелярии, интересовавшихся общественной жизнью. К таковым, по-видимому, принадлежал и секретарь Герольдмейстерской конторы Сената Николай Николаевич Мотонис. К сожалению, мы ограничены в сведениях, касающихся его взглядов. В одном из его выступлений в Уложенной комиссии, депутатом которой он был, Мотонис излагал смелую для того времени мысль о том, что «законы должны подвергать одному и тому же наказанию людей всякого чина и достоинства без лицеприятия»[61]. Развивая далее это мнение, он говорил, что «подлого» состояния нет в обществе: «земледелец, мещанин, дворянин, всякий из них честен и знатен трудами своими»[62]. Далее Мотонис довольно прозрачно намекает на тунеядство помещиков, живущих на средства, добываемые их крепостными. Что касается «мещан и земледельцев», то, как он пишет, это «люди не подлые, но добродетельные, заслуженные»[63]. Приблизительно ту же мысль, но более выразительно высказывал в 1768 г. и Козельский, когда писал: «в нашем российском народе вошло в обычай называть убогого человека бедным, а простой народ подлым, а мне думается, что бедным называть должно того, кто не может трудом своим сыскать пропитания..., а подлым того, кто упражняется в порочных делах»[64].

Н. Н. Мотонис был уроженцем Украины, так же как и его друг и сподвижник Григорий Васильевич Козицкий. Оба они вышли из неимущей среды и с детского возраста вместе обучались в Киевской академии, где дошли до класса философии, отличаясь при этом

---

[60] Я. П. Козельский. Рассуждение двух индейцев, т. I, СПб., 1788, стр. III, IV, V.

[61] Сб. РИО, т. 4, СПб., 1869, стр. 168.

[62] Там же, стр. 169.

[63] Там же.

[64] Я. П. Козельский. Философические предложения, стр. 91.

«великою к учению охотою, рачением и прилежанием»[65]. И тот, и другой, как они сами об этом писали, были движимы непреклонным стремлением к знаниям, «особливо к математике, философии, истории и к некоторым европейским языкам»[66]. Они были одержимы желанием «отъехать в чужие края для продолжения и окончания начатых ими наук»[67]. С этой целью в 1747 г. они поступили в свиту молодых графов Гудовичей, уезжавших за границу, и после недолгого пребывания в Бреславле поступили в Лейпцигский университет. Оказавшись без всяких средств к существованию, они обратились в Петербургскую Академию наук с ходатайством о принятии их на академический «кошт». В своем обращении они подчеркивали, что хлопочут об этом не столько в личных целях, сколько «для общей государственной пользы»[68]. Их прошение было поддержано положительными отзывами о них лейпцигских профессоров. Академическое собрание удовлетворило просьбу молодых студентов, обусловив, однако, свое согласие обязательством с их стороны «вечно служить Академии». При этом им рекомендовалось обратить особое внимание на изучение «великороссийского языка и штиля, в сочинении которого они легко научиться могут из книг, печатанных при Академии наук на великороссийском языке»[69].

Наставления Академии наук были выполнены и надежды оправданы: в 1758 г. Мотонис и Козицкий приехали в Петербург после десятилетнего пребывания в Лейпцигском университете. Они привезли с собой большие знания и прекрасное владение древними и новыми языками[70]. В 1759 г. оба они были избраны адъюнктами: Мотонис стал преподавать древние языки в старших классах Академической гимназии, Козицкому было поручено чтение лекций по латинскому и греческому красноречию в университете. Оба они вскоре прославились прекрасным знанием русской стилистики[71].

---

[65] «Материалы для истории Академии наук», т. 8. СПб., 1895, стр. 448—449.

[66] Там же, т. 10. СПб., 1900, стр. 76.

[67] Там же, т. 8, стр. 449.

[68] Там же, т. 10, стр. 76.

[69] Там же, стр. 493.

[70] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 210, л. 367.

[71] А. П. Сумароков. Полн. собр. соч., т. X. М., 1787, стр. 35.

Они пришли в Академию наук в период острого антагонизма между кучкой реакционно настроенных чиновников, стремившихся удержать в своих руках академическое руководство, и молодыми русскими учеными во главе с М. В. Ломоносовым, боровшимися за дальнейшее развитие отечественной науки. Мотонис и Козицкий целиком примкнули к последним и также посвятили себя распространению и демократизации знаний в России. Оба они стали ближайшими сподвижниками Ломоносова. Козицкому, в частности, принадлежат переводы на латинский язык нескольких ломоносовских сочинений, таких, как «О пользе химии» и «О происхождении света»[71a], в которых говорилось о высоком уделе человека и о его огромных возможностях в деле познания природы.

В конце 50-х годов как Козицкий, так и Мотонис печатали свои самостоятельные сочинения и переводы в журнале «Ежемесячные сочинения» и особенно в «Трудолюбивой пчеле». В этих произведениях они стремились пропагандировать новый, буржуазный образ мышления и противопоставляли его средневековому обскурантизму. Как и многие другие передовые люди их времени, они обращались к античности, ища в ней мотивы светского миросозерцания и защищая ее от нападков церковников.

В своей пространной статье-трактате «О пользе мифологии», напечатанной в 1759 г. в журнале «Трудолюбивая пчела», Козицкий призывает читателя знакомиться с античными авторами. Он славит непреходящие творения, созданные ими, и указывает на преемственность светской культуры. Эти произведения, говорит он, «возвели древних на самую высочайшую степень мудрости и учения и славе их даровали вечность»[72]. И теперь, когда Европа вышла из «мрака невежества» средних веков, «все просвещенные народы пользуются преизрядными их сочинениями»[73], и нет «в ней ни одного государства, где бы не процветали науки и общего благополучия не умножали»[74]. Философы, ораторы, историки, естествоиспытатели древности не создали «почти ни

[71a] «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова». М.— Л., 1961, стр. 268, 301.

[72] «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759, стр. 12.

[73] Там же, стр. 6.

[74] Там же, стр. 10.

одной страницы, на которой бы не было имен из мифологии, взятых и заключающих в себе пространные размышления»[75]. Вот почему, по мнению Козицкого, знание античной мифологии нужно всем «правду любящим читателям»[76]. При этом он жестоко высмеивает богословов, которые, «невзирая на пользу ее (мифологии.— *М. Ш.*) и красоту, ругают оную и поносят везде непристойными словами»; церковники причисляют богословие «к вышним, как они говорят, наукам»[77] и стараются повсюду искоренить названия, взятые из античной мифологии, и заменить их христианскими, но терпят неудачу «в дерзновенном своем предприятии»[78].

В таком же явно антиклерикальном духе написана и статья Мотониса «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо нужно, то есть об искренности и несуеверном богопочитании», тогда же опубликованная в «Трудолюбивой пчеле». Автор статьи бичует ханжество, обскурантизм, суеверия, которые толкают людей «в бездну бесконечных заблуждений»[79]. Мотонис говорит, что историку можно простить и некоторую ограниченность знаний, и недостаточно тщательное отношение к источникам, хотя эти недостатки и достойны сожаления. Но ложь и суеверие совершенно недопустимы в истории. «Всякий благоразумный и добродетельный читатель никогда не простит сочинителю истории» таких пороков, как неискренность, искажение фактов и суеверие[80]. Суевер, говорит Мотонис, «не может не только ни мало читателя пользовать, но еще в состоянии утушить и последнюю в нем искру добродетели»[81]. Суеверие ведет к разжиганию низменных страстей. «Споря о том, что осьмиконечный крест большего достоин почтения, нежели четырехконечный... и иными бесчисленными странными мнениями слуху нашему досаждают и представляют глазам нашим смеха достойное позорище»[82]. Но такие суждения не только смешны: они ведут и к тому, что «ложь, неправосудие,

[75] «Трудолюбивая пчела», стр. 11—12.
[76] Там же, стр. 8.
[77] Там же, стр. 7.
[78] Там же, стр. 20.
[79] Там же, стр. 36.
[80] Там же, стр. 35.
[81] Там же, стр. 38—39.
[82] Там же, стр. 37.

лицеприемство, раболепство торжествуют»[83]. Все это, заключает Мотонис, наносит вред исторической науке, поскольку «не так трудно узнавать ложь в философии, в математике и прочих науках, кои основаны на несомненных правилах и доказательствах. Напротив того, история в сем случае часто великой претерпевает недостаток, по причине той, что она зависит только от одной искренности писателя»[84].

К сожалению, другие произведения Мотониса и Козицкого нам неизвестны, но многие переводы, сделанные ими в те годы, по своему содержанию в основном были созвучны с мыслями, изложенными в приведенных статьях. Так, Мотонисом была переведена «Речь о пользе и превосходстве свободных наук»[85] известного французского гуманиста XVI в. Марка-Антония Мюре, который одним из первых во Франции поставил вопрос об освобождении науки и литературы от церковного влияния. Эта же мысль проводилась в переведенном Мотонисом «Разговоре об искусстве удобовразумляющем»[86] Эразма Роттердамского.

Переводы Козицкого свидетельствуют о той же идейной направленности. Он много потрудился над текстами древних авторов, в частности касающихся исторических сюжетов, в которых прославлялись борцы за республиканский строй в Древнем Риме. Им были переведены отдельные места из известной поэмы Лукана «О гражданской войне» или «Фарсалия»[87], из Тита Ливия[88]. Среди переведенных им сочинений большое место занимают «Превращения» или «Метаморфозы» Овидия, в которых замечательный римский поэт сумел дать как бы хронологическую нить древним мифологическим повествованиям. Эти переводы публиковались в «Трудолюбивой пчеле»[89] и вышли отдельным изданием[90]. Как многие гуманисты XVI в. и просветители XVIII в., Козицкий уделял особое внимание сочинениям Лукиана,

---

[83] Там же, стр. 38.
[84] Там же, стр. 44.
[85] Там же, стр. 707—722.
[86] Там же, стр. 155—165.
[87] Там же, стр. 671—676.
[88] Там же, стр. 734—738.
[89] Там же, стр. 212—218, 650—658.
[90] «Публия Овидия Насона Превращения. Переведено с латинского на российский язык [Г. В. Козицким]». СПб., 1772.

в которых острая сатира древнегреческого писателя беспощадно разила предрассудки, суеверие и вообще религию. В переводе Козицкого вышли такие смелые его диалоги и памфлеты, как «Разговоры в царстве мертвых»[91], «Торг жизней»[92] и «О плаче над мертвыми»[93], высмеивающие домыслы о бессмертии души и загробной жизни.

Однако научная деятельность Мотониса и Козицкого была нарушена в январе 1762 г. запросом, поступившим на них из Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, учрежденной в 1754 г. при Сенате. На одном из заседаний этой комиссии было решено не представлять завершенного ею проекта нового Уложения в Сенат до тех пор, пока текст его не будет отредактирован «в чистоте российского штиля искусными и совершенно знающими российский язык людьми»[94]. Такие люди были найдены: выбор пал на Мотониса и Козицкого как на наиболее «искусных и достаточно знающих российский язык и чистоту штиля людей». Им также поручалась в дальнейшем правка корректур, «когда оное уложение печататься будет». Эту работу они должны были выполнять «в свободные от нынешних при Академии наук отправляемых должностей часы»[95].

За успешное выполнение ответственного задания Мотонис и Козицкий были награждены чином коллежского асессора, открывавшим перед ними двери административной службы. Проявив свои незаурядные способности и большую эрудицию в Комиссии для сочинения проекта нового Уложения, оба они не могли рассчитывать на долгое пребывание в Академии наук и на продолжение научной деятельности. В мае 1764 г. правительственным указом Мотонис был определен в Герольдмейстерскую контору Сената, где оставался более 10 лет[96]. Там он оказался в ближайшем окружении своих учеников и друзей по Академическому университету, таких, как И. Г. Туманский, В. И. Крамаренков, Я. П. Козельский, чьи

---

[91] «Трудолюбивая пчела», стр. 161—171.
[92] Там же, стр. 326—353.
[93] «Ежемесячные собрания», т. V. СПб., 1757, стр. 80.
[94] В. Н. Латкин. Законодательные комиссии в России в XVIII в., т. 1. СПб., 1887, стр. 101.
[95] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 265, л. 122.
[96] Там же, кн. 282, л. 172.

мысли и чаяния в ряде важнейших общественно-политических вопросов были ему не чужды.

За шесть месяцев до Мотониса из Академии наук был отозван Козицкий. Правительственным указом от ноября 1763 г. он был определен секретарем к фавориту новой императрицы Григорию Орлову «для корреспонденции с иностранными государствами»[97]. Однако два или три года спустя он работал уже в Кабинете императрицы, занимаясь подбором иностранных текстов для «Наказа», переводом их и редактированием этого компилятивного сочинения Екатерины II[98]. Ему же принадлежит перевод «Наказа» на латинский язык. Привлеченный в эти годы к разработке законодательных «прожектов» императрицы, Козицкий принимает самое непосредственное участие в делах комиссии. Достаточно сказать, что все основные акты, относящиеся к работе этой комиссии, подписанные Екатериной II, контрассигнировались им. Козицкий был автором ряда важнейших документов, таких, как «Обряды управления Комиссиею» или «Проект избрания в Комиссию депутатов из мещан и цеховых», правда, сильно измененных затем императрицею[99]. Вероятно, в эти годы он искренне верил, что, служа «просвещенному» монарху, содействует прогрессу. Нужно было время, чтобы убедиться в обратном. Позднее он понял, что являлся лишь орудием в руках Екатерины II.

В июле 1768 г. Козицкий был назначен на высокий государственный пост статс-секретаря «по принятию подаваемых всеподданнических прошений»[100]. Это назначение еще больше приближало его к ловкой и лицемерной императрице, умело использовавшей его в некоторых порой малолестных для него делах. Так, она прикрылась его именем, когда начала издавать в 1769 г. свой журнал «Всякая всячина», которым пыталась направить общественное мнение в сторону отвлеченных моральных рассуждений[101]. Козицкий в свою очередь стремился

---

[97] Там же, кн. 279, л. 50.

[98] «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». СПб., 1907. Введение.

[99] Сб. РИО, т. 10, стр. 138—147, 222 и сл.

[100] ПСЗ, т. XVIII, № 13150.

[101] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в., стр. 225 и сл.

использовать свое положение при дворе для содействия дальнейшему распространению и демократизации знаний — делу, которому он был предан. Удобным средством для выполнения этих планов явилось созданное при его участии в декабре 1768 г. «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг».

Причиной возникновения такого «Собрания», надо полагать, было желание императрицы придать переводческой деятельности разночинной интеллигенции в Петербурге желаемое направление — увести ее от общественно-политических вопросов современности. По-видимому, с этой целью она выделила из личных средств 5 тыс. руб. ежегодно для уплаты вознаграждений переводчикам. Собрание, как известно, было основано при Академии наук, во главе его формально были поставлены три лица: младший брат фаворита 25-летний директор Академии наук граф В. Г. Орлов, его сверстник корреспондент Вольтера граф А. П. Шувалов и, наконец, Козицкий. Этим трем лицам поручалось руководство переводами и наблюдение за расходованием отпускаемых средств. Однако первые двое, будучи богатыми вельможами, проводили немало времени за границей и фактически в деятельности «Собрания» почти не участвовали. Как пишет историк этого учреждения В. П. Семенников, Козицкий стал играть главную роль в «Собрании»: переводчики обращались только к нему. От него же зависел выбор сочинений для перевода [102].

Таким образом, в конце 60-х — начале 70-х годов Козицкий получил большую возможность содействовать дальнейшему развитию просветительского движения в России. Его незаурядные организационные способности, большая эрудиция и возможности, которыми он располагал благодаря занимаемому им положению, способствовали этому. Им было привлечено к работе «Собрания» свыше 100 переводчиков, подавляющее большинство которых были воспитанниками Академического и Московского университетов, люди умственного труда, ученые, педагоги, канцелярские служащие Сената. Ими было переведено и опубликовано 112 названий книг (173 тома) [103]. В основном это были общеобразовательные кни-

---

[102] В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 8, 10, 12.

[103] Там же, стр. 10.

ги по истории, географии, истории науки и др., произведения классиков древности и, наконец, сочинения Монтескье, Вольтера, Руссо, Мабли, сборники статей из «Энциклопедии». Их выход в свет имел важное значение для развития русской политической мысли того времени.

■

Беспрепятственное печатание этих изданий стало возможно благодаря общему состоянию цензурного дела в России в XVIII в. Еще в конце 1762 г. правительственные круги рассматривали вопрос о назначении при типографиях «особливого цензора, который бы те книги (выходившие в типографиях. — *М. Ш.*) наперед рассматривал... не содержат ли в себе чего противного законам и здравому рассудку» [104]. Этим вопросом лично занималась и Екатерина II; в частности, ее волновали книги, ввозимые из-за границы. Уже в 1763 г. она запретила свободную продажу в России известной книги Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании», как направленной против «доброго нрава» [105]. Запрошенный по этому поводу небезызвестный академический чиновник И. И. Тауберт так определил категории книг, подлежавших запрещению: издания, опровергающие основания христианской веры и наносящие ущерб «благонравию», и политические пасквили и сатиры, предосудительные как для порядков, действовавших в России, так и лично для императрицы [106]. Такая постановка вопроса, по-видимому, была тогда принята и 10 лет спустя вновь подтверждалась в одном из сенатских документов 1773 г., где сказано, что книги, «христианскому закону, добронравию и правительству не предосудительные... свободно печатать можно» [107].

Таким образом, лица, которым поручалось наблюдение при типографиях за издаваемой литературой, обращали основное внимание на вопросы религии и нравственности. Книги, затрагивавшие эти сюжеты, должны были направляться ими «для рассмотрения и апробации из петербургских типографий в Синод, а из московских

[104] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2944, л. 209.
[105] Сб. РИО, т. 7, стр. 318.
[106] П. Пекарский. История Академии наук, т. II. СПб., 1873, стр. 789—790.
[107] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3790, л. 247.

в Синодальную контору»[108]. Что касается политики, то в понимании цензоров того времени она сводилась в основном к упоминаниям о событиях, приведших к власти Екатерину II, о ее личной жизни и т. п. Научная же тематика, относящаяся к социально-экономическим и политическим вопросам, не останавливала на себе внимания цензоров.

С политической точки зрения книги просматривались в Петербургской Академии наук, в Московском университете, в кадетских корпусах и в полиции, а с начала 1783 г. новый указ передавал надзор за книгопечатанием управам благочиния[109]. Сын типографщика С. Селивановского так охарактеризовал эту деятельность: «Цензуры не было. Книги рассматривались при Управе или обер-полицмейстером, т. е. предъявлялись, но не читались. В ту пору, — говорил он, — книга была нечто пустое, неважное, еще не думали, что она может быть вредной»[110], если в ней не затрагивались вопросы религии. Такой подход к политическим книгам подтверждается, в частности, и публикациями «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Вряд ли можно предположить, что Екатерина II или ее цензоры могли санкционировать выход в свет в 1775 г. русского перевода «Духа законов» Монтескье или в 1777 г. «Политической экономии» Ж.-Ж. Руссо — одной из наиболее острых статей из «Энциклопедии». Ведь это были годы суровой реакции, наступившей после крестьянской войны.

■

«Энциклопедия», созданная в 50—60-х годах по инициативе Дидро, явилась большим событием в идейной жизни европейского общества второй половины XVIII в. Она объединила на своих страницах чуть ли не весь круг просветителей того времени. Все в «Энциклопедии», начиная с больших, программных статей и кончая мелкими заметками, было проникнуто духом борьбы идеологов молодой буржуазии, выступавших тогда в защиту интересов всех непривилегированных слоев общества. Французские энциклопедисты ниспровергали идейные

---

108 ПСЗ, т. XX, № 15019.
109 Там же, т. XXI, № 15634.
110 «Библиографические записки», т. I. М., 1958, стб. 518.

основы «старого порядка», просвещали умы современников, освобождая их от пут феодальных предрассудков и невежества,

Интерес к «Энциклопедии» Дидро в России возник еще в начале 50-х годов, когда в Париже еще только появлялись ее первые тома. В дальнейшем русская передовая общественность не переставала следить за всеми перипетиями этого издания, то подвергавшегося очередному запрету со стороны королевских властей, то снова возобновлявшемуся [111]. В начале 60-х годов учитель Сухопутного кадетского корпуса Евстигней Харламов отмечал всеобщее значение «Энциклопедии». Он называл Дидро «славным мужем», который ныне издает «наиполезнейшее сочинение для человеческого рода... веку нашему вечную честь делающее» [112].

Фактически деятельность «Собрания» и началась в основном с переводов статей из «Энциклопедии» [113]. Причем выбор статей, предназначенных для переводов, свидетельствует о политической зрелости тех, кто этим занимался, и прежде всего, по-видимому, самого Козицкого, являвшегося вдохновителем всех этих начинаний: статьи из «Энциклопедии» в известной мере содержали идеи, созвучные собственным думам и стремлениям переводчиков. Всего усилиями участников «Собрания» было переведено и издано несколько сот больших и мелких статей на различные темы, отвлеченных и злободневных, политических и общеобразовательных. В их число вошли и наиболее важные, определившие собой политическую и философскую направленность «Энциклопедии», такие, как «Самодержцы», «Естественное право», «Политическая экономия», «Демократия», «Правление», «Политика», «Подданный», «Тиран», «Узурпатор», «Мораль», «Роскошь» и т. д.

Переводчиками всех этих статей были люди одного круга: канцелярские служащие Сената, воспитанники Академического и Московского университетов, ученики

---

[111] М. М. Штранге. «Энциклопедия» Дидро и ее русские переводчики.— «Французский ежегодник за 1959 г.». М., 1961, стр. 76 и сл.

[112] Е. С. Харламов. Предисловие к кн. Дидро «Побочный сын, или Искушение добродетели». СПб., 1764.

[113] В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, стр. 54 и сл.

и последователи Ломоносова. Все они в большинстве случаев хорошо знали друг друга еще со школьной скамьи и позже были тесно связаны между собой повседневной совместной работой в Сенатской канцелярии. Их стараниями был поднят большой и важный «коллективный» труд, донесший до широкого читателя дух «Энциклопедии».

Среди сенатских служащих, трудившихся над статьями из «Энциклопедии», прежде всего нужно указать на секретаря 3-го департамента, автора «Философических предложений» Я. П. Козельского. Он перевел, подготовил к печати и издал двухтомный сборник «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии», включавший более 70 статей и небольших заметок по вопросам философии, морали и права. В этот сборник, в частности, вошла известная статья «Философия», в которой людям с новым светским мировоззрением противопоставляются те, кто, «не смея выступить ни на минуту из предела уставленных истин, ниже шествовать новым путем, дремлют под игом суеверия»[114]. Философ, мыслящий новыми рационалистическими понятиями, говорится в этой статье, «есть человек, а их мудрецы (церковные проповедники.— *М. Ш.*)... стыдились человечества... безумным образом хотели уничтожить страсти»[115]. Затем в статье указывается, что «умствование в рассуждении философа есть то, что благодать в рассуждении христианина»[116], и что чувство добродетели столь же свойственно философу, как и «просвещенный разум», напротив, «где царствует неистовство и суеверие, там царствуют страсти и ярость»[117]. В заключение статья прославляет «философский разум», который служит «правилом к познанию истины и красоты»: «нет лучшего из трудов человеческих, как тот, который одушевляется сим разумом...»[118]

На сопоставлении новых гражданских норм поведения и религиозных правил была построена и включенная в сборник Козельского статья «Нравоучение» («Мо-

---

[114] «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии, переведенные Яковом Козельским», ч. I. СПб., 1770, стр. 33.
[115] Там же, стр. 42.
[116] Там же, стр. 34.
[117] Там же, стр. 40.
[118] Там же, стр. 44.

раль»). В этой статье, в частности, указывается, что нравоучение (т. е. нравственность, чувство гражданского долга) более необходимо человеку, чем выполнение религиозных обязанностей: «во-первых, потому, что чрез нравоучение без веры можно сделать больше добра и принесть больше пользы... во-вторых, потому, что нравоучение... споспешествует благополучию каждого человека особо... в-третьих, потому, что правила нравоучения суть бессумненнее, нежели правила веры... в-четвертых, потому, что неверие не имеет такого злобного свойства, как порок»; неверующий человек с просвещенным разумом стоит неизмеримо выше верующего, но «порочного человека»[119]. Такая постановка вопроса относительно двух борющихся идеологий на страницах русского издания 1770 г. поражает своей смелостью.

Большой интерес в сборнике Козельского представляет статья «О естественном праве», принадлежащая перу Дидро[120]. Значение этой статьи для русского читателя того времени заключалось в том, что в ней ставился важнейший политический вопрос о форме правления, утверждались законность и непогрешимость «общей воли». «Частные воли подозрительны,— говорится в статье,— они могут быть хороши и худы, а общая воля всегда хороша; она никогда не обманывала и никогда не обманет». Развивая дальше это положение, автор говорит, что каждый человек «должен иметь прибежище к общей воле, чтоб узнать ему, до которой степени должен он быть человек, гражданин, подданный, отец... Общая воля должна определять все сии должности»[121]. Обратное явление представляет «частная воля», единоначалие. Вот почему, говорится далее, «из двух воль — одной общей, а другой частной... нетрудно узнать, которой из них, для благополучия человеческого рода, законодательная власть принадлежит»[122]. А тот, кто «следует только особенной своей

---

[119] Там же, ч. II, стр. 17—18.

[120] Авторство некоторых статей уточнено по последнему исследованию французского историка Жака Пруста (Jacques Proust. Diderot et l'Encyclopédie. Paris, 1962, p. 530—538).

[121] «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии», ч. II, стр. 56—57.

[122] Там же, стр. 59.

воле, есть неприятель человеческого рода»[123] — заключение, по меньшей мере многозначительное для существовавшего тогда образа правления в России.

В статье «Политика», опубликованной там же, рассматривались вопросы, связанные с правомерностью политической власти, которые также приобретали особое значение для русских современников, живших в условиях произвола и гнета крепостнических отношений и дворцовых переворотов. «Закон не может быть законом, не иметь другой силы,— говорится в статье,— как ту, которую подает ему принимающий его народ». В ином же случае законы становятся несправедливыми, и «тогда можно пренебрегать законы». Далее проводилась мысль, что «власть самая страшная есть та, которая прикрывает несправедливость завесою справедливости»[124], т. е. создает лишь видимость законов. Все эти и многие другие мысли были общими для «Энциклопедии» и не могли не будить умы к критике действовавших тогда в России порядков.

■

Тогда же, в 1770 г., вышел другой сборник статей — «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии». В нем были собраны переводы 24 статей на острейшие политические темы того времени: «Правление», «Демократия», «Деспотическое правление», «Олигархия», «Ограниченная монархия», «Самодержцы», «Подданный», «Тиран», «Узурпатор» и т. п. Составителем сборника и его переводчиком был сослуживец и, по-видимому, единомышленник Козельского, переводчик Герольдмейстерской конторы Сената Иван Григорьевич Туманский. Как и многие другие сенатские служащие, Туманский происходил из бедной казацкой семьи. Образование он начал в Киевской академии, откуда в 1755 г. перешел в Академию наук[125]. Он хорошо владел латинским, французским и немецким языками, и полученный им аттестат за подписью М. В. Ломоносова свидетельствует о его «незаурядных успехах» в науках[126]. Его ближайшими наставниками

[123] «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии», ч. II, стр. 58.

[124] Там же, стр. 242, 243.

[125] ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 556, л. 32.

[126] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 825, л. 288.

были Мотонис и Козицкий[127]. С начала 60-х годов Туманский служил в Герольдмейстерской конторе Сената под начальством своего бывшего учителя Мотониса. Он рано начал заниматься переводами, преимущественно французских авторов, и считал это занятие «за первую и важнейшую услугу обществу»[128]. Подготовленный и выпущенный им сборник статей из «Энциклопедии» был тематически целеустремленным и, несомненно, оставил след в умах русских читателей.

Значительная часть сборника Туманского содержит статьи, посвященные определению различных форм правления. Все они были написаны неутомимым секретарем редакции «Энциклопедии» де Жокуром и довольно точно отражали хорошо известную схему форм правления Монтескье, изложенную им в «Духе законов». В этих статьях государственные институты в основном делились на республиканские, монархические и деспотические, т. е. абсолютистские. Автор не скрывал своего враждебного отношения к ним. В статье «Деспотическое правление», в частности, сказано, что «в таком правлении жребий людей со участью скотов не имеет никакого различия»[129], а «вся подпора правления его (монарха, властелина. — *М. Ш.*) основана на одном страхе мщения, отнимающем все мужество». При деспотической власти «вера или, лучше сказать, суеверие искореняет прочие добродетели, ибо сие есть новый страх в добавок к первому»[130]

Напротив, в статье «Монархия ограниченная» автор считает, что «единоначалие ограниченное наследное, есть, кажется, наилучший образ монархии», поскольку власть монарха ответственна перед «обществом законоположительным (парламентом.— *М. Ш.*), составленным тамо из двух частей, из которых одна обуздывает другую»[131]. Особое место в перечне различных форм правления отводится демократии, которой и посвящена отдельная статья под этим названием. При демократическом образе

[127] Там же, л. 277.

[128] И. Г. Туманский. Предисловие к кн. Фенелона «О воспитании девиц». СПб., 1763.

[129] «О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии. Перевел Иван Туманский». СПб., 1770, стр. 118.

[130] Там же, стр. 121.

[131] Там же, стр. 72.

правления, говорится в ней, «собрание всего народа имеет верховную власть». Поэтому «демократические правления подают случай возвысить разум, ибо показывают они путь чести и славы..., открытый для всех граждан». Именно эти «счастливые преимущества» демократии «производят великих людей, великие дела и добродетели геройские»[132].

В статье «Правление», включенной в сборник Туманского и также принадлежавшей перу де Жокура, решительно опровергалась распространенная тогда теория божественного происхождения монаршей власти, разделяемая и идеологами русского феодально-крепостнического государства. Здесь, как и в ряде других статей из «Энциклопедии», проводилась характерная для эпохи Просвещения мысль о том, что в ранний период своей истории все народы были свободными и сами выбирали себе ту или иную форму власти, поскольку «общество имеет волю составить правление по своему соизволению»[133]; когда же прежде избранные правители перестают устраивать народ, он вправе взять обратно переданную им власть[134].

Полемизируя далее с поборниками феодальных взглядов и порядков, де Жокур писал в той же статье, что «некоторые политические писатели утверждают», якобы «каждый человек родится подданным своего отца или своего государя, следовательно, каждый обязан вечно быть в покорности или верности». Решительно опровергая это положение, автор статьи говорит, что «люди никогда не почитали никакого естественного подданства, в котором они рождены, в рассуждении их отца или государя». Развивая эту мысль, автор приходит к заключению, что ничто не может обязать человека оставаться послушным исполнителем «какой-либо земной власти, как только собственное его согласие». Переходя затем к обсуждению непременных правил для политической власти, он указывает, что «главный закон всякого доброго правления есть благо общее». Поэтому «самое лучшее правление есть то, которое большее число людей делает благополучным». Из сказанного очевидно, что

---

[132] «О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии», стр. 30, 32.

[133] Там же, стр. 12.

[134] Там же.

таким правлением является демократическое. В противном случае, когда правительства не заботятся о «благе общем», они приносят несчастия народам, а если вдобавок их пороки еще «раскрашены ложным видом веры, то следствия будут еще несравненно бедственнее»[135]. При таких обстоятельствах, «ежели случится, что правительствующие государством найдут сопротивление, когда они употребят власть свою на разорение, а не на сохранение вещей, собственно принадлежащих народу, [тогда] сами они тому причиной»[136] — заключение чрезвычайно ответственное, оправдывающее идею насильственного отпора угнетению. При этом в статье особо подчеркивалось, что «самое величайшее благо народное есть вольность», которая в обществе является тем же, что «здравие в каждом человеке», «без вольности нет блаженства в государствах»[137].

Все эти мысли и выводы, содержавшиеся в сборнике Туманского, были злободневны для передовых русских людей. В умах русских современников они неизбежно воспринимались в свете событий 60-х годов, когда тысячи государственных крестьян раздавались кучке участников очередного дворцового переворота 1762 г.; когда царские указы 1765 и 1767 гг. разрешали помещикам произвольно ссылать на каторгу крестьян и лишали их права жаловаться на своих обидчиков; когда созванная в 1767 г. Уложенная комиссия показала свою несостоятельность повлиять на общественные порядки в стране; наконец, когда по всей России не прекращались волнения крестьян, стихийно боровшихся против своих угнетателей. В статье «Самодержцы», по-видимому, принадлежавшей перу Дидро и включенной в сборник Туманского, автор сокрушается, что люди, получившие власть, постоянно стремятся ее расширить, и те из них, кто распространяет ее на жизнь и на имущество своих подданных, превращаются в деспотов, ибо никогда сам народ не мог бы им дать на это свое согласие[138]. Приблизительно о том же говорится в статье «Тиран», также помещенной в сборнике. В ней указывается, что это название дается тем самодержцам, которые употребляют

[135] Там же, стр. 13, 15, 20, 23—24.
[136] Там же, стр. 27.
[137] Там же, стр. 24.
[138] Там же, стр. 92.

свою власть во зло и угнетают народ. Как бы предвозвещая крестьянскую войну 70-х годов, в статье говорится, что правление тирана ведет к войне между ним и народом, вынужденным бороться за свои права [139].

И. Г. Туманский был составителем и переводчиком еще одного сборника — относящегося к древней истории [140]. В него вошло 64 статьи, в основном принадлежавшие перу де Жокуру. Как французские энциклопедисты, так и их русские переводчики охотно обращались к античности, которая сохранила для них актуальность прежде всего своим политическим и светским содержанием. В исторических событиях и в людях древней Греции и Рима они находили примеры исполнения гражданского долга и процветания народного правления, а также пагубных последствий единоначалия. Они пользовались этими примерами в борьбе против религиозных и политических обоснований абсолютизма.

Несомненный интерес у представителей русской разночинной интеллигенции вызвали вопросы новой буржуазной морали. Им были посвящены, в частности, сборники статей из «Энциклопедии», составленные и переведенные сенатским канцеляристом Иваном Ульяновичем Вансловым. Как и многие другие его сослуживцы по Сенату, Ванслов был уроженцем Украины, выходцем из небогатой казацкой среды. Образование он получил в Киевской академии, откуда в начале 60-х годов переехал в Петербург, где поступил на должность учителя «российского и французского языков при учениках придворного российского театра» [141]. Однако, имея, как он сам писал, «довольно праздного времени и не хотя оное бесполезно препроводить» [142], он одновременно стал обучаться рисованию в Академии художеств. В то же время по ходатайству известного актера И. А. Дмитриевского Ванслов был допущен к посещению лекций в Академическом университете [143].

---

[139] «О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии», стр. 173.

[140] «Пелопонес или Морея, с находившимися и находящимися в оной городами, областями и другими примечания достойными местами. Из Энциклопедии...». СПб., 1769.

[141] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6456, л. 120.

[142] ЦГИАЛ, ф. Академии художеств, оп. 1, ч. 1, д. 121. л. 1.

[143] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 278, л. 205.

В 1763 г. Ванслов перешел на службу в Сенат. Вместе со своими коллегами он стал переводить статьи из «Энциклопедии». Им было переведено и опубликовано три сборника, содержавших 18 статей на нравоучительные темы: «Ложь», «Клевета», «Презрение», «Порок», «Добродетель», «Нищета» и т. п.[144] Все они были заострены против господствовавших тогда феодальных норм поведения и нравственности.

Ряд статей из «Энциклопедии» на философские темы перевел канцелярист Сената Яков Яковлевич Костенский. Он был сыном священника, родом с Украины и также воспитывался в Киевской академии, где дошел до класса философии и где его успехи расценивались как «весьма изрядные»[145]. Во второй половине 60-х годов Костенский преподавал латынь и французский язык в Воронежской духовной семинарии[146], затем переехал в Петербург[147] и поступил в Сенатскую канцелярию, возможно, не без помощи своих однокашников из Киевской академии, служивших в Сенате. Вместе с ними он включился в литературную работу. Его усилиями был переведен и опубликован сборник статей из «Энциклопедии», посвященный древнегреческой философии. Сюда вошли такие статьи, как «Ионическая (милетская) школа», «Философия Сократа и сократовские школы», «Школа Платона», «Киренская школа» и др.[148]

Переводами из «Энциклопедии» занимался и помощник протоколиста Сената Александр Воинов. Он происходил из небогатой семьи тульских дворян и в отличие от других канцелярских служащих Сената образование получил в Сухопутном кадетском корпусе, по окончании которого в 1769 г. был определен «к штат-

---

144 «Статьи из Энциклопедии о любопытстве и гадании. Перевел Иван Ванслов». СПб., 1770; «Статьи из Энциклопедии о клевете, презрении и несчастии. Перевел Иван Ванслов». СПб., 1771; «Статьи из Энциклопедии о пороке и добродетели. Пер. Иван Ванслов». СПб., 1774.

145 «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии», отд. II, т. III. Киев, 1904, стр. 269.

146 П. Никольский. История Воронежской духовной семинарии, ч. I. Воронеж, 1898, стр. 127.

147 ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6465, л. 344.

148 «Статьи о философических толках из Энциклопедии. Перевел коллежский переводчик Яков Костенский». СПб., 1774.

ским делам» в Сенат с чином поручика[149]. Ему принадлежит перевод из «Энциклопедии» большой статьи малоизвестного сотрудника Дидро Сен-Ламбера «О роскоши». В ней сопоставляются «вредные обществу» феодальные методы обогащения дворян путем «притеснения земледельцев» с «успехами торговли, трудолюбия и роскоши», которые «произвели новый род богатства для неблагородных»[150], т. е. для непривилегированных. Интересно отметить, что на заре капитализма Сен-Ламбер, как, возможно, и его переводчик Воинов, искренне верил в «справедливость» нового способа наживы, благодаря которому «умножится... число имущественных и исчезнет великое различие и подлая зависимость бедного от богатого»[151].

Наконец, в 1776 и 1777 гг. были изданы еще две большие статьи из «Энциклопедии»: «О вере» (СПб., 1776), принадлежавшая перу де Жокура, и «О политической экономии» (СПб., 1777) Руссо. Переводчиком этих статей был один из учеников Козицкого по Академической гимназии, а затем и ближайший его помощник, «кабинетный регистратор» Александр Иванович Лужков. Происходил он из обедневших дворян, образование получил в Академии наук, где обучался иностранным языкам и наукам на правах «вольного гимназиста»[152], т. е. на «своем коште». Некоторое время в 60-х годах он служил вахмистром в Кирасирском полку, а в 1771 г. перешел в ведомство Кабинета, возможно, с помощью Козицкого[153]. Там он работал при дворцовой библиотеке и, вероятно, тогда же начал заниматься переводами.

Переведенная Лужковым статья «О вере», как и ряд других статей в «Энциклопедии» на аналогичные темы, по-видимому, была предназначена для успокоения врагов просветительского движения, выступавших с ортодоксально-религиозных позиций. Возможно, что для той же цели она была переведена и в России.

---

[149] ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 551, л. 526—527.

[150] «О роскоши. Статья, переведенная из Энциклопедии». СПб., 1775, стр. 29, 32.

[151] Там же, стр. 48.

[152] С. А. Гамалов-Чураев. Александр Иванович Лужков, библиотекарь и хранитель Эрмитажа при Екатерине II.— «Библиологический сборник», т. II, вып. 1. Пг., 1916, стр. 30.

[153] ЦГАДА, ф. Дворцового отдела, оп. 3, ч. 109, д. 52639, л. 12.

Совершенно иной характер носила вторая статья, переведенная Лужковым,— «О политической экономии». В ней, по мнению академика В. П. Волгина, Руссо с наибольшей обстоятельностью изложил «план социальных реформ для современного ему государства»[154]. Статья была примечательна своим острым и решительным осуждением самого принципа единовластия как несоответствующего «естественному закону». Автор статьи не верит в хорошего монарха хотя бы уже потому, что у него нет причины любить своих подданных. «Естество,— пишет он,— родило много добрых отцов семейств, но то еще сумнительно, чтобы от создания мира премудрость человеческая произвела десять человек, способных к управлению подобных себе»[155]. Изложенные в статье доводы и обвинения в ряде случаев служили как бы ответом на те вопросы, которые должны были возникать в умах русских современников — очевидцев крестьянской войны. Нельзя иметь мир и спокойствие, говорилось в статье, если люди в своем большинстве не пользуются гражданской безопасностью и их «имение», жизнь и свобода подвержены произволу «сильных особ»[156].

Процветание общества может прийти только с торжеством «общей воли», когда «народ и правители имеют одинаковую пользу и волю». Развивая эту мысль о народовластии, Руссо пишет, что «отечество должно себя являть общей матерью граждан по преимуществам, которыми они в своей земле пользуются». Для этого «в правлении должны они участвовать» и создавать такие законы, которые были бы «залогом общей вольности». Права эти принадлежат всем людям, но «злоба правителей», предупреждает Руссо, обходит законы, прикрывает ими произвол, и тогда они служат «сильному наступательным оружием», «предлог же общей пользы бывает иногда опаснейший для народа бич». По мнению Руссо, чтобы предупредить подобные правонарушения, прежде всего необходимо «избегать несо-

---

[154] В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., 1958, стр. 221.

[155] [Ж.-Ж. Руссо]. Статья о политической экономии, или государственном благоучреждении. Переведена из Энциклопедии. СПб., 1777, стр. 8.

[156] Там же, стр. 39—40.

размерного неравенства счастья», и этого добиться следует «не лишением подданных богатств их, но лишением средств к приобретению оных..., не строением больниц для бедных, но не допущением сих до бедствия»[157]. Именно в те годы, когда русские читатели знакомились с этими мыслями Руссо, в России Екатерина II пыталась прикрыть беззаконие своей политики в отношении крестьян лицемерными заботами о нищих, для которых в торжественной обстановке открывались больницы, воспитательные дома.

Переведенные из «Энциклопедии» статьи содержат тот круг вопросов, который волновал тогда передовое русское общество. Канцелярские служащие Сената, питомцы Академического и Московского университетов, переводившие эти статьи, как и другие книги французских просветителей, фактически создали в Петербурге один из идейных центров, откуда шли к русскому читателю новые мысли и понятия. Ведь в этом и была их цель — «услужить обществу» путем демократизации нужных и полезных знаний.

---

[157] [Ж.-Ж. Руссо]. Статья о политической экономии, или государственном благоучреждении, стр. 17, 45, 46.

Глава пятая

РАЗНОЧИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В АКАДЕМИИ НАУК

Одним из главных центров русской передовой мысли в 60—70-х годах XVIII столетия была Академия наук. В ней трудился М. В. Ломоносов и многие его ученики и последователи, питомцы Академического университета. Вся их научная и просветительская деятельность тех лет была тесно связана с ростом национального самосознания русского общества. Благодаря неутомимым усилиям молодых русских ученых и переводчиков, отдававших все свои способности «служению обществу», Академия наук с ее исследованиями, публикациями и экспедициями оказалась связанной с этим процессом. Она стала местом борьбы между реакционными силами дворянства и представителями разночинной интеллигенции, пропагандистами новых передовых идей, проникших в академические стены.

Смерть Ломоносова в апреле 1765 г. резко обострила эту борьбу. Наступление реакции против ломоносовских традиций в науке и общественных взглядах выразилось прежде всего в стремлении ликвидировать Академический университет и Академическую гимназию. Правящие круги прекрасно понимали, что оттуда в значительной мере выходили носители прогрессивных взглядов. Руководство академическими учебными заведениями было передано недругу Ломоносова И. И. Тауберту, который в короткий срок фактически их ликвидировал.

Одновременно принимались меры по реорганизации аппарата Академии наук. Указом от 30 октября 1766 г. была упразднена академическая канцелярия и заменена

комиссией, в состав которой вошли шесть профессоров и директор, облеченный полнотой власти. Пост президента хотя и сохранялся, но получил номинальное значение. Первым директором Академии наук стал один из участников дворцового переворота 1762 г., младший брат фаворита Владимир Орлов. В члены комиссии были определены следующие лица: академический чиновник Я. Я. Штелин, выдающийся математик Леонард Эйлер, его сын физик И.-Л. Эйлер, химик И.-Г. Леман, математик С. К. Котельников и астроном С. Я. Румовский. Место секретаря комиссии занял анатом А. П. Протасов.

Трое русских профессоров были связаны между собой многими годами совместной учебы и научной деятельности, проведенными в нужде и лишениях, а также тем просветительским духом, который еще со школьной скамьи объединял разночинную интеллигенцию. Вслед за Ломоносовым они ставили перед собой задачу способствовать демократизации знаний и просвещению разума, с помощью которого, писал Протасов, «человек может распознать худое от доброго или вредное от полезного» [1]. В этом, как и другие просветители XVIII в., они видели залог грядущего обновления.

Ту же заботу о распространении естественных наук проявлял и С. Я. Румовский, доказывавший, «сколь много науки способствуют благополучию человеческому» [2]. Ценным вкладом в русское просвещение был его перевод «Писем о разных физических и философических материях...» Леонарда Эйлера, изданных в конце 60-х годов в Академии наук на французском языке и получивших мировую известность [3]. В ясной эпистолярной форме знаменитый ученый рассказывал о теории движения небесных тел, земного магнетизма, света, и т. д. Эти научные толкования различных законов физики, астрономии, механики, с проявлениями которых люди

---

[1] М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып III. СПб., 1876, стр. 103.

[2] С. Я. Румовский. Речь о начале и приращении оптики. СПб., 1763, стр. 1.

[3] Л. Эйлер. Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе, с французского языка на российский переведенные Степаном Румовским, Академии наук членом, астрономом и профессором, ч. 1—3. СПб., 1768—1774.

постоянно сталкивались, разгоняли в умах современников туман ложных представлений, навеянных церковным мракобесием. «Письма» Эйлера в переводе на русский язык многократно переиздавались на протяжении последней трети XVIII и начала XIX в. Они стали настольной книгой широкого круга читателей.

С. К. Котельников в эти годы прилагал усилия к распространению полезных знаний по математике и физике. Русский читатель был обязан ему учебниками по арифметике[4], геодезии[5] и теоретической механике[6]. Последний учебник, в основном посвященный статике, по свидетельству историка науки В. Е. Прудникова, был «одной из самых выдающихся русских книг XVIII века»[7]. Во всех этих книгах уделялось большое внимание связям науки с повседневной практикой, что делало их особенно ценными. Как говорит Котельников, он посильно стремился показать рядовому читателю величие «математической правды». Эта «правда», выраженная точными вычислениями, неминуемо должна была привлечь к себе «умы любящих истинную философию», потому что «нигде не можно лучше научиться здравому о вещах рассуждению», как в математических упражнениях[8].

■

Кроме стремления содействовать просвещению умов своих соотечественников, русские ученые вслед за Ломоносовым заботились о развитии национального самосознания. Рост национального самосознания был тесно связан с распространением освободительных идей эпохи Просвещения и усиливал противоречия между феодально-крепостническими порядками и процессом складывания буржуазных отношений. Человеку предъявлялись

---

[4] [С. К. Котельников]. Первых оснований математических наук, часть первая, содержащая в себе арифметику. СПб., 1766.

[5] [С. К. Котельников]. Молодой геодет, или первые основания геодезии, содержащие все геодетское знание, предложенное вкратце, изъясненное правилами и примерами. СПб., 1766.

[6] [С. К. Котельников]. Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел. СПб., 1774.

[7] В. Е. Прудников. Русские педагоги-математики XVIII—XIX веков. М., 1956, стр. 75.

[8] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. III, стр. 18.

требования, отвечающие понятию «сына отечества»: любовь к родине и защита гражданских прав.

Незаурядные способности и широкие знания позволили ученикам Ломоносова активно содействовать подъему национальной культуры. Протасов, Румовский, Котельников в течение ряда лет трудились над превращением русской речи в действенное орудие для науки и художественной литературы. Все трое участвовали в составлении русского толкового словаря и стремились обогатить его новой политической, экономической и технической терминологией. Румовский и Котельников принимали непосредственное участие в подготовке научных экспедиций конца 60—70-х годов, увенчавшихся, как известно, большими успехами. Организуя эти экспедиции, они рассчитывали расширить и популяризировать сведения о родной стране, о ее природных богатствах, о людях, ее населяющих.

Протасов и Котельников живо интересовались прошлым России. Позднее под их руководством и при их прямом сотрудничестве были подготовлены к печати Софийская и Воскресенская летописи. В одном из примечаний они писали, что, издавая памятники старины, они стремились «подать беспрепятственный способ и совершенную свободу к изысканию исторических истин» [9]. Румовский также интересовался памятниками по истории русского права. По этому пути они повели и молодых ученых, своих учеников, группировавшихся вокруг Академии наук: Башилова, Поленова, Светова, Лепехина, Соколова, Иноходцева и многих других.

В 1760 г. вышел в свет «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова, усиливший интерес к русской истории. Фактически это была первая книга, знакомившая читателя с историей России до XVIII в. Она представляла собой свод материалов, накопленных ученым в ходе его работы над «Древней российской историей», глубоко взволновавшей читателей своей романтикой родного прошлого. Интерес к прошлому выразился прежде всего в изучении старинных рукописных памятников, хранившихся в библиотеке Академии наук.

Уже в 1756 г. один из учеников и ближайших помощников М. В. Ломоносова, копиист Академической

---

[9] М. И. Сухомлинов: Указ. соч., вып. III, стр. 21.

канцелярии Иван Барков, переписывал «Летопись Нестора» (Радзивилловскую или Кенигсбергскую летопись) [10], которая и была издана в 1767 г. Если археографическое достоинство этой публикации было еще невелико, то ее значение для дальнейшего познания отечественной истории оказалось огромным. Это было одно из первых изданий исторического источника, проложившее путь другим, более совершенным публикациям.

В предисловии к этому изданию, написанному немецким историком Шлецером при участии Баркова, отразились мысли передовых людей, бравшихся за изучение памятников старины. В этом они видели выполнение общественного долга, ибо «юношество наше,— как говорилось в предисловии в отношении России,— доселе в училищах и при домашнем наставлении потело над именами владетелей Ассирийской, Персидской и Римской монархий, а о основателе, просветителе и избавителе его отечества едва ли слышать ему случалось». Между тем «главнейшая наука... для гражданина» состоит «в познании своего отечества» [11].

Замечательным представителем молодой когорты историков в Академии наук был Семен Сергеевич Башилов (1741—1770 гг.), один из первых русских исследователей и публикаторов летописей. Н. И. Новиков, знавший его лично, говорит, что это был «человек разумный и просвещенный, упражнялся много во словесных науках» [12].

Башилов родился в семье канцеляриста Троице-Сергиевого посада. Образование он начал в Лаврской семинарии и там хорошо изучил латинский язык. В 1758 г. он был направлен в Московский университет, где находился до 1763 г., а затем вернулся в Троице-Сергиеву лавру, обогащенный разносторонними знаниями. Он стал преподавать в семинарии географию,

---

[10] «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова». М.— Л., 1961, стр. 256.

[11] «Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российских древних и средних веков», ч. 1. СПб., 1767, стр. 1—2.

[12] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 17.

геометрию, геодезию и ряд других предметов [13]. Только в 1764 г. Башилов был исключен из подушного оклада [14]. Вскоре достигнутые им успехи на педагогическом поприще обратили на него внимание духовных властей. А когда в 1765 г. по распоряжению Синода было решено направить в Оксфордский и Кембриджский университеты 10 лучших семинаристов для обучения «вышним наукам», Башилов был назначен их инспектором.

Однако в Англию Башилову поехать не пришлось. В Петербурге у него обнаружили туберкулез. Годы напряженной учебы в нужде и лишениях подорвали его здоровье. Вместо него инспектором за границу был направлен молодой учитель Московской славяно-греколатинской академии Василий Никитич Никитин, впоследствии известный математик, а Башилов был определен в Академию наук на должность переводчика.

Башилов пришел в Академию наук в год смерти М. В. Ломоносова, когда с еще большей силой разгорелась борьба между сторонниками ломоносовских традиций в науке и кучкой реакционных бюрократов, правивших Академией наук. Эта борьба происходила и в области исторической науки, где еще при жизни Ломоносова профессором истории был назначен его противник, немецкий ученый А.-Л. Шлецер. Как правильно предугадал Ломоносов, Шлецер не смог понять истории России. Сторонник норманской теории, он предвзято подошел к изучению русского прошлого. Но вместе с тем нельзя не отметить и то положительное, что внес Шлецер в русскую историческую науку: используемый им метод исследования, основанный на тщательном анализе текстов путем сличения списков, их систематизации и т. п., был наиболее передовым для того времени.

Однако слабое знание русского языка вынудило Шлецера искать себе сведущего помощника, способного взять на себя значительную часть работы. Таким помощником и оказался Башилов — страстный исследователь и горячий почитатель отечественной истории. «По собственной моей склонности,— поясняет он,— определен я к российской истории как такой науке, чрез которую моему отечеству наибольше услужить надеял-

[13] С. Смирнов. История Троицкой лаврской семинарии. М., 1867, стр. 502.

[14] ЦГАДА, ф. Троице-Сергиевской лавры, оп. 1, д. 41, л. 1.

ся»[15]. Большая заслуга Башилова заключается именно в том, что он понял и оценил сравнительно-текстологический метод при изучении памятников русской старины и применил его в своих исследованиях.

Шлецер недооценил творческие возможности своего молодого русского коллеги, да и вообще русской исторической мысли того времени. Говоря о порученном ему издании Никоновской летописи, Шлецер упоминает и Башилова как человека, которого ему «дала Академия в переписчики для этого важного предприятия»[16]. Такая оценка роли Башилова в издании Никоновской летописи по меньшей мере произвольна и далека от истины.

Башилов был определен в Академию наук в 1765 г. для упражнений «в чтении российских летописцев и других до российской истории касающихся книг и в сочинении из них выписок, делая чрез то начало собирания материй, к составлению целой системы российской истории принадлежащих»[17]. Но вскоре он был передан в распоряжение Шлецера для подготовки к печати Никоновской летописи. Как говорится в предисловии к первой части этой публикации, написанном Шлецером, попечение об издании рукописи было возложено как на него, Шлецера, так и на переводчика Башилова. Они прилагали «все возможное старание, чтоб следовано было точно во всем подлиннику, сколько новый способ печатания дозволить только может». При подготовке рукописи к печати проводилось сличение семи различных списков, имевшихся в распоряжении Академии наук. При этом в предисловии пояснялось, что «всякий лист правлен был по крайней мере 4 раза» и сверялся с подлинником как Шлецером, так и Башиловым, «и совокупно, и каждым особливо»[18].

Первый том «Русской летописи по Никонову списку» вышел в 1767 г. Однако кропотливая работа над ним далеко не исчерпывала большой и разносторонней

---

[15] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 309, л. 224.

[16] «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная».— «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIII. СПб., 1875, стр. 149.

[17] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 309, л. 224.

[18] «Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Академии наук», ч. I. СПб., 1767. Предисловие.

научной деятельности Башилова. За период с 1765 по 1767 г. им был составлен указатель имен к Радзивилловской или Кенигсбергской летописи, опубликованной в первом томе «Библиотеки российской исторической». Кроме того, за это время Башиловым было написано «Критическое известие» на основе сличения источников, касающихся «начала молдавской земли, до сего времени во всей истории неизвестного»[19]. К сожалению, это произведение не вышло из печати, так же как и другое его сочинение — о Литовском княжестве.

Руководство Академии наук, стремившееся максимально загрузить технической работой молодых русских специалистов, взвалило на Башилова огромный корректорский и редакционный труд. Ему, в частности, принадлежит сложная редакция «Опыта Казанской истории» П. И. Рычкова (1767 г.), в основу которого был положен вольный и неисправленный пересказ Казанской летописи.

Кроме того, Башилову ежедневно давали править несколько корректур, требовавших от него больших усилий. В связи с этим он обращался в комиссию Академии наук с настоятельной просьбой не отвлекать его «от такой науки (т. е. от истории.— *М. Ш.*), которая и для Академии, и для отечества не может быть бесполезна». Он просил освободить его от таких занятий, для которых требуется только умение «читать и писать», и возложить на него «труды хотя и тягостнейшие», но соответствующие его желанию[20].

Ходатайство Башилова было поддержано Шлецером, что, по-видимому, и обеспечило его успех. Комиссия Академии наук в марте 1767 г. «переводчика Башилова от корректорской должности уволила»[21], а с отъездом Шлецера в Геттинген в сентябре того же года начался новый период научной деятельности Башилова, когда он принялся самостоятельно готовить к печати и издавать старые тексты. Первой такой его работой явилась публикация второй части Никоновской летописи, вышедшей в свет в 1768 г. В предисловии он особо подчеркивал, что при подготовке тома были применены «в точности все те правила, какие при оном изда-

[19] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 309, л. 224.
[20] Там же, кн. 304, л. 143.
[21] Там же, кн. 305, л. 75.

нии (первого тома.— *М. Ш.*) были наблюдаемы». В заключение Башилов писал не без волнения: «если внимательный читатель найдет сию часть столь же точною и исправною, как и первую, то сие будет такое счастье, которым я, как недовольно в таких трудах упражнявшийся человек, наперед ласкать себя не осмеливаюсь, хотя достигнуть оного и всеми силами старался»[22].

Другой публикацией Башилова был «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича». В пространном предисловии он поясняет, что в основу издания положил наиболее ранний список, приобретенный Академией наук у канцеляриста устюжской епархии Ивана Попова. Сличение производилось с двумя более поздними списками, принадлежавшими В. Н. Татищеву. Публикация содержит «особенные критические примечания» Башилова, в которых он поясняет разницу между летописью и актовым материалом. «Летописи,— говорит он,— исчисляют одни только частные приключения, а закон выводит из них всеобщие правила...»[23] Вместе с «Судебником» Башиловым были опубликованы «Древние законы из Юстиниановых книг» и «Таможенный устав 1571 г.»

■

Помогал Башилову в его публикаторской деятельности переводчик Академии наук Алексей Поленов. Он был выделен ему в помощники Академией наук и принял непосредственное участие в подготовке издания второй части Никоновской летописи. В предисловии к этому тому Башилов говорит о себе и о переводчике Алексее Поленове, «трудившихся в сем издании»[24].

Алексей Яковлевич Поленов (1738—1816 гг.) родился в Москве в неимущей семье военного музыканта.

---

[22] «Русская летопись по Никонову списку...», ч. II. СПб., 1768. Предисловие.

[23] «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и вел. кн. Ивана Васильевича». СПб., 1768. Предисловие.

[24] «Русская летопись по Никонову списку...», ч. II. Предисловие.

Он происходил «из солдатских сынов»[25]. Свое образование он начал в Академической гимназии, куда поступил в 1749 г., а в 1754 г. был произведен в студенты. В Академическом университете «к нему с большим участием относился Ломоносов»[26]. Поленов обратил на себя внимание «и по науке, и по прилежанию, и по состоянию порядочного жития»[27]. Им были хорошо освоены основы наук, а также латинский, французский и немецкий языки. В приобретении знаний Поленов видел выполнение своего гражданского долга. «Я,— писал он,— на такой конец учусь, чтобы всевозможно оным образом служить моему отечеству»[28]. А служение отечеству, в понимании Поленова, да и всего его университетского окружения, означало «служить обществу», т. е. быть полезным своим соотечественникам. В этой связи Поленов в своих занятиях уделял много времени истории и юриспруденции. Последняя не без основания привлекла его особое внимание, поскольку, как он сам говорил, большинство российских законов «совсем негодны» и «у нас нет ни судов, ни судей, которые бы сие имя по справедливости заслуживали»[29]. Чтобы стараться исправить такое положение, надо было многому учиться и прежде всего истории, без которой «приниматься прямо за юриспруденцию столько же безрассудно, как, не насадив железо, рубить дрова одним топорищем»[30].

В 1761 г. в результате достигнутых успехов в знании иностранных языков Поленов был привлечен к переводу эстляндских и лифляндских узаконений для Юстиц-коллегии. Работа оказалась столь трудоемкой, что перед ним возникла необходимость оставить свои занятия в университете, после чего ему был присвоен чин академического переводчика. Хотя в силу сложившихся обстоятельств Поленов временно и отошел от универ-

---

[25] М. Т. Белявский. Новые документы об обсуждении крестьянского вопроса в 1766—1768 годах.— «Археографический ежегодник». М., 1958, стр. 396.

[26] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.— Л., 1962, стр. 177.

[27] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 825, л. 311.

[28] «Русский архив», 1865, стб. 712.

[29] Там же, стб. 706.

[30] Там же, стб. 711.

ситета, тем не менее, он продолжал научную деятельность. «Впредь,— писал он,— сколько сил моих будет, стараться буду о учении, избрав одну науку по моей склонности»[31]. Такой наукой была юриспруденция. В 1763 г. Поленов добился от руководства Академии наук посылки сначала в Страсбург, а затем в Геттинген для совершенствования в истории и праве. За границей он познакомился со многими из злободневных тогда книг энциклопедистов и имел там интересные встречи, в частности с Руссо. Под углом буржуазно-освободительных идей эпохи Просвещения он пересматривал содержание «указов и уложений», действовавших в феодально-крепостнической России, и пришел к выводу, что, «кроме беспорядка, замешательства, недостатка и несправедливости»[32], в них ничего нет. Возвращаясь на родину весной 1767 г., он был полон творческих замыслов и преобразовательных идей. Если раньше, писал он, «мне очень нужны были мудрые наставления наших профессоров», которые они давали очень скудно, то «теперь же я и сам знаю, что мне нужно и полезно»[33].

Поленов был хорошо осведомлен о том, что после смерти Ломоносова Академия наук стала местом острой политической борьбы, и он серьезно опасался стать ее жертвой. В частности, в одном из писем к университетскому другу А. П. Протасову он замечал, что «случившиеся с гг. Козицким и Мотонисом обстоятельства служат нам примером быть всегда в осторожности»[34].

Известно, что оба эти выдающиеся ученые были отстранены от научной деятельности и определены на административные должности в Сенат и ведомство Кабинета. Поленов как бы предчувствовал, что через несколько лет та же участь постигнет и его. Уже в 1767 г. по возвращении в Петербург он столкнулся с новым направлением в руководстве Академии наук. «Меня сие приводит в великое удивление,— писал он,— что господа профессора так мало почитают свободные науки, особливо знатнейшую их часть, т. е. исторические

---

[31] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 825, л. 309.
[32] «Русский архив», 1865, стб. 467.
[33] Там же, стб. 714.
[34] Там же, стб. 704.

знания...»[35] Реакционно настроенные академические чиновники преследовали общественные науки, в которых они не без основания усматривали проявление освободительных идей и национального самосознания. Член комиссии Академии наук Я. Я. Штелин в присутствии Поленова говорил о нем, как о юристе, непригодном для Академии наук, поскольку у нее «нет никаких тяжеб, так как будто,— добавляет он,— юриспруденция состояла в одной тяжбе»[36]. В другом месте Поленов с возмущением бичевал ограниченность академического руководства. «Пусть,— писал он,— невежды исключают ее (гражданскую мудрость) из числа наук, пусть по их мнению юриспруденция состоит из одних только тяжеб, пусть думают, что упражняющиеся в сей науке терпят труд и время напрасно, все сии ложные мнения не заслуживают, чтоб на их ответствовать...»[37]

Поленов не получил ни звания адъюнкта, ни возможности заниматься избранной им наукой. Он был зачислен в штаты Академии наук на скромную должность переводчика. Кроме текущей корректорской и переводческой работы, ему, как уже сказано, было поручено помогать Башилову в подготовке к печати второго тома «Никоновской летописи». Это поручение не могло не отвечать его чаяниям, поскольку, будучи еще за границей, он с горечью говорил о том, «в каком запущении и небрежении повержена лежит Российская история». При этом он выражал свое горячее желание «приложить все возможное старание, дабы показать отечеству его древность»[38].

Кроме того, Поленов был привлечен к деятельности Вольного экономического общества. Это произошло, очевидно, не без участия его друга Протасова, ведавшего канцелярскими делами Общества. Поленову, в частности, было предложено перевести на русский язык сочинения французского писателя Беарде де Лабея. Это сочинение удостоилось первой премии на конкурсе, открытом Обществом в 1766 г., на тему «Что полезнее для общества: чтоб крестьянин имел в собственности

[35] «Русский архив», 1865, стб. 710.
[36] Там же, стб. 729.
[37] А. Я. Поленов. Предуведомление к кн. «Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов». СПб., 1769.
[38] «Русский архив», 1865, стб. 711.

землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?» Однако выполненный Поленовым перевод не удовлетворил заказчиков якобы потому, что «не довольно имел тех украшений и сильных выражений на российском языке, какими пополнил сочинение свое автор»[39]. Перевод был исправлен И. И. Таубертом, А. В. Олешевым и А. А. Нартовым и в новой редакции напечатан в «Трудах» Общества в 1768 г. По своему содержанию произведение Беарде де Лабея было робким и половинчатым; оно фактически передавало решение поставленной задачи на усмотрение помещиков. Тем не менее в его первой части имеются отдельные места о преимуществе независимости крестьян, которые, будучи переведены Поленовым, по-видимому, и вызвали нарекания со стороны членов Общества.

Как известно, Вольное экономическое общество возникло в Петербурге в середине 60-х годов по инициативе правящих кругов. В состав его в основном вошли владельцы крупных феодальных поместий и академические чиновники, старые недруги Ломоносова, такие, как Тауберт и Теплов. Цель, поставленная перед Обществом, заключалась в изыскании средств для повышения доходности помещичьего хозяйства в условиях развития в стране товарно-денежных отношений. Не случайно поэтому в 1766 г. учредители Общества объявили конкурс на решение коренного для феодально-крепостнической экономики вопроса — о целесообразности предоставления крестьянам земельной собственности. Естественно, что, ставя такую задачу, учредители Общества преследовали цель укрепить помещичье хозяйство, а отнюдь не облегчить участь крестьян. Судя по поступившим ответам, такая постановка вопроса была хорошо понята большинством их авторов; таковых было свыше 160 человек, большей частью иностранцев. Полученные от них сочинения в основном продемонстрировали ограниченность одних и реакционность других.

Исключением явилась записка Поленова «О крепостном состоянии крестьян в России», которую он счел

---

[39] А. И. Ходнев. История Вольного экономического общества с 1765 до 1865 г. СПб., 1865, стр. 26.

нужным представить на конкурс в Вольное экономическое общество, в заведомо враждебную ему среду. В его понимании это было выполнением гражданского долга. «Всегдашние мои желания были,— писал он,— служить моему отечеству; в сем намерении я сие единственно и предприинял» [40]. В этой записке Поленов в известной мере выразил точку зрения на крестьянский вопрос значительной части разночинной интеллигенции. В отличие от остальных участников конкурса, в решении поставленной задачи Поленов исходил не из интересов дворянства, а из неотложных нужд крестьян, из стремления оградить их «от наглостей их помещиков, которые их без всякой пощады и милосердия мучат» [41]. Поэтому, отвечая на поставленный вопрос, он коснулся не экономической его стороны, а юридической, признав крепостнические отношения неправомерными и противоречащими «естественному праву», которое «подобных установлений в себе не заключает» [42].

Записка Поленова была зачитана на очередном заседании Общества и, естественно, вызвала замешательство среди присутствующих. Было признано, что работа содержит многие чрезмерно «сильные и по здешнему состоянию неприличные выражения». В этой связи решено было «велеть» автору «немедленно оную переправить», после чего отнести ее ко «второму классу», но без права на выпуск в свет [43].

Свою работу Поленов начинает с опровержения распространенной в XVIII в. среди французских просветителей «договорной» теории, будто народы в ранний период их истории по собственному желанию и на основе общественного договора передавали верховную власть на хранение своим избранникам, а вместе с ней и право на свою собственность. Немыслимо допустить, говорит он, «чтоб люди сами от себя добровольно на то согласились и подвергнули бы себя столь жестокому жребию». Причину этого «должно приписывать на-

---

[40] А. Я. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. II. М., 1952, стр. 29.

[41] Там же, стр. 26.

[42] Там же, стр. 11.

[43] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. 53.

сильствию»[44]. Таким образом, он приходит к выводу, что на насилии возник и зиждется в крепостнической России государственный строй.

С большим сочувствием и горечью говорит Поленов о тягчайшем положении крестьянства, «лишенного всех прав человечества», в том числе «неотъемлемого» от людей права собственности. «Я не нахожу беднейших людей, как наших крестьян, которые, не имея ни малой от законов защиты, подвержены всевозможным не только в рассуждении имения, но и самой жизни обидам и претерпевают беспрестанные наглости, истязания и насильства»[45]. При этом он особо подчеркивает, что такое «конечное угнетение не только вредно для общества, но и опасно»[46]. Оно вредно тем, что труженики, лишенные всего, не заинтересованы в производительном труде; оно опасно потому, что «такие люди, не видя конца своим бедствиям, приходят в отчаяние и приступают к опасной для каждого общества крайности»[47].

Однако критика общественных порядков у Поленова была значительно острее его практических предложений. Его требования еще не предусматривали коренных реформ и тем более революционных методов. Оставаясь в пределах крепостного права, он ограничивался требованием об ослаблении гнета личной зависимости крестьян, о предоставлении им права собственности на движимое имущество и права наследственного владения «недвижимым имением». Он считал необходимым создать для крестьян такие условия, «чтобы помещик ни малой не имел власти угнетать каким-нибудь образом»[48], удовлетворяясь получением с них установленных повинностей. Если же помещик сохранит за собой хотя бы ограниченную власть на имущество крестьянина, то этот последний «никогда не может подняться»[49].

Как и все его окружение, Поленов был проникнут

---

[44] А. Я. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», стр. 11.

[45] Там же, стр. 15.

[46] Там же, стр. 10.

[47] Там же, стр. 11.

[48] Там же, стр. 22.

[49] Там же, стр. 25.

духом своей эпохи: он верил в преобразовательную силу знаний и видел в их распространении путь к обновлению общества. С помощью образования, говорил он, «можно преобразить всякого человека, какого бы он состояния ни был»[50], крестьянина и помещика, и направить общество «на путь добродетельной жизни»[51]. Поленов рекомендовал «в каждой деревне, где только можно и обстоятельства дозволят, учредить школу»[52].

Однако в этом вопросе точка зрения Поленова отличалась от точки зрения «либерального» дворянства, считавшего преждевременным думать о каком-либо облегчении участи крестьян до надлежащего повышения уровня их просвещения. Напротив, Поленов считал, что началом пути к эмансипации крестьян должно быть установление их юридического статута, обеспечивающего им «права человечества», а затем уже распространение знаний. «Пусть человек пользуется правами человечества, пусть уничтожены будут не допускающие его до их исполнения препятствия», тогда он, «возвратив свои силы, вскоре переродится»[53].

■

Близкими к Поленову были воспитанники Академического университета, молодые студенты Василий Венедиктов и Василий Светов. Оба они имели, как сами об этом говорят, «особливую склонность и охоту обучаться историческим наукам и языкам»[54]. Особенно привлекала их внимание отечественная история. В 1765 г. Шлецер с помощью Котельникова выбирал из академических студентов наиболее достойных для посылки в Геттингенский университет с целью «приобретения в науках вящего совершенства»[55]. Выбор пал на Венедиктова и Светова, которые, как пишет Шлецер, показались ему «способными к этому»[56]. Оба

---

[50] А. Я. Поленов. О крепостном состоянии крестьян в России.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», стр. 17.

[51] Там же, стр. 16.

[52] Там же, стр. 17.

[53] Там же, стр. 15.

[54] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 9, кн. 126, л. 10.

[55] «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная», стр. 328.

[56] Там же, стр. 329.

они были направлены в Геттинген, где под наблюдением Шлецера в течение трех лет успешно занимались историческими науками, «дабы со временем из природных россиян были люди ученые и способные, кои могли бы употреблены быть впредь при сочинении российской истории» [57].

Венедиктов был уроженцем Севска, где отец его служил дьячком. Как и все его окружение в Академическом университете, он был поклонником ломоносовских традиций в науке. По возвращении из Геттингена, так же как и Поленов, Венедиктов встретил к себе враждебное отношение со стороны чиновников в Академии наук. Их настораживали приобретенные им знания в области истории. Он вскоре был зачислен на должность академического переводчика и загружен различной текущей работой по переводческой экспедиции. В то же время он помогал профессору И.-Э. Фишеру в написании «Новейшей сибирской истории» [58]. Возможно, что здесь идет речь о продолжении работы Фишера над историей Сибири, первая часть которой была издана на немецком языке в 1768 г. и на русском — в 1774 г. [59] Однако тяжело пройденный Венедиктовым жизненный путь в трудах, лишениях и нужде подорвал его силы: в феврале 1771 г. он умер от туберкулеза на руках Поленова, который его и похоронил [60].

Немногим счастливее сложилась судьба компаньона Венедиктова по заграничной командировке Василия Прокофьевича Светова (1746—1787 гг.), вышедшего из городской бедноты. Он был «солдатским сыном» и вырос в неимущей семье каптенармуса Астраханского полка. Находясь в Академической гимназии, а затем в университете, Светов целиком посвятил себя науке и достиг больших успехов. Завершив образование в Геттингене по древней и новой истории, по статистике, геральдике, нумизматике и «дипломатике», он вернулся в Петербург, полный творческих замыслов [61]. Но

---

[57] Там же, стр. 326.

[58] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 138.

[59] И.-Э. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.

[60] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 9, № 918, л. 9.

[61] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 188.

в Академии наук его знания оказались ненужными. Сначала он был использован для разбора и переписки списка «Нестерова летописца Ипатьевского монастыря»[62], но очень скоро определен на должность учителя русского языка в Академическую гимназию, где к тому времени оставалось всего несколько учеников. Обращаясь в комиссию Академии наук, Светов писал: «в гимназии обучаю я чистому российскому письму, орфографии и грамматике российской..., вместо которых с большею б охотою мог преподавать ученикам наставление в истории и географии»[63]. Но реакционные академические круги, желая отойти от ломоносовских традиций, не стремились развивать изучение отечественной истории.

Хотя Светов и продолжал «уповать чрез долгое время снискать себе»[64] место в науке, в Академии наук ему это не удалось. В должности учителя русского языка он оставался до конца жизни. Вместо изучения отечественной истории он начал самостоятельно трудиться над составлением правил русского правописания — отрасли науки, заброшенной в Академии наук. Вопрос о формировании русского литературного языка стоял очень остро в 60—70-х годах хотя бы уже потому, что появлялись новая научная и художественная терминология, новые стилистические формы и приемы. Он был непосредственно связан с процессом развития русской национальной культуры. Отсутствие единых орфографических правил мешало дальнейшему развитию русского литературного языка и вносило в него беспорядок. Каждый автор фактически был волен пользоваться собственными правилами правописания. Такая разноголосица становилась особенно ощутимой в условиях значительного увеличения книжной продукции и расширения читательской среды.

В 1773 г. Светов опубликовал «Опыт нового российского правописания». В нем он стремился, как сам об этом говорит, «несогласующихся содружить, неосновательные и странные безобразия исправить или и совсем из письма истребить»[65]. В обращении к читателю

---

[62] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 9, № 1024, л. 1.
[63] Там же.
[64] Там же.
[65] В. П. Светов. Опыт нового российского правописания, ут-

он поясняет, что «малый сей опыт... произведен в свет не с охоты противоречить безо всякого основания другим, вводя в письмо необыкновенные и с природою языка славенороссийского несвойственные новости, но единственное намерение было положити правила на российской грамматике и на лучшем и рассудительном употреблении новороссийского языка основанные». Далее Светов особо подчеркивал, что в своей работе следовал «по большей части российской грамматике покойного г. статского советника Михаила Васильевича Ломоносова»[66]. Примечательно, что русскую речь, изменившуюся к 50—60-м годам в связи с ростом науки и культуры, Светов называет «новороссийским» языком и существенно отличает его от языка предыдущего периода.

«Опыт нового российского правописания» получил большую известность и признание у современников. Его автора они называли «человеком, в языке российском много упражнявшимся и сведущим»[67]. Его труды в этой области легли в основу складывавшегося русского литературного языка, и много позже академик Я. К. Грот свидетельствовал, что в них «обнаруживается редкое для того времени понимание законов языка, так что в истории русского слова и письма нельзя забывать Светова»[68].

В следующей своей филологической работе, увидевшей свет уже после смерти автора, Светов особо подчеркивает, что все его исследования в области языка явились продолжением и развитием трудов М. В. Ломоносова, которые были для него «единым токмо руководством и подали повод к учинению дальнейших в языке рассмотрений»[69]. Ломоносовский путь в науке был продолжен его учениками и последователями не только в языкознании или истории, но также и в естественных науках. Перед передовыми русскими людьми

верждённый на правилах российской грамматики и на лучших примерах российских писателей. СПб., 1773. К читателю.

[66] Там же.

[67] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., вып. IV, стр. 321.

[68] Там же, стр. 307.

[69] В. П. Светов. Краткие правила ко изучению языка российского, с присовокуплением кратких правил российской поэзии, или науки писать стихи, собранные из новейших писаний в пользу обучающегося юношества. М., 1790, стр. VI.

стояла задача лучше познать свою страну, ее население, естественные богатства, ремесла и т. д. Это тоже была одна из важных задач дальнейшего хозяйственного роста страны и становления национальной культуры.

■

В конце 60-х — начале 70-х годов заметно оживилась деятельность Географического департамента Академии наук. Его новые руководители — С. К. Котельников, С. Я. Румовский, Л. Эйлер и др. — предприняли осуществление смелой программы комплексного изучения многих районов России. Намечалось претворение в жизнь известного проекта М. В. Ломоносова, представленного им в Академию наук незадолго до его болезни, об организации научных экспедиций на большей части территории России[70]. При этом ставилась задача расширения знаний не только в области географии, но и в других науках — геологии, ботанике, зоологии, экономике, этнографии, археологии.

В осуществлении грандиозных замыслов Географического департамента приняли участие многие русские и иностранные ученые. С их помощью было организовано пять экспедиций: три из них возглавлялись академиками П.-С. Палласом, адъюнктом И. И. Лепехиным и профессором И.-П. Фальком, а две — профессорами С. Г. Гмелиным и И.-А. Гильденштедтом. Территория, охваченная этими экспедициями, была огромной — от Сибири до Белоруссии и от Каспия до Поморья.

Кроме профессоров, в состав экспедиции входили и академические студенты, многие из которых в дальнейшем прославили русскую науку. Некоторые из них руководили отдельными поисковыми отрядами и делали огромные переходы. Для них научные экспедиции в какой-то мере заменяли университет: они обретали навыки исследовательской работы и большой полевой опыт. «Солдатский сын» Василий Зуев совершил самостоятельное путешествие на Север, вдоль Оби к ее низовьям, а оттуда к берегам Северного Ледовитого океана, в район Карской губы. Сын сельского пономаря Никита Соколов обследовал район, граничащий с Ки-

---

[70] В. Ф. Гнучева. Географический департамент Академии наук XVIII века. М.—Л., 1946, стр. 182—185.

таем. Тимофей Мальгин побывал на побережье Ледовитого океана между Двиной и Уралом. Николай Озерецковский прославил себя поездкой по Кольскому полуострову и Онежскому краю и т. д. Путешествуя по разным маршрутам Центральной России и ее окраинам, они прошли через много городов и сел, гор, лесов и рек, которые и были ими описаны в путевых журналах. Большую известность получили, в частности, «Дневные записки» путешествия И. И. Лепехина, выходившие в свет с 1771 по 1780 г.

Иван Иванович Лепехин (1740—1802 гг.) также был из «солдатских детей». Образование он начал в Академической гимназии, а в 1760 г. был произведен в студенты и перешел в Академический университет. Там он слушал лекции М. В. Ломоносова и проявил незаурядные способности, особенно в естественных науках[71]. В 1762 г. для совершенствования знаний Лепехин был послан в Страсбургский университет, где провел пять лет. Ботаника, химия, анатомия привлекли его внимание, и в 1767 г. он успешно защитил докторскую диссертацию. Весь срок своего пребывания в Страсбурге Лепехин жил вместе с А. Я. Поленовым, с которым его связывала крепкая дружба. Впоследствии в России эта дружба не прерывалась. Однако в отличие от Поленова — ученого в области истории и права — Лепехину был оказан в Академии наук более теплый прием. Его знания в области естественных наук, в частности в ботанике, минералогии и химии, не вызывали сомнений у нового академического начальства. Вскоре после возвращения в 1768 г. Лепехин был удостоен звания адъюнкта, а в 1771 г. — академика.

Большое значение для русского общества, несомненно, имели «Дневные записки» Лепехина. В этих трех объемистых томах в увлекательном и общедоступном изложении он рассказал своим соотечественникам все то, что в течение шести лет видел и слышал на своем пути. Он как бы раскрыл перед ними окружающий их мир, отчизну во всем ее разнообразии и единстве, с ее несметными природными богатствами и с бесправием и нищетой ее населения. Близ Владимира он

---

[71] Н. Г. Фрадкин. Академик И. И. Лепехин и его путешествие по России в 1768—1773 гг. М., 1950, стр. 13 и сл.

отмечает «бедность и жалостное состояние»[72] сельских жителей, в окрестностях Мурома видит «часто шатающихся крестьян и сбирающих у своих соседей посевной хлеб во образ милостыни»[73]. Убожество населения Поволжья приводит его в уныние; недалеко от Алатыря он не может «без сожаления смотреть на бедные их [крестьян] хижины, на бесприют их скота»[74]. На берегах Вычегды он также свидетельствует о «плачевном состоянии жителей»[75] и т. д.

Такие замечания в «Дневных записках» Лепехина свидетельствуют о том интересе, который он проявлял к участи сельского населения. Долголетняя близость с Поленовым, по-видимому, оставила след. Симпатии их обоих были на стороне крестьян, оба они выступали в защиту их прав, хотя и не предусматривали коренных изменений.

Передовые люди того времени верили в силу разума; в распространении знаний они видели средство, ведущее к глубоким общественным переменам. «Науки вообще упражняются в исследовании истины,— писал Поленов,— дабы нам открыть прямой путь к приобретению постоянного благополучия»[76]. Под «постоянным благополучием» он и его единомышленники понимали процветание и независимость всех людей; ради этого они трудились, отдавая свои силы преподаванию, а также сочинению и переводу книг. Как писал Светов, он «единственно желал чрез то (переводы.— *М. Ш.*) явить ревность свою ко услугам обществу»[77]. Аналогичными высказываниями пестрят предисловия и к другим переводам, которые печатались в типографии Академии наук.

Так, в предисловии к одному из своих переводов Башилов писал, что всякий «прозорливый испытатель

---

[72] «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям российского государства», т. I. СПб., 1771, стр. 29.

[73] Там же, стр. 60.

[74] Там же, стр. 94.

[75] Там же, т. III. СПб., 1780, стр. 274.

[76] А. Я. Поленов. Предуведомление к кн. «Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов».

[77] В. П. Светов. Предуведомление к кн. А. Ф. Бюшинга «Османское государство в Европе и республика Рагузская». СПб., 1770.

союза вещей» все старания «употребит в пользу общества», для которого он «охотно жертвует всеми своими выгодами»[78]. Подбор книг, переведенных Башиловым, Поленовым и другими русскими учеными из Академии наук, со всей очевидностью свидетельствует о том, что идеи эпохи Просвещения были им близки, как и некоторым канцелярским служащим Сената. Их связи с «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг» давали им возможность публиковать эти переводы.

Башилов, например, развернул большую литературную деятельность, не жалея ни времени, ни здоровья. За какие-нибудь четыре-пять лет им было переведено и издано более 10 книг и сборников статей, преимущественно французских просветителей.

Одним из первых переводов Башилова был «Политический опыт о коммерции», вышедший в 1768 г. Автор этой книги Ж.-Ф. Мелон — малоизвестный писатель эпохи Просвещения, энциклопедист — ратует в ней за развитие торговых связей, в которых он видит источник благотворных изменений в обществе. В предисловии к книге Башилов соглашается с автором и в свою очередь считает торговые отношения между людьми «тем узлом, который один только силен содержать благосостояние человеческого общества»[79]. В доказательство он ссылается на страны с уже установившимся буржуазным порядком: «Голландская, Венецианская и Женевская республики, пред очами нашими процветающие, суть живым в том примером» и многозначительно добавляет, что «нет в них недостатков, делающих жизнь если не несносною, то по крайней мере тягостною». В заключение Башилов пишет, что «нет лучшего упражнения для патриотического духа..., как старание о распространении, утверждении и защищении коммерции»[80].

В 1769 г. был издан ряд новых переводов Башилова. К сожалению, они не сопровождались предисловиями переводчика. Тем не менее тематика подобранных им

---

[78] С. Башилов. Предуведомление к кн. «Блаженство. Разговор животных». СПб., 1768.

[79] С. Башилов. Предуведомление к кн. Ж.-Ф. Мелона «Политический опыт о коммерции». СПб., 1768.

[80] Там же.

для перевода книг показывает его образ мыслей. Так, в его переводе вышла одна из лучших философских повестей Вольтера, «Кандид»[81], в которой «фернейский патриарх» обрушивается со всей силой своего сарказма на сторонников теории «предустановленной гармонии», доказывающей неизбежность социального зла. Эта философия была присуща и многим русским дворянам, видевшим в насилии одной части людей над другой незыблемый порядок, установленный провидением. Тогда же вышли в переводе Башилова две повести Монтескье — «Лисимах» и «Разговор Силлы с Евкратом», политически заостренные против деспотизма, и известная статья Монтескье «О вкусе», опубликованная в «Энциклопедии».

В 1769—1770 г. Башилов много потрудился над переводами и других статей из «Энциклопедии». Часть из них относилась к вопросам новой буржуазной этики и была направлена против господствовавших феодальных норм морали. Эти переводы составили три тематических сборника: «О ласкательстве» (1769 г.), «О надзирателях при воспитании» (1770 г.), «О любви» (1770 г.). В них помещены большие статьи: «Об отцовской любви», по-видимому, Дидро, в которой ставится вопрос о правах и обязанностях самодержцев, «Придворный» д'Аламбера и особенно примечательные статьи де Жокура о льстецах и о лести, бичевавшие нравы и порядки во дворцах коронованных особ.

Наконец, одной из последних работ Башилова, по-видимому, вышедшей уже после его смерти, был перевод четвертой части известного романа-трактата Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или о воспитании», озаглавленной «Исповедание веры савойского викария». Это выдающийся памятник религиозного свободомыслия того времени, хотя и далекий от материализма,

Русский библиограф Н. В. Губерти имел в руках рукописный экземпляр этого перевода Башилова, подготовленный к печати. Он был озаглавлен «Исповедание веры наместника савоярда, сочинение славного г. Ж.-Ж. Руссо, переведено с французского правительствующего сената секретарем Семеном Башиловым.

---

[81] Ф.-А. Вольтер. Кандид, или Оптимист, то есть наилучший свет. СПб., 1769.

1770 года»[82]. Однако перевод вышел в свет под другим названием: «Размышление о величестве божии, о его промысле и о человеке, г. Ж.-Ж. Руссо. Переведена в 1769 и 1770 гг.»[83] В книге было допущено много опечаток и на титульном листе отсутствовали место и год издания, наименование типографии и имя переводчика. Это был один из ранних образцов литературной маскировки в России.

Проповедуя «естественную религию», Руссо в этой книге не оставляет камня на камне от авторитета церкви. Он отрицает возможность божественного «откровения», берет под сомнение Евангелие и другие священные книги, обвиняет духовенство в лицемерии и корыстолюбии. Руссо рассказывает о бедном и честном священнике, который понял, что «как скоро народы вздумали заставить говорить бога, то каждый из них... влагал в его уста такие слова, какие хотел»[84].

Сочинение Руссо «Эмиль, или о воспитании» вызвало большой переполох в правящих кругах Европы. В Париже и в Женеве оно было сожжено рукой палача, а его автор должен был скрываться от преследования властей. Екатерина II, афишировавшая свои связи с французскими просветителями, признала эту книгу опасной и вредной. В сентябре 1763 г. она запретила продажу ее в России[85]. Тем не менее запретное произведение проникло в Петербург, оказалось в руках Башилова, который перевел наиболее острую его часть.

Переводами книг, принадлежавших перу просветителей, занимался и А. Я. Поленов. В частности, он перевел на русский язык известное сочинение Монтескье «Размышления о причинах величия и падения римлян». Книга эта посвящена истории древнего Рима. Не задерживаясь на отдельных событиях и фактах, автор пытается показать в ней, что римляне процветали,

---

[82] В 1770 г. усилиями академических чиновников Башилов был уволен из Академии наук и переведен в Сенатскую канцелярию секретарем.

[83] Н. В. Губерти. Материалы для русской библиографии, вып. I. М., 1878, стр. 262.

[84] «Размышление о величестве божии, о его промысле и о человеке г. Ж.-Ж. Руссо». Переведена в 1769 и 1770 гг. [б. м. и г.], стр. 96.

[85] Сб. РИО, т. 7. СПб., 1871, стр. 318.

пока владели политической и гражданской свободой. Их падение началось с установлением деспотизма. Монтескье полемизирует с теми, кто движущую силу истории усматривает в провидении; он противопоставляет ему логический и закономерный ход исторического развития, основываясь на естественноправовой теории, характерной для французских просветителей. Книга наполнена намеками на политическую жизнь XVIII в., историческими аналогиями, злободневными и для феодально-крепостнической России.

Подготовленная к печати рукопись этого перевода Поленова была представлена в академическую комиссию, где она вызвала замешательство: в ней были усмотрены «сомнительные места», преимущественно относящиеся к православной церкви. В связи с этим директор Академии наук граф В. Г. Орлов обратился к известному тогда при дворе проповеднику архиепископу Платону с просьбой сообщить свое мнение о возможности выпуска в свет сочинения Монтескье. Однако Платон, учитывая всеевропейскую популярность автора книги, предпочел переложить решение вопроса на Сенат. «Правительство,— писал он,— лучше знает союз общества, и оно же иногда основательно сносит таковые злоупотребления, коих истребление, может быть, произвело бы больше худа, нежели самые злоупотребления»[86].

Все эти перипетии с изданием «Размышлений о причинах величия и падения римлян» Монтескье вынудили Поленова снабдить перевод предисловием, в котором он отмечает причину, вызвавшую неблагоприятные суждения о православной церкви; таковою он считал «недостаток достоверных о России известий в иностранных государствах». При этом он пояснял, что написание этого предисловия явилось для него «неприятным трудом», от которого он «охотно желал избавлен быть, но нужда закон пременяет»[87]. Однако из предисловия явствует, что тему, касающуюся православия, Поленов поставил на второй план, сказав, что в книге имеются места, которые «содержат много непоч-

---

[86] В. Орлов-Давыдов. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова, т. I. СПб., 1879, стр. 176—177.

[87] А. Я. Поленов. Предисловие к кн. Монтескье «Размышления о причинах величия римского народа и его упадка». СПб., 1769.

тительного и неосновательного о нашей церкви»[88]. Зато на первый план им неожиданно была выдвинута критика известного положения Монтескье о том, что размеры стран определяют формы правления: для небольших территорий — это республика, для средних — монархия и для больших — деспотия.

Это положение Монтескье было особенно остро воспринято русскими современниками, которые учитывали огромные пространства России. Екатерина II, ссылаясь на это положение, писала в «Наказе», что «всякое другое правление... было бы России вредно»[89]. Поэтому выступление Поленова в предисловии к книге Монтескье звучало как бы ответом на слова императрицы. Хотя, пишет он, «весь ученый свет известен о заслугах славного Монтескье», «однако, превознося его добродетели, не должно обоготворять его погрешности, ниже, усмотря их, с неистовством восставать против сего великого мужа». Поленов в подтверждение своей критики Монтескье ссылается на Гельвеция, который в книге «Об уме», «опровергая Монтескьево учение о различном положении стран и о происходящем от того различий в правлении, вере и нравах народов», заслуживает «от всех похвалу»[90].

Много потрудились над переводами книг писателей эпохи Просвещения и другие молодые русские ученые из Академии наук. Причем значительное место в этой переводной литературе заняли исторические произведения, с одной стороны, обличающие гнет и насилие в абсолютистских монархиях, с другой — раскрывающие перспективы новой, рождающейся буржуазной эры. Свободная торговля, ремесло противопоставлялись захватническим войнам и феодальным повинностям. История использовалась для изобличения обскурантизма и тирании. Из нее извлекались уроки, служившие современникам для их политической борьбы. С этой же целью труды западных историков использовались и в России.

Так, академический переводчик И. Барков издал в 1766 г. однотомную «Сокращенную универсальную

[88] Там же.

[89] «Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». СПб., 1907, стр. 3.

[90] А. Я. Поленов. Примеч. к кн. Монтескье «Размышления о причинах величества римского народа и его упадка». СПб., 1769.

историю» известного датского писателя-просветителя Людвига Гольберга. В предисловии к этой книге Барков говорит, что ее автор «подает ясное наставление в истории и остроумною своею краткостью возбуждает в сердцах молодых людей жар и охоту к общим историческим знаниям». Далее Барков замечает, что перевел эту книгу в надежде, что исторические знания, содержащиеся в ней, будут нужны «всякому усердному к общей пользе гражданину» [91].

Теми же мотивами руководствовался и академический переводчик В. Светов, когда он занимался трудоемким переводом «Начертания истории нынешних знатнейших европейских государств». Автором этой книги был передовой профессор Геттингенского университета Готфрид Ахенваль, снискавший себе известность тем, что одним из первых ввел статистику в исторический анализ. В предисловии Светов пояснял, что, «издавая в свет перевод сего краткого руководства к политической истории нынешних знатнейших европейских государств», он считает необходимым предупредить читателей о несколько необычном порядке изложения. Он указывает, что автор стремился придать своей работе наиболее актуальный характер, в связи с чем «древнейшие происшествия в европейских государствах описываются несравненно короче, нежели новейшие, потому что от отдаленных древностью времен не столько зависят причины нынешнего их состояния, сколько от случившихся в новейшие времена перемен». Книга содержит описания различных политических правлений, установленных в XVIII в. в европейских странах, и служит как бы иллюстрацией к хорошо известной схеме форм правления Монтескье, изложенной в «Духе законов». В заключение Светов выражает пожелания «российским читателям» извлечь из книги Ахенваля ту же пользу, «которую оное руководство принесло на языке немецком» [92].

Во второй половине 60-х и в 70-х годах в переводах академических сотрудников вышло довольно много работ, некоторые из них касались более конкретных исто-

---

[91] И. Барков. Предисловие к кн. Л. Гольберга «Сокращение универсальной истории, сочиненное вопросами и ответами». СПб., 1766.

[92] В. П. Светов. Предисловие к кн. Г. Ахенваля «Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств». СПб., 1779.

рических тем. Все они содержали острые политические параллели и примеры, клеймили феодально-абсолютистские порядки. Одна из таких работ,— приписывавшаяся французской писательнице Маргарите Люссан, «История о переменах неаполитанского королевства» [93]— была переведена Тимофеем Семеновичем Мальгиным (1752—1819 гг.), спутником И. И. Лепехина в его путешествиях по России. В ней говорилось о раздорах между правящей феодальной верхушкой и торговой буржуазией в Неаполе, боровшейся за свои гражданские права. Симпатии автора, а равно и переводчика были явно на стороне последней.

Несколько исторических книг перевел бывший студент Академии наук, выходец из казачьей семьи Иван Иванович Богаевский (р. 1750 г.). В его переводе вышла, в частности, книга аббата Куае «Описание жизни Иоанна Собеского», на страницах которой автор призывал польских магнатов облегчить участь крестьян. На примере народно-освободительного движения под предводительством Хмельницкого он доказывал, что в силу злоупотреблений и насилий помещиков «верный народ превратился в мятежных подданных» [94]. Как бы обобщая эту мысль, он добавлял, что каждый «гордый народ, отличающий послушание от рабства, погашает гнев свой одною токмо кровью» [95]. Через короткое время после выхода в свет перевода книги Куае ее читатели оказались свидетелями крестьянской войны и смогли воочию убедиться в этом.

Самым важным из переводов Богаевского, несомненно, был труд немецкого ученого из Геттингенского университета, читавшего там лекции по политической экономии, И.-Г. Юсти: «Основные силы и благосостояния царств...» Многие мысли, вложенные автором в это произведение, являлись в какой-то мере общими для эпохи Просвещения; они перекликались и с тем, что писал или переводил по этому вопросу Поленов. В первой части этого сочинения, посвященной проблеме народного благосостояния, ставился крестьянский вопрос. А по-

---

[93] М. Люссан. История о переменах неаполитанского королевства в 1647 и 1648 годах..., с французского языка на российский перевел коллежский протоколист Тимофей Мальгин, т. I. СПб., 1775.

[94] Г. Ф. Куае. Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, ч. I. СПб., 1770, стр. 18.

[95] Там же, стр. 19.

скольку он составлял главное содержание классовой борьбы в России, то и злободневность его для русских читателей была очевидной. Для успешного решения этого вопроса автор предлагал ликвидировать существовавшие в деревне феодальные отношения, которые могли «начало свое получить только в самые непросвещеннейшие времена»[96]. Он заверяет читателей, что «доколе такие распоряжения не будут отринуты, дотоле нельзя и надеяться, что сельское домостроительство придет в цветущее состояние»[97]. Для увеличения рентабельности сельского хозяйства, являвшегося, по мнению автора, главным источником «силы и благосостояния царств», нужно прежде всего заинтересовать крестьянина в результатах его труда, сделать так, чтобы «сами мужики были и помещиками своих дач, [а] пока крестьяне не станут совершенно владеть населенными ими землями, до тех пор будут они иметь недостаток в главнейшем...»[98] Касаясь далее основного препятствия на пути к осуществлению предлагаемых мероприятий, т. е. феодального права помещиков на землю, автор говорит, что «такие обычаи и права, а особливо крепости на людей, суть уже сами по себе столь несправедливы, что превеликого удивления достойно, как могут они быть еще в употреблении в такие, как нынешние просвещенные времена»[99]. Высказываясь за предоставление крестьянам личной свободы и вечной собственности на землю, Юсти, как и Поленов, допускал за помещиками право на получение с них натуральной или денежной ренты[100]. В таком решении вопроса оба они видели путь к постепенному разложению феодальных отношений.

Только во мраке невежества, говорится далее, могли сложиться такие отношения. И вина за это в значительной мере падает на церковь. Автор считает, что церковь «может не только развращать нравы государственных жителей, но и разными другими образами

---

[96] И.-Г. Юсти. Основание силы и благосостояния царств или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния..., с немецкого на российский язык перевел Иван Богаевский, ч. I. СПб., 1772, стр. 269.

[97] Там же, стр. 268.

[98] Там же, стр. 268—269.

[99] Там же, стр. 269.

[100] Там же, стр. 270.

причинять ущерб общему благу»[101]. Он обвиняет ее в поощрении косности и лени среди людей, в развитии «превеликого жестокосердия и невежества, отвращающего их от всяких наук, художеств и искусств»[102], в коррупции ее служителей — духовенства, которое «высасывает из государства мозг, приводит тем народные промыслы и обращение денег в расслабление»[103]. Наиболее действенным оружием для обновления общества признается просвещение. Знаниями можно освободить умы «от уз суеверия и посему-то обстоятельству распространение наук есть весьма важное для всякого государства дело»[104].

Ставя вопрос о том, какой образ правления может лучше способствовать грядущему обновлению общества, Юсти приходит к выводу, что «в самодержавиях... весьма редко бывают... такие государи, которые преимущественно оказывают к наукам почтение». После каждого «просвещенного» монарха на престоле появляются «десять, пренебрегающих... науки». Поэтому, заключает он, «самодержавные государства не такие места, где бы приращение и цветущее состояние наук могло постоянно и долго продолжаться»[105]. Это было верно и для России, где Екатерина II, начавшая царствовать в ореоле «просвещенного монарха», уже к началу 70-х годов в условиях обострившейся классовой борьбы отказалась от своего показного «либерализма». В тех областях, продолжает Юсти, где правление общенародное, «гораздо лучшее для долговременного благосостояния наук основание»[106].

Этот перевод И. И. Богаевского и большинство переводов других академических сотрудников достаточно убедительно свидетельствуют об их образе мыслей. Их усилиями вопреки противодействию академического начальства Академия наук и после смерти М. В. Ломоносова продолжала оставаться одним из основных центров новых идей и знаний.

---

[101] Там же, ч. III. СПб., 1777, стр. 33.
[102] Там же, стр. 34.
[103] Там же, стр. 35.
[104] Там же, стр. 37.
[105] Там же, стр. 127.
[106] Там же.

Глава шестая

РАЗНОЧИННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Крупным центром научной мысли и просвещения был Московский университет. На протяжении 50—70-х годов XVIII в. в нем крепла поросль мыслящей разночинной интеллигенции. Об этом неоспоримо свидетельствуют сохранившиеся списки студентов за 60-е годы. В 1764 г., например, из 48 студентов только 8 числились дворянами, да и то условно. В ведомости говорилось: «а подлинно ли из дворян, университету неизвестно». Как замечает М. Т. Белявский, «эта оговорка объяснялась тем, что все эти студенты были детьми служилой мелкоты и по своему имущественному положению не отличались от разночинцев». Из остальных 40 студентов 19 были детьми солдат, 6 — низших церковнослужителей, 3 — канцеляристов, 2 — учителей и 1 — из крепостных. О родителях 9 человек известно только то, что они не принадлежали к привилегированному классу. В 1765 г. в университете уже было 55 студентов, из которых 10 числились дворянами. В 1766 г. из вновь произведенных в студенты 18 гимназистов только 3 значились дворянами. В течение последующих лет такое положение прочно удерживалось [1].

Познавая достижения мировой науки и культуры, студенты Московского университета постепенно приобщались и к идеям эпохи Просвещения. Дух времени коснулся и московской учащейся молодежи, усваивавшей новые мысли в области философии, политики, морали, стремившейся к критической переоценке поряд-

---

[1] «История Московского университета», т. I. М., 1955, стр. 38, 39.

ков, понятий и взглядов русской крепостнической действительности.

Вслед за М. В. Ломоносовым первые русские профессора Московского университета Н. Н. Поповский и А. А. Барсов учили своих учеников ненавидеть невежество и верить в разум, в науку. Все они видели в знаниях великую преобразовательную силу, а в их демократизации—залог грядущего обновления общества. Вот почему многие студенты шли в учителя, составляли учебные пособия и учебники, переводили книги.

Обо всем этом хотя и сжато, но красноречиво говорили они в предисловиях и в примечаниях к книгам, над переводами которых трудились. Студент Александр Павлов из обедневших дворян писал, что его переводы научных иностранных книг преследовали цель «незнающим латинского языка, любителям учения, оказать услугу»[2]. Подобным же образом пояснял причину своей переводческой деятельности и ряд других студентов. Студент, «солдатский сын» Илья Федорович Яковлев, преподававший математику в университетской разночинной гимназии, в предисловии к одной из переведенных им книг писал: «Здравый разум, утвержденный на подлинных, точных и незыблемых основаниях, во всяком роде знаний доходит свободно до самых вещественных тонкостей...» Он рекомендует своим читателям «точное иметь понятие обо всем», о небесных светилах, о человеке, о честности. От этого, говорит он, «коль великое благополучие и коль приятное препровождение жизни человеческой последует, всякому ясно»[3]. Аналогичные высказывания встречаются и в ряде других книг, изданных университетской типографией за эти годы. Они свидетельствуют о том, что вложенные в них мысли имели широкое распространение в стенах университета.

Часть воспитанников Московского университета, еще будучи студентами, преподавала в университетских гимназиях различные предметы. Из 28 учителей, числившихся в университете во второй половине 60-х годов,

---

[2] А. Павлов. Предисловие к кн. Х. Баумейстера «Логика». М., 1760.

[3] И. Ф. Яковлев. Предисловие к кн. И.-Г. Гейнеке «Основания умственной и нравоучительной философии обще с сокращенного историею философическою». М., 1766.

большинство вышло из числа его собственных питомцев. Многие из них, влача нищенское существование[4], в свободные от занятий часы составляли учебники и учебные пособия, стремясь «услужить обществу»[5], как они сами об этом писали. Некоторые из этих учебных руководств расходились в рукописях, другие печатались в университетской типографии и, судя по тиражам, имели значительный успех.

Михаил Иванович Агентов (1740—1769 гг.), например, был автором известного в свое время учебника немецкого языка, выдержавшего три издания (в 1762, 1779 и 1789 гг.)[6]. Им же было составлено и первое пособие на русском языке по практической химии «Открытие сокровенных художеств, служащее для фабрикантов, мануфактуристов, художников, мастеровых людей и для экономии» в трех частях (М., 1768—1771). Книга оказалась нужной, поскольку уже в 1778 г. она вышла вторым изданием. Агентовым также было переведено с немецкого языка пособие для учащихся рисовальных классов «Основательное и ясное наставление о миниатюрной живописи» (М., 1765). Агентов был в числе первых университетских учеников. В конце 50-х годов его направили для совершенствования знаний в Кенигсбергский университет. Вернувшись оттуда в 1762 г., он определился на должность учителя немецкого языка в университетскую гимназию[7].

Одним из составителей учебных пособий в Московском университете был учитель рисования Михаил Яковлевич Некрасов (1712—1778 гг.). Он вышел из той же общественной среды, что и Агентов: его отец был подьячим. Образование он получил в Московской славяно-греко-латинской академии, а затем в Академии наук. С 1758 г. он преподавал в гимназиях Московского университета. Изданное им «Краткое наставление в

---

[4] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. III. М., 1763, стр. 161—162.

[5] [Е. Булатницкий]. Новая итальянская грамматика, собрана из разных авторов и переведена на российский язык. М., 1759. К читателю.

[6] «Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов, в пользу российского юношества, переводчиком Михаилом Агентовым, обучающим в гимназии Московского университета немецкий синтаксический класс». М., 1762.

[7] «Русский биографический словарь», т. I. М., 1896, стр. 56.

рисовальной науке в пользу российского юношества» принесло ему известность, и в течение последующих лет он выпустил дополнительно наставления для рисования «цветов и узоров»[8] и «ландшафтов»[9]. Все эти руководства фактически явились первыми, написанными на русском языке. Некрасов составил их, стремясь «оказать ревность» к своему отечеству[10]. Многие другие учителя также упражнялись в составлении и переводе различных учебников и руководств. Учителем латинских классов Дмитрием Николаевичем Синьковским был издан латинский словарь И. М. Геснера «Этимологический лексикон, на российский язык переведенный» (М., 1767)[11].

Эти книги имели большое образовательное значение и оказывали немалую помощь молодым учителям. Как писал в конце 60-х годов в предисловии к «Краткой всеобщей истории» И. Фрейера ее переводчик, молодой учитель истории и географии Московского университета «солдатский сын» Харитон Андреевич Чеботарев (1746—1815 гг.), цель его перевода заключалась в том, чтобы показать, «каким образом учитель слушателям своим предлагать должен важнейшие приключения, ко всеобщей истории принадлежащие...»[12] Трудясь над этим переводом, Чеботарев внес существенные добавления к сочинению Фрейера, поскольку тот «почти совсем опустил» русскую историю. Для этого Чеботарев включил в книгу «от слова до слова» «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова[13].

■

Одновременно с педагогической литературой в типографии Московского университета в течение 60-х годов

---

[8] [М. Некрасов]. Краткое наставление к рисовальной науке для цветов и узоров. М., 1764.

[9] [М. Некрасов]. Краткое наставление к рисовальной науке для ландшафтов. М., 1766.

[10] [М. Некрасов]. Краткое наставление к рисовальной науке в пользу российского юношества. М., 1760. Предуведомление.

[11] Н. Н. Мельникова. Издания Московского университета 1756—1779 гг. М., 1955, стр. 89.

[12] Х. Чеботарев. Предисловие к кн. И. Фрейера «Краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории для употребления учащегося юношества». М., 1769.

[13] Там же.

было напечатано довольно много переводных сочинений на философские и политические темы, в том числе и французских просветителей. Однако в отличие от учебных пособий они переводились в основном представителями дворянской интеллигенции, которые учились в Московском университете и группировались вокруг видного дворянского писателя М. М. Хераскова, назначенного в 1763 г. на должность директора университета. В эти годы идеи энциклопедистов увлекли дворянские образованные круги своей новизной. Переводчики-дворяне, однако, проявляли осторожность в выборе книг или отдельных мест из них, избегая затрагивать сословные привилегии или религию. Поэтому по своему содержанию переводы дворян в большинстве случаев отличались от переводов сочинений французских просветителей, над которыми трудились представители разночинной интеллигенции. Так, небезызвестная сподвижница Екатерины II княгиня Е. Р. Дашкова в 1763 г. опубликовала в журнале «Невинное упражнение», издававшемся при Московском университете, переведенные ею выдержки из знаменитой книги Гельвеция «Об уме». Это были отдельные рассуждения о скудности, гордости, дружбе и т. д.[14] Представленные в разобщенном и порой искаженном виде, они утрачивали антифеодальную остроту сочинения. Та же настороженность в подборе произведений была характерна и в отношении Вольтера, которого дворяне довольно много переводили. В эти годы главное их внимание было уделено его трагедийному творчеству.

О том, как они отбирали темы для переводов, свидетельствуют и первые публикации статей из «Энциклопедии», предпринятые в Московском университете в 1767 г. Организатором этого литературного мероприятия был директор университета М. М. Херасков. Его ближайшими сотрудниками были: граф А. П. Шувалов, будущий президент Берг-коллегии граф А. Е. Мусин-Пушкин, маршал Комиссии для сочинения проекта нового Уложения А. И. Бибиков, сын обер-прокурора Синода молодой поэт князь Ф. А. Козловский, будущий сподвижник Н. И. Новикова по издательскому делу

---

[14] «Невинное упражнение». М., 1763, стр. 28, 61, 114, 195, 199.

в Москве князь Н. Н. Трубецкой, братья Нарышкины и др.

Ими было подготовлено и издано три тома «Переводов из Энциклопедии», содержащих 27 статей, подавляющее большинство которых имеет общеобразовательное содержание. Сюда вошли статьи «География», «Минералогия», «Этимология», «Словесность», «Этика» и т. п., а также известная статья Вольтера «История», в которой автор ставит под сомнение достоверность исторических фактов, если они основываются на церковных источниках. Тут же была опубликована статья «Волшебство», принадлежащая одному из ревностных вольтерьянцев, лозаннскому пастору Полье де Боттенсу, в которой он излагал историю суеверий и указывал пути борьбы с ними. Во второй том неожиданно вошла одна из наиболее острых политических статей «Энциклопедии» в сокращенном переводе дворянского писателя тех лет С. В. Нарышкина — «Политическая экономия» Ж.-Ж. Руссо, о которой уже говорилось.

В предисловии к первому тому «Переводов из Энциклопедии» делалось предложение и другим лицам принять участие «в толь полезном труде»[15]. Возможно, этим объясняется причастность к данному изданию и людей из другого общественного круга — профессоров Московского университета С. Г. Зыбелина и П. Д. Вениаминова, а также преподавателя Московской медико-хирургической школы П. И. Погорецкого. Ими было переведено в общей сложности восемь статей по истории медицины, семь из которых вошли в третий, последний том.

На этом издание прекратилось, хотя оно должно было продолжаться. Об этом говорят примечания к некоторым частично опубликованным статьям, где указывалось, что продолжения их будут печататься в последующих томах. Возможно, что причина, вызвавшая прекращение издания «Переводов из Энциклопедии», заключалась в сложности положения, в котором оказался Херасков. Дело в том, что весной 1768 г. он был вынужден как директор университета в особом «ордере» осудить содержание публичных выступлений

---

[15] «Переводы из Энциклопедии», ч. I. М., 1767. Предуведомление.

ряда молодых профессоров — представителей разночинной интеллигенции; в этих выступлениях он усмотрел «многие сумнительства и дерзновенные выражения»[16].

В несовместимости пропаганды буржуазной идеологии с их общественным положением отдавали себе отчет не только Херасков, но и другие представители дворянской интеллигенции. По мере нарастания крестьянского движения в России становилась все более очевидной непримиримость старой феодальной иерархии с новыми освободительными идеями. Это особенно откровенно выразил дворянский писатель И. В. Лопухин. В 60-х годах он увлекался переводами из Гольбаха, а в конце 70-х написал «Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями...», где отмечал, что французские просветители, разоблачая религиозные представления, «разум свой соделывают орудием погубления людей». «В какое несчастие поверглся бы человеческий род,— писал он,— если б удовлетворилось их пагубное желание и если б могли подействовать... книги их». Тогда «общие всех питатели земледельцы» лишились бы веры «в бессмертную жизнь», в «сие пресладкое чувствование, [которое] усугубляет усердие к благу и возвеличивает их человеколюбивые дела»[17], т. е. способствует безропотному выполнению подневольного труда.

■

Несомненно, важное значение в развитии политической мысли среди воспитанников Московского университета имели основные произведения Руссо, выпущенные в свет на русском языке в конце 60-х годов университетской типографией. Их переводчиком был Павел Сергеевич Потемкин, получивший образование, по-видимому, в Московском университете в первые годы его существования[18]. Он происходил из небогатой

---

[16] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. III, стр. 138.

[17] [И. В. Лопухин]. Рассуждение о злоупотреблении разума некоторыми новыми писателями и опровержение их вредных правил, сочиненное россиянином. М., 1780, стр. 5—7.

[18] «Русский биографический словарь». Том: Плавильщиков — Примо. СПб., 1905, стр. 673.

дворянской семьи, положение которой, однако, резко изменилось в 70-х годах в связи с головокружительной карьерой одного из ее членов, Григория Потемкина, впоследствии князя Таврического. Благодаря его протекции Павел Потемкин в 70-х годах начинает играть видную роль в царской администрации. Он был поставлен во главе государственной комиссии по расследованию «о прямых причинах и междоусобицах» крестьянской войны и далеко ушел от своих начальных литературных увлечений. Несколько позже он со страхом отвернулся от сочинений Руссо, которые раньше переводил, обнаружив в них мысли, призывавшие «народы к своевольству»[19].

Тем не менее русские читатели обязаны Павлу Потемкину появлением в свет на русском языке важнейших произведений Руссо: в 1768 г. вышло «Рассуждение о науках и искусствах», в 1769 г.— «Новая Элоиза», в 1770 г.— «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей». В предисловии к первому из этих переводов Потемкин сообщал о своем намерении «выпустить в свет на российском языке некоторые сочинения славного нынешнего писателя г. Руссо»[20]. Причину, побудившую его взять на себя такой труд, он пояснял в предисловии к «Новой Элоизе» как стремление «услужить обществу» переводом таких книг, «которые давно уже иметь на российском языке желают»[21].

Как известно, Руссо в своем творчестве выражал чаяния крестьян и ремесленников, и его критика социальных порядков была глубже и резче, чем у других просветителей-идеологов поднимавшейся буржуазии. Уравнительные и республиканские взгляды Руссо обособляли его от остальных энциклопедистов; он шел значительно дальше их, отрицая правомерность не

[19] «Московский вестник», 1809, ч. 1, стр. 89.

[20] П. С. Потемкин. Предисловие к кн. Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение, удостоенное награждения от Академии Дижонской в 1750 г., на вопрос, предложенный сею Академиею, что восстановление наук и художеств способствовало ли ко исправлению нравов?» М., 1768.

[21] П. С. Потемкин. Предисловие к кн. Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза, или письма двух любовников, живущих в одном маленьком городке в низу Альпийских гор, собранные и обработанные Ж.-Ж. Руссо». М., 1769.

только феодальной эксплуатации. Из переводов Потемкина наиболее злободневным для русского читателя, интересовавшегося социально-политическими вопросами, несомненно, было «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми». Это произведение с большой полнотой передавало общественные взгляды Руссо; оно было проникнуто критикой феодальных порядков и ненавистью к угнетателям. Ряд мест из него был удивительно созвучен с русской действительностью тех лет, когда непрерывно усугублялся гнет крепостничества и расширялись дворянские привилегии.

В своем сочинении Руссо поднимает вопрос о законопреступности такого договора, «который обязывал бы только одну из двух сторон, в котором бы положено было все на одну сторону и ничего на другую»[22]. Это произвол, говорит он, прикрытый ложью, где все подчиняется «единому закону сильнейшего», и такая власть «по своей естественности незаконна», не может служить «основанием правам общества и, следовательно, и неравенству установленному»[23]. Излагая далее основы своей договорной теории происхождения государственной власти, Руссо поднимается до признания правомерности народного восстания — акта, столь же допустимого, как и действия властелина, который «накануне того делал определения жизни и имения подданных своих». И в том, и в другом случае «никто не может жаловаться на несправедливость другого»[24]. Эти мысли перекликались с выводами, к которым пришел Я. Козельский в «Философических предложениях», и с заключениями некоторых статей из «Энциклопедии», переведенных И. Туманским.

С этими мыслями русские читатели знакомились в дни нараставшей классовой борьбы в деревне и городе, когда тысячи крестьян выходили из повиновения своим помещикам, жгли их усадьбы и расправлялись с угнетателями, когда в Москве назревали антифеодальные настроения, вылившиеся в 1771 г. в открытое народное

---

[22] Ж.-Ж. Руссо. Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми. Перевел Павел Потемкин. М., 1770, стр. 92—93.
[23] Там же, стр. 96.
[24] Там же, стр. 109.

движение. К этим мыслям не раз возвращались те, кто задумывался о причинах крестьянской войны 1773—1775 гг.

■

Важным событием в жизни Московского университета было возвращение из заграничных поездок его стипендиатов, обогащенных знаниями и новыми мыслями. Как явствует из «состава чинов Московского университета», в конце 60-х годов из 14 числившихся в нем профессоров 7 уже были русскими. Кроме Антона Барсова, все они являлись воспитанниками Московского университета. Многие заканчивали образование за границей. В 1765 г. после получения докторских степеней в Лейденском университете вернулись в Москву Семен Зыбелин и Петр Вениаминов. Оба они стали преподавать на медицинском факультете. В 1767 г., получив дипломы докторов юридических наук в Глазговском университете, вернулись в Москву Семен Десницкий и Иван Третьяков. Они стали читать лекции на юридическом факультете. В 1769 г. из Упсальского университета вернулся Матвей Афонин. Там он защитил докторскую диссертацию и специализировался в области почвоведения и агрономии. В Московском университете он начал читать естествознание и земледелие. Наконец, был еще Дмитрий Аничков. В отличие от других он завершил образование в Московском университете и с 1765 г. читал философию.

Вся эта замечательная когорта молодых ученых, полных творческих замыслов, сыграла немаловажную роль в развитии русской научной и общественной мысли. Они развернули большую преподавательскую и просветительскую деятельность, выступая с лекциями перед студентами и на публичных собраниях. Характерным для их лекций и «слов» являлись смелые и широкие обобщения актуальных вопросов философии, естествознания, права. В них они развивали свои научные концепции, основанные на материалистическом понимании законов природы. Этим они были обязаны прежде всего М. В. Ломоносову. Вслед за ним они боролись за торжество разума, за экспериментальный метод в науке и разоблачали невежество в различных его проявлениях.

Одним из таких замечательных ученых и просветителей был Семен Ефимович Десницкий (ум. 1787 г.). Выдающийся правовед и социолог, он отдал много сил делу распространения юридических знаний. «Польза сия просвещения и воспитания,— говорил он,— есть, в истину, толь великая и важная, без которой все прочие выгоды государства твердого и действительного не приносят удовольствия»[25]. Поэтому вся научная и общественная деятельность Десницкого, проходившая в стенах университета, была тесно связана с пропагандой юридических знаний. В науке, по его словам, «россияне наибольше всех европейских народов весьма примечаются недостаточествующими»[26]. Он толковал о пользе изучения римского права и особенно об изучении российских законов, «хотя [бы] в едином том понятии, по которому свобода и собственность каждого в обществе соблюдаются»[27]. Важность ознакомления с этими узаконениями он видел в том, что «не знающий закона не может знать ниже прямого употребления своея собственности и свободы», что такой человек, «как оные защищать», и понятия не имеет[28]. Отсюда Десницкий делал заключение о необходимости для своих соотечественников «всякого состояния» изучать юриспруденцию, быть осведомленным в российских законах. Людям, не принадлежавшим к привилегированному классу, эти знания помогут лучше определить и выразить свои экономические и политические требования, в частности, в отношении «собственности и свободы». Дворянину же они нужны для назидания, поскольку «он в деревне своей сделан не только властелином, но судьею и ответчиком... за поступки даже и крестьян своих»[29].

Десницкий был типичным представителем складывавшейся разночинной интеллигенции. Он родился в

---

[25] С. Е. Десницкий. Слово..., говоренное в чрезвычайном Московского университета собрании, ноября 28 дня 1775 г.— «Речи, произнесенные в торжественных собраниях Московского университета русскими профессорами оного» (далее — «Речи...»), ч. IV. М., 1823, стр. 335.

[26] С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства... апреля 22 дня 1778 г. Там же, стр. 341.

[27] Там же, стр. 345.

[28] Там же.

[29] Там же, стр. 347.

Нежине на Украине в семье мещанина. Начальное образование он получил в Троицкой семинарии, откуда в 1759 г. был определен на философский факультет Московского университета. Полутора годами позже в числе лучших студентов он был направлен в Шотландию в Глазговский университет. Там он прослушал курс лекций прославленного английского ученого Адама Смита, которого называл «благоразумным сочинителем новой нравоучительной философии»[30]. Несколько лет спустя Десницкий переводил его сочинения, но переводы эти по неизвестным причинам не увидели света[31]. Вернувшись в Россию в 1767 г., Десницкий был допущен к чтению лекций по «римскому праву применительно к русским законам». В 1768 г. он удостоился звания экстраординарного профессора и фактически стал зачинателем истории русского права, которую читал на русском языке. Его взгляды на этот предмет отличались новизной и оригинальностью. Возникновение законов, например, он относил прежде всего к появлению земельной собственности, а дальнейшее их развитие связывал со сменой форм собственности. Это положение занимает центральное место в его взглядах на общество. В смене форм собственности он видел общий процесс развития, свойственный всем народам. «Народные обыкновения везде бывают сходны,— писал он,— когда самые народы находятся в подобном между собой невежественном и варварском состоянии». При этом он проводил смелые параллели между историей древней Греции и историей народов Севера и Востока России, используя известные работы С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», Г.-Ф. Миллера «Описание Сибирского царства» и др.[32]

Благодаря эрудиции и таланту Десницкий быстро завоевал себе известность. Новизна его мыслей и новая постановка вопросов привлекли к нему внимание студентов. Он был рационалистом и верил в созидательные

[30] С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. Июня 30 дня 1768 г.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I. М., 1952, стр. 216.

[31] «Речи...», т. IV, стр. 279.

[32] С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции...— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 196.

силы людей. «Труд человеческий и разум,— говорил он,— чего на свете не превозмогают!»[33] По мнению С. А. Покровского, он был «сторонником буржуазного государства, где не было бы, однако, непомерного различия в состояниях и господства немногих богачей»[34]. Он, как и многие другие представители разночинной интеллигенции, ратует за благополучие и довольство людей, призывает имущих идти навстречу неимущим и предупреждает о возможной активности последних.

В отличие от большинства французских просветителей XVIII в. Десницкий, как и Поленов, не придерживается теории «общественного договора», согласно которой люди добровольно уступили власть над собой избранному лицу на определенных условиях. Он связывает возникновение власти с насилием, вытекающим из неравенства состояний. «Превосходное богатство,— говорит он,— есть первый источник всех достоинств, чинов и преимущества над другими»[35]. Пройденный путь человечества он делит на основные этапы: охотничий, пастушеский, хлебопашеский и, наконец, «коммерческий»[36], являющийся буржуазной ступенью в развитии общества. Десницкий приветствовал этот новый этап в жизни человечества, еще не наступивший в России. Он называет его «самым высочайшим состоянием», когда «великое рода человеческого делается преображение в житии, нравах и правительствах»[37], хотя и с

[33] С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими. Июня 30 дня 1775 г.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 258.

[34] С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955, стр. 83.

[35] С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции...— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 217.

[36] С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежительства. Апреля 21 дня 1781 г.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 270.

[37] С. Е. Десницкий. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов...— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 263.

удивительной прозорливостью предостерегает от того, чего не увидели многие буржуазные мыслители. В одном из примечаний к переведенной им книге английского ученого У. Блэкстона «Истолкование английских законов» он писал, что «знак не токмо дурной, но и весьма опасной коммерции, когда оная вся перевалится в руки немногих богачей...»[38]

Как и большинство передовых и мыслящих русских людей того времени, Десницкий неизбежно переносил на русскую действительность свои преобразовательные взгляды. В 1768 г., когда сначала в Москве, а потом в Петербурге заседала Комиссия для сочинения проекта нового Уложения, он счел своим гражданским долгом подготовить и свой проект, в котором отразились его воззрения на ряд важнейших вопросов русской действительности. В частности, он выражает мнение, что народы по мере их зрелости «тем больше от часу законов требуют» для регламентации прав «всех владельцев, всех обывателей и всех их имений». Иначе, говорит он, «наглость, посягательство, отягощение и утеснение везде будет попущаться без наказания»[39]. В связи с этим он предлагает превратить правительствующий Сенат в род консультативной палаты, где, кроме дворян, были бы выбранные «из купеческих и художественных (ремесленных.— *М. Ш.*) людей и, наконец, из духовных и училищных мест, так, чтоб всякая губерния, провинция и корпусы имели своего в законодательной власти представителя, заступника и ходатая»[40].

Что касается крестьянского вопроса, живо волновавшего передовых людей того времени, то Десницкий проявлял в нем умеренность. Он констатировал, что одна часть крестьянства — однодворцы и государственные крестьяне — «пользуется правами и преимуществами, состоянию его приличествующими». Зато другая часть — помещичьи и дворцовые крестьяне — «насупротив того всех выгод лишена и потому не имеет ни малейшей

---

[38] У. Блэкстон. Истолкования английских законов, кн. 2. М., 1781, стр. 137.

[39] С. Е. Десницкий. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи. Февраля 1768 г.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 295.

[40] Там же, стр. 296.

собственности»[41]. Десницкий сокрушается над участью крепостных крестьян и предлагает предпринять «нечто в пользу сих жителей, всяких выгод лишенных, и прекратить некоторые злоупотребления, вредные для государства и для них пагубные». В частности, он, протестует против бесчеловечной торговли крестьянами в розницу без земли и против их превращения в дворовых слуг. Однако тут же Десницкий выражает озабоченность, как бы предоставление им прав и преимуществ не повлекло за собой возможного «нарушения спокойствия государства»[42]. Эта точка зрения в крестьянском вопросе была характерна для тех представителей разночинной интеллигенции, кто отражал настроения поднимавшейся русской буржуазии, хотя объективно все они были противниками беззакония крепостнической системы.

Другом и сподвижником Десницкого был Иван Андреевич Третьяков (1735—1776 гг.). Бок о бок с ним он прошел чуть ли не весь свой жизненный путь. Как и Десницкий, он вышел из неимущей среды: его отец был военнослужащим в Твери. Начальное и среднее образование Третьяков получил в Троицкой семинарии, после чего был принят в Московский университет, где одно время был корректором типографии[43]. В 1761 г. вместе с Десницким он был включен в число наиболее успевающих студентов для продолжения образования за границей. Вместе с ним в Петербурге он, по-видимому, занимался некоторое время у М. В. Ломоносова[44], а позже был послан в Глазго, где также слушал лекции Адама Смита. В 1767 г. Третьяков вместе с Десницким вернулся в Москву, а в 1768 г. был назначен экстраординарным профессором юридического факультета и читал историю римского права.

Как и все другие участники просветительского движения в России, Третьяков глубоко верил в общественно-политическую преобразовательную силу науки и видел в распространении знаний грядущее обновление

---

[41] С. Е. Десницкий. Представление о учреждении...— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 318.

[42] Там же, стр. 319.

[43] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. I, стр. 376—377.

[44] М. Т. Белявский. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955, стр. 234.

общества. «Успехи самих наук,— говорил он,— великие перемены производят в человеческом состоянии»[45]. С присущей людям эпохи Просвещения нетерпимостью он относился к проявлениям невежества и суеверия. Суровое осуждение вызывают у него схоластические методы церковного образования, которые извращают истину, «по своему вкусу доказывая, что оная [наука] с небес ниспослана была и что оной училась и богоматерь»[46]. Он поражен тем, как в средние века монахам удавалось одурманивать человеческие головы. «Истинно удивления достойно,— говорил он,— что Цицерон и Демосфен с неподражаемым красноречием не могли столько слушателей в свою сторону склонить, сколько гугнивый и косноязычный капуцин с безосновательным учением в своих школах успел»[47]. Объяснение этому он дает, пожалуй, в самом названии одной темы, предложенной им в 1768 г. университету: «Невежество, страх и удивление — вот причины всякого суеверия»[48].

Наряду с Десницким, Третьяков уделяет внимание политической экономии, которую он изучает в свете идей эпохи Просвещения. Он тоже видит причину возникновения власти в неравенстве состояний, которое происходит из общественного разделения труда и последующего развития обмена. «По разделению трудов,— говорит он,— натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как то: на хозяев и работников»[49]. Как и Десницкий, он близок к учению Адама Смита. Ему тоже представляется очевидным, что сокровище государства «не состоит в злате и серебре; деньги к изобилию целого государства пропорции не имеют»[50].

---

[45] И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях. Апреля 22 дня 1768 г.— «Ибранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 338.

[46] Там же, стр. 351.

[47] Там же.

[48] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. III, стр. 135.

[49] И. А. Третьяков. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе...— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 337.

[50] И. А. Третьяков. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов. Июня 30 дня 1772 г.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 355.

Источником материального богатства он считает труд. Он тоже искренне верит, что «счастливое» развитие ремесла и обращения приведет к благосостоянию народному, к «дешевизне и довольству, кои между собою друг от друга ничем не разнствуют»[51].

Однако в некоторых других вопросах он существенно отходит от учения Смита. В частности, Смит, мыслитель периода промышленного переворота в Англии, фактически сводит на нет роль государства в экономической жизни страны. Третьяков же, живший в условиях, когда русская промышленность нуждалась еще в поддержке государства, наоборот, указывает на значение государства в развитии народного хозяйства[52]. Вместе с тем Третьяков, так же как и Десницкий, проявляет некоторую сдержанность в отношении перспектив созревавшего буржуазного общества. В отличие от Смита, видевшего в нем порядок, как бы установленный самой природой, Третьяков сомневается в совершенстве этого порядка. «Некоторые испытатели натуры и великие умы,— пишет он, возможно, намекая и на Смита,— принимались исследовать, какое точно правление споспешествует народному благополучию и какие суть действительнейшие средства ко утверждению спокойства и общего благополучия в обществе. Однако из всех таких опытов и наблюдений то только нам известно, что наслаждающиеся области одними выгодами недостаток претерпевали в других». И причины к тому имеются многие, «из которых сколько каждая преуспевает пред другими, за подлинно и узнать почти неможно»[53].

В какой-то мере единомышленником молодых русских ученых, вернувшихся из Глазго, был и сын подьячего Дмитрий Сергеевич Аничков (1733—1788 гг.). В отличие от них он получил высшее образование только в Московском университете. За особые успехи в учении, проявленные им в Троицкой семинарии, в возрасте 17 лет он был исключен из подушного оклада[54]. В Московский университет Аничков поступил в год его открытия

---

[51] И. А. Третьяков. Рассуждение о причинах...— стр. 353.
[52] Там же, стр. 358—359.
[53] И. А. Третьяков. Слово о римском правлении и о разных оного переменах. Июня 30 дня 1769 г. М., [б. г.], стр. 4.
[54] Н. А. Пенчко. Основание Московского университета. М., 1953, стр. 131.

(1755 г.), а с 1760 г. преподавал математику в университетской гимназии. Учащиеся были обязаны ему составленным им учебником по теоретической и практической арифметике[55] «в пользу и употребление юношества», в котором он уделил особое внимание разработке русской математической терминологии. В последующие два года Аничковым был переведен с латинского языка ряд других, нужных тогда учебников по алгебре[56], геометрии[57], тригонометрии[58] и фортификации[59]. Некоторые из этих учебников неоднократно переиздавались.

В 1762 г. Аничков получил звание магистра философии, а с 1765 г. он начал ее преподавать в университете. Имя его стало особенно известным в связи с опубликованием в 1769 г. его диссертации «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания». Как пишет историк атеистической мысли в России Ю. Я. Коган, главным в диссертации Аничкова было «показать, что представление о божестве не есть нечто врожденное, изначально свойственное человеку и что возникновению веры в верховного бога-творца предшествовали иные формы религиозных верований», и этим «нанести чувствительный удар по теологии, пробить брешь в самом фундаменте религиозного мировоззрения»[60]. Все это было прекрасно понято современниками и не замедлило вызвать резкий протест со стороны реакционно настроенных кругов университета. На специальном заседании университетской конференции, созванном по этому случаю в августе 1769 г., 7 из 11 присутствовавших профессоров заявили, что «они не могут поддержать мнений, которые рассеяны

---

[55] [Д. С. Аничков]. Теоретическая и практическая арифметика в пользу и употребление юношества, собранная из разных авторов магистром Дмитрием Аничковым. М., 1764.

[56] И. Ф. Вейдлер. Аналитика специоза или Алгебра, переведена с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. М., 1765.

[57] И. Ф. Вейдлер. Геометрия теоретическая и практическая, переведена с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. М., 1765.

[58] И. Ф. Вейдлер. Плоская тригонометрия, переведена с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. М., 1765.

[59] И. Ф. Вейдлер. Военная архитектура или фортификация, переведена с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. М., 1766.

[60] Ю. Я. Коган. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., 1962, стр. 273.

повсюду» в книге Аничкова, и что «они здесь торжественно против этих мнений протестуют»[61]. При этом разгорячившийся профессор истории мракобес Рейхель обвинил Аничкова в его приверженности к идеям провозвестника научного материализма Лукреция, которого именовал «свиньей из стада Эпикурова»[62]. Четыре русских профессора — Вениаминов, Десницкий, Зыбелин и Третьяков — не присоединились к мнению большинства и фактически негласно поддержали диссертанта. В итоге Аничкову было предложено подготовить новое, переработанное издание его работы, которое тогда же и вышло в свет под названием «Философическое рассуждение о начале и происшествии богопочитания у разных, а особливо невежественных народов» (М., 1769). Однако, как замечает М. Т. Белявский, изменение в названии диссертации Аничкова не повлекло за собой никаких существенных изменений в ее содержании[63]. Автор не захотел отойти от изложенных им положений. В то же время церковники настрочили на него донос в Синод. Книга Аничкова была изъята и, вероятно, сожжена на Лобном месте в Москве. Дело об обвинении в безбожии самого Аничкова тянулось много лет и было прекращено лишь незадолго до смерти ученого.

Диссертация Аничкова написана в свете современных ему материалистических идей с привлечением исторических и этнографических фактов; она посвящена одной из злободневных проблем свободомыслия эпохи Просвещения: о земном, естественном происхождении религии. В своих кратких «Положениях», приложенных к диссертации, он говорит, что «все приписываемые богу совершенства происходят от человеческих мыслей, и потому оные не сообразны его существу и не могут быть доказательными его совершенств»[64]. Аничков выводит три основные причины возникновения религиозных представлений: чувство страха перед различными, непонят-

---

[61] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. III, стр. 219—220.

[62] С. Шевырев. История Московского университета. М., 1855, стр. 142.

[63] М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 218.

[64] Д. С. Аничков. Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания. Августа.... дня 1769 г.— «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, стр. 132.

ными людям явлениями природы; чувство возбужденного воображения, склонного к преувеличению и измышлениям; чувство удивления и преклонения перед умственным и физическим превосходством героев. «Кратко сказать,— говорит Аничков,— для невежд всякая необыкновенная вещь кажется божественною»[65].

Таким образом, религия своим распространением прежде всего обязана невежеству людей, а затем и сознательному их обману церковнослужителями в корыстных целях. С глубоким возмущением Аничков говорит о плутовстве, надувательстве и преступлениях различных жрецов и «пастырей христова стада», простирающих «алчные руки к ненасытному сребролюбию» и делающих «самую веру завесою мнений своих ложных»[66]. Оглядываясь на пройденный путь, Аничков не может не констатировать: «сколь великое в том неблагополучие рода человеческого, что те самые, которые назывались проповедниками повелений небесных, толкователями божества..., неоднократно доказывали себя... вредными обществу...»[67] Он вспоминает злодеяния, совершенные папской инквизицией, ужасы Варфоломеевской ночи и т. п. Некоторые из приводимых Аничковым примеров лжи и обмана церковников были особенно близки и понятны русским людям, в частности, когда он говорил, что «для обмана простых людей и для скверной прибыли» церковнослужители придумали «образ плачущий водою сквозь потаенные скважины»[68]. Ведь это была повседневная быль, происходившая у Кремлевской стены в Москве в нескольких шагах от университета.

Работа Аничкова была построена на противопоставлении суеверию научных знаний, невежеству — разума. С одной стороны, невежда, страшащийся всего: и «облака безводного и восходящей тучи», с другой — просвещенный человек, стремящийся познать стихийные явления природы, не боящийся «смертоносной молнии» и презирающий «колеблющий звуком небеса и землю гром»[69]. Здесь Аничков имеет в виду опыты с молнией Ломоносова и Рихмана во время изучения ими явления

---

[65] Там же, стр. 130.
[66] Там же, стр. 132.
[67] Там же, стр. 114.
[68] Там же, стр. 129.
[69] Там же, стр. 112.

атмосферного электричества, стоившие жизни последнему в 1753 г. В своей аргументации Аничков многократно обращается к авторам античности и прежде всего к философской поэме Лукреция «О природе вещей». Он цитирует перевод Поповского поэмы Попа «О человеке» и широко использует научное и литературное наследство Ломоносова. Как замечает М. Т. Белявский, «именно естественно-научный материализм Ломоносова был той базой, на которой Аничков основывал атеистическое решение вопроса о происхождении религии»[70]. Многие из его суждений и приводимых им примеров заимствованы из таких произведений великого ученого, как «Письма о пользе стекла», «Явления Венеры на солнце», «Гимн бороде» и др. В ряде мест своей диссертации Аничков близок Десницкому. В основу всей своей работы он положил тезисы, которые Третьяков представил на утверждение конференции еще весной 1768 г.: «невежество, страх и удивление,— вот причины всякого суеверия»[71].

Все это свидетельствует о том, что мысли, вложенные Аничковым в его диссертацию, в той или иной мере были близки и понятны чуть ли не всему кругу русских передовых людей, преподавателей Московского университета, учеников и последователей Ломоносова. Этим и объясняется тот примечательный факт, что четыре молодых профессора — Вениаминов, Десницкий, Зыбелин и Третьяков — воздержались от осуждения диссертации Аничкова. Один из них — Зыбелин — выдающийся медик, занимавшийся и социальными вопросами,— высказал тогда мысль, что «робость в отношении своих мнений свободности наук неприлична» и, наоборот, «смелость, разумом и искусством сопровождаемая, честь и похвалу заслуживает»[72].

■

Нет сомнения, что все эти мысли и воззрения молодых русских ученых в значительной мере становились достоянием и учащейся молодежи. Они открывали пе-

---

[70] М. Т. Белявский. Указ. соч., стр. 224.

[71] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. III, стр. 135.

[72] С. Г. Зыбелин. Слово о причине внутреннего союза частей между собою и о происходящей из того крепости в теле человеческом.— «Речи...», т. IV, стр. 87.

ред ней мир новых идей, которые вели ее к критическому пересмотру прежних понятий, представлений и взглядов. Покидая стены университета, некоторые из студентов становились толкователями нового миросозерцания, норм новой морали.

Число их, по-видимому, не было уже столь малым. Так, в 1775 г. в связи с запросом из Сената относительно штатов в университете его куратор И. И. Мелиссино докладывал, что общее число университетских воспитанников, находившихся на казенном содержании, составляло 30 студентов и 100 учеников обеих гимназий, дворянской и разночинной, «кои сами себя содержать не в состоянии и поэтому пансионерами называются»[73].

Однако, как далее пояснялось в этом документе, указанное число учащихся отнюдь не исчерпывалось числом университетских питомцев, находившихся на казенном содержании, «ибо университет не для 130 пансионеров, но для всего в государстве находящегося юношества, как для дворян, так и для разночинцев, сим училищем пользоваться желающим, учрежден. Почему и от самого времени его основания по днесь ежегодно несколько сот учащихся, а иногда и более тысячи человек в нем находилось»[74]. Однако большинство приходящих учащихся, по-видимому, дальше среднего образования не шло. Так, по имеющимся сведениям на 1776 г., из 48 студентов, зачисленных в университет, только 13 были приходящими, но зато в обеих гимназиях их число доходило до 366 человек[75]. Некоторая текучесть была свойственна учащимся дворянам, часто видевшим в университетской гимназии трамплин для служебной карьеры. С большей усидчивостью занимались выходцы из непривилегированной части населения, чаще всего тянувшиеся к наукам по призванию. Многие из них становились сторонниками просветительского движения, а некоторые — и активными его участниками.

К сожалению, имена большей части воспитанников университета из числа «своекоштных» разночинцев вообще остались неизвестными. В лучшем случае, это одни фамилии, без биографических данных. Поэтому особенно интересна автобиография одного из таких студентов,

[73] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 5565, л. 415.
[74] Там же.
[75] Там же, стр. 417.

написанная в связи с приключившейся с ним бедой. Этот документ сохранился в делах Тайной экспедиции и был опубликован К. В. Сивковым. Речь идет об ученике профессора С. Е. Десницкого Николае Смирнове, крепостном князей Голицыных. Его отец пользовался особым доверием своих владельцев, управлял их вотчинами и, по-видимому, располагал свободными деньгами. Он сумел обеспечить своему сыну хорошее для того времени домашнее обучение с помощью приходящих университетских учителей, преподававших ему «российскую грамматику и правописание..., начальные основания французского и итальянского языков» и другие предметы. Десницкий бывал у него в доме и занимался с ним английским языком, к которому, как пишет Смирнов, он имел склонность[76].

Проявив незаурядные способности и горячее стремление к знаниям, Смирнов поступил в Московский университет, «куда ходил приватно, по дозволению г. директора, ибо формально записан быть не мог, не имея от господ своих увольнения». В университете он совершенствовался в знании французского и итальянского языков и обучался «российскому красноречию, английскому языку, истории, географии, мифологии, иконологии и начальным основаниям физики и химии»[77]. Однако по мере дальнейшего расширения и углубления знаний его бесправное положение все больше становилось для него невыносимым. «Унижающее имя холопа,— говорит он,— представляло мне рабство тяжелою цепью, меня угнетающею»[78]. Просьба о даровании вольности, с которой он обратился к своим владельцам, была отклонена, и в юной свободолюбивой голове возник план побега за рубеж. Там он мечтал продолжить свои занятия в «котором-либо университете или академии»[79] на легальном положении, после чего испросить вольную и вернуться на родину. Казалось, все было готово к осуществлению этой мечты: имелись деньги, была приобретена подорожная на имя итальянского торговца, но досадная случайность помешала привести в исполнение намеченный план. Смирнов был схвачен царскими властями

[76] «Исторический архив», т. V. М.— Л., 1950, стр. 290.
[77] Там же, стр. 290.
[78] Там же, стр. 291.
[79] Там же, стр. 292.

и осужден на каторжные работы, но после пересмотра дела в высшей инстанции приговор был заменен отдачей его в «состоящие в Тобольске воинские команды солдатом» [80].

Случай со Смирновым, по-видимому, не являлся исключением. Положение многих университетских слушателей было крайне тяжелым. Противоречия между обретенными знаниями и общественным положением были чрезвычайно острыми и доводили многих до отчаяния.

Большинство из этих людей умственного труда уносило с собой из стен университета не только знания, но и надежду, что рост просвещения приведет к общественно-политическим преобразованиям. Поэтому многие из них, кроме своих повседневных занятий, уделяли немало времени литературным трудам, предназначенным для распространения образования. Одни составляли научные пособия, другие переводили иностранные книги, отчасти философского и политического содержания. По-видимому, часть этих работ обращалась в рукописях без указания автора и переводчика, другие печатались в различных типографиях Москвы и Петербурга.

Так, студент юридического факультета, окончивший университет в 1770 г., сын сельского священника Алексей Артемьевич Артемьев (р. 1748 г.) был составителем первого учебника по русскому праву. В 1777 г. он выпустил в Московском университете «Краткое начертание римских и российских прав...» (М., 1777), по которому училось целое поколение молодежи. Другой студент из приказных, Василий Петрович Иванов, перевел с немецкого учебник Л.-А. Баумана «Краткое начертание географии» (М., 1775). Особо следует отметить участие воспитанников Московского университета в переводе учебных пособий по горному делу. По-видимому, это было вызвано тем значением, которое приобретала в русском хозяйстве металлургия, а также открытием в 1773 г. Горного училища. Некоторые воспитанники Московского университета из разночинцев были направлены туда в качестве студентов и учителей [81]. Многие из них активно включились в переводческую деятельность. Разночинец

[80] Там же, стр. 289.

[81] Д. Соколов. Историческое и статистическое описание Горного кадетского корпуса. СПб., 1830, стр. 7—8.

Василий Беспалов выпустил «Сочинение о драгоценных камнях» У.-Ф.-Б. Брикман (СПб., 1779), Петр Волков — «Введение в горное познание земного шара» А. Цеплихеля (СПб., 1780). Быструю карьеру по Горному ведомству сделал воспитанник университета «солдатский сын» Алексей Никитич Гладков. Определившись из университета в Уложенную комиссию в 1767 г., он вскоре перешел в Берг-коллегию, а в 1776 г. руководил работами в Пермском горном золотом руднике[82]. В его переводе вышло «Руководство к химическому рудословию» И.-Ф. Генкеля (СПб., 1775). Не меньших успехов на служебном поприще в Берг-коллегии добился и университетский воспитанник из разночинцев Никита Романович Рожешников. Он перевел и опубликовал «Сочинение о турфе» С. Абильгора (СПб., 1776). Это была первая появившаяся на русском языке работа о торфе[83].

Интерес, проявленный к трудам по естествознанию, неизбежно переплетался с интересом к новому рационалистическому методу познания. Материалистическое понимание законов природы, новые философские концепции разрушали средневековые взгляды на природу и общество. Однако переводы из этой области знаний встречаются реже: по-видимому, политическая напряженность 70-х годов в России, вызванная остротой классовой борьбы, служила тому помехой. Тем не менее некоторые из трудов философов-материалистов, например английского мыслителя XVII в. Томаса Гоббса, переводились питомцами Московского университета. В своей известной работе «О гражданине» Гоббс решал проблему государства и права не с теологических позиций, а исходя из «естественного закона». В этом произведении ставился злободневный для того времени вопрос о праве граждан на свержение верховной власти, если таковая не соблюдает «общественного договора». Поскольку, говорит он, «все договоры, как действия силу свою от произволения людей получившие, могут, по согласию тех же особ оную потерять и совсем уничтожить»[84]. Книга

---

[82] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. III, стр. 452.

[83] «Русский биографический словарь». Том: Рейтерн — Рольцберг. СПб., 1913, стр. 335.

[84] [Т. Гоббс]. «Фомы Гоббезия начальные основания философические о гражданине, переведенные с латинского». СПб.— М., 1776, стр. 81.

Гоббса состояла из частей: о вольности, о государстве, о религии. В русский перевод вошли только первые две части, а третья, в которой автор обрушивается с резкой критикой на духовенство, была опущена, по-видимому, из-за цензурных соображений.

Переводчик книги Гоббса, бывший студент Московского университета Семен Никифорович Веницеев (р. 1748 г.), как и большинство других переводчиков, происходил из небогатой семьи: его отец был офицером полевых полков и не владел ни недвижимым имуществом, ни крестьянами[85]. В университетскую гимназию Веницеев поступил еще в 1756 г., в 1762 г. был произведен в студенты, а в 1767 г. в числе других университетских воспитанников определен в Уложенную комиссию[86]. По свидетельству Н. И. Новикова, Веницеев писал стихи, которые, однако, не печатались[87]. В предисловии к книге Гоббса он говорит о непревзойденности дара природы, «столь превосходного, столь неоцененного, как человеческий разум»[88]. С помощью разума, утверждает он, человек озирает «все пространство земного шара..., возлетает он мысленными крылами в эфир..., проникает самое сердце земли и исторгает из нее сокрытые от чувственного взора богатства»[89]. Но на пути разума стоит препятствие — невежество, которое влечет человека назад, к необузданности, к первобытному состоянию, когда он становится «творением, беспрестанному страху подверженным»[90]. Тогда, говорит Веницеев, «он предпочитает мечтательное благо истинному»[91], т. е. религию материалистическому мышлению. Намекая здесь на различные религиозные суеверия, он противопоставляет им рационалистический метод познания. «Сие зло (суеверие.— *М. Ш.*), в человеческие сердца вогнездившееся, уврачевать невозможно, ежели юноши благоразумно воспитанны и полезными науками напоены

---

[85] ЦГАДА, ф. Уложенной комиссии, оп. 1, № 137.

[86] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. I, стр. 341.

[87] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 29.

[88] С. Н. Веницеев. Предуведомление к кн. «Фомы Гоббезия начальные основания философические о гражданине...»

[89] Там же.

[90] Там же.

[91] Там же.

не будут. А как между всеми науками, к образованию человеческого ума служащими,— указывает он далее,— верховнейшею признать должно ту, которая о должностях человеку и гражданину свойственных рассуждает», то он и перевел «Основания философические о гражданине» Гоббса [92].

В краткой биографии Гоббса, которую Веницеев предпослал своему переводу, он останавливается на некоторых особенностях мировоззрения английского философа, сложившегося под непосредственным воздействием английской революции. Поясняя приверженность Гоббса к монархическому строю и его вражду к «шотландцам, склонным к демократическому правлению», Веницеев говорит о «славнейших книгах» Гоббса: трактате «О гражданине», переведенном им на русский язык, и «Левиафане» — сочинении, во многом повторяющем политические и философские мысли автора, изложенные в названном трактате. В этих книгах Гоббс разрушал феодальные представления о божественном происхождении верховной власти и переносил вопрос в область «естественного закона», который буржуазные мыслители противопоставляли старым схоластическим догматам. Этим путем, замечает Веницеев, Гоббс «уверял себя, что он, рассевая для укрепления власти королевской новые начала, воспрепятствует размножаться бунту и пресечет раздоры возмущения...» [93] Эти две работы английского мыслителя были проникнуты духом примирения с итогами буржуазной революции и послужили укреплению в умах современников новых политических и философских воззрений.

Касаясь всех этих вопросов, Веницеев останавливается также и на отношении Гоббса к религии, в которой, как известно, английский философ видел проявление невежества и страха. Веницеев говорит об отрицательном отношении Гоббса к церкви и духовенству, о том, что он ставил под сомнение «откровение» и придерживался взглядов, «противных тому, которые тогда все принимали», за что «получил гнев и негодование от епископов английских» [94]. Тут же Веницеев отмечает идейную бли-

---

[92] С. Н. Веницеев. Предуведомление к кн. «Фомы Гоббезия начальные основания философические о гражданине...»

[93] Там же.

[94] Там же.

зость Гоббса с известным французским материалистом Пьером Гассенди и дружбу, которая его связывала с Декартом, «когда их соединяло некоторое сходство в философских мнениях...» Однако, замечает он, «по испытании его размышлений оная скоро пресеклась, поелику они в своих основаниях совсем были между собою противны» [95]. Здесь, по-видимому, Веницеев имел в виду дуализм Декарта, признававшего наличие двух начал — материи и духа. Выход в свет книги Гоббса «О гражданине» на русском языке, несомненно, был крупным событием в культурной жизни и способствовал дальнейшему расширению политического кругозора русских современников.

Интерес некоторых воспитанников Московского университета к материалистическим идеям возник еще в университетских аудиториях и не покидал их в дальнейшем. Об этом свидетельствует, например, переводческая деятельность питомца университета Н. И. Даниловского. Николай Иванович Даниловский (р. 1744 г.) вышел также из малоимущей среды; его отец был секретарем Белгородской духовной консистории. В университетскую гимназию Даниловский поступил в 1758 г., а в 1762 г. был произведен в студенты. В течение ряда лет, слушая лекции профессоров, он одновременно преподавал в гимназии и работал в университетской библиотеке [96]. Выйдя из университета в 1767 г., он был определен на должность регистратора в Канцелярию московского главнокомандующего [97].

Даниловский, как и многие другие студенты, занимался переводами книг с французского языка. Кроме материальной заинтересованности, он видел в этом и выполнение своего гражданского долга — быть «полезным обществу». Содержание переводимых им книг было довольно разнообразным: среди тех, которые предназначались для печати, преобладали легкие повести мещанского жанра. Но Даниловский также обнаружил склонность к политической и философской литературе. В одной из статей, опубликованной им в 80-х годах, он хвалит Монтеня за то, что тот «подал нам яснейшие

[95] Там же.

[96] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. I, стр. 344—345.

[97] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 5477, л. 94.

понятия о человеке», хорошо отзывается о Попе и Шефтсбери, считает Руссо «достойным человеком своими дарованиями и своею душою» и особо отмечает заслуги «бессмертного Гельвеция» [98]. Однако он тут же горячо сетует на то, что живет «еще в таких временах, где вольность мыслей и на самом здравом разуме основанное рассматривание дышущих творений ограничивается предрассуждением, а паче, суеверием, злейшими врагами человека» [99]. Здесь явно речь идет о религиозных предрассудках. По-видимому, это обстоятельство его давно волновало, поскольку еще в 1766 г. в предисловии к одной из переведенных им повестей он говорил о том, как важно иметь такого друга, с которым обо всем говорить можно «открытым и нелестным сердцем, свободным и спокойным духом» [100].

Особый интерес вызывали у Даниловского социологические вопросы, связанные с положением человека в обществе, с его правовым статутом. В 70-х годах им была обнаружена книга, содержание которой, как он сам говорит, «совершенно согласовалось с причиною моею беспокойного искания» [101]. Как установил И. К. Луппол, этой книгой оказалась «Социальная система» Гольбаха [102], вышедшая в свет в 1773 г., в которой выдающийся французский просветитель-материалист излагал свои мысли об обществе. Знакомство с книгой Гольбаха побудило Даниловского самого взяться за перо: он частично перевел ряд глав, частично пересказал, сопроводив их своими комментариями и добавлениями. Некоторые из этих его переводов были опубликованы им на страницах журнала «Зеркало света», в частности глава «О должностях человека или о нравственной его обязанности». Эта глава представляется особенно примечательной. В ней поднимается один из вопросов, волновавших современников,— о положении гражданина в обществе и его обязанностях в отношении своих сограждан. «Каждый человек,— переводит Даниловский известное положение Гольбаха,—

[98] «Зеркало света», ч. III, 1786, стр. 93, 94, 95.

[99] Там же, стр. 94.

[100] Н. Даниловский. Предисловие к кн. А.-Ж. Ле Риш де Ла Поплиньер «Даира, восточная повесть...», ч. 1. М., 1766.

[101] «Зеркало света», ч. III, стр. 117.

[102] И. К. Луппол. Историко-философские этюды. М.— Л., 1935, стр. 173—174.

обязан содействовать с своей стороны тем, от коих зависит личное его благосостояние. Сие взаимное содействие составляет ту цель, связывающую всех добрых членов общества, средоточие, которое содержит в себе истинное и твердое благо для всех вообще и каждого особо»[103]. Когда же такая гармония во взаимоотношениях различных слоев общества нарушается, то возникает антагонизм между людьми. Тогда обиженные бывают «самым естеством влекомы ненавидеть, презирать тех, кто нам причиняет зло и препятствует наслаждаться спокойной приятностью благополучия»[104]. В таком случае человек озлобляется, в нем угасают чувства привязанности не только к своим соотечественникам, но и к своей стране. «Гражданин не может любить свое отечество, как только тогда, когда оно доставляет ему желаемые выгоды и спокойствие»[105]. Последнее слово добавлено к тексту Гольбаха самим Даниловским[106]. Когда же человек терпит от отечества «притеснение, несправедливость..., прискорбность и огорчение, то сердце гражданина совсем от него отвращается»[107]. Здесь Даниловский также добавляет от себя: «сие отвращение ожесточает сердца и бывает бедственною причиною страшных несчастий»[108]. По-видимому, тут делается намек на только что прокатившуюся по России волну крестьянской войны под предводительством Пугачева. Это несколько завуалированное признание права гражданина на восстание перекликается с известными положениями Гоббса, Руссо, Козельского.

Разнообразные переводы воспитанников Московского университета дают представление о круге волновавших их вопросов, об антифеодальной направленности их политической и философской мысли. Со второй половины 60-х годов после фактической ликвидации Академического университета Московский университет стал главным рассадником разночинной интеллигенции. Из его стен продолжали выходить нужные стране люди умственного труда, критически оценивавшие окружающий их уклад жизни.

---

103 «Зеркало света», т. III, стр. 311.
104 Там же, стр. 312.
105 Там же, стр. 315.
106 И. К. Луппол. Указ. соч., стр. 183.
107 «Зеркало света», ч. III, стр. 316.
108 И. К. Луппол. Указ. соч., стр. 183.

Глава седьмая

СВЯЗИ С ЧИТАТЕЛЬСКОЙ СРЕДОЙ

Огромная литературная продукция разночинной интеллигенции, как печатная, так и рукописная, предназначалась в основном для определенного читателя. Об этом свидетельствуют предисловия, написанные авторами или переводчиками к большому числу книг. Однако отсутствие публичных библиотек и ограниченность частных книжных собраний не дали возможности учесть этого читателя. Печатные и особенно рукописные книги стоили очень дорого, в размере чуть ли не месячного заработка малооплачиваемых служащих. Поэтому в большинстве случаев они покупались на короткий срок для прочтения и выписок, после чего перепродавались, что способствовало тем самым расширению читательской среды. Как свидетельствуют современники, многие мелкие канцелярские служащие кормились в те годы «переписыванием разных историй, которые продаются на рынке»[1]. Известно, что и многие студенты занимались тем же. Они переписывали не только рукописные, но и ходовые печатные книги, хотя тиражи последних в среднем были значительными для того времени — 600 и 1200 экземпляров.

Немецкий историк А.-Л. Шлецер, живший в Петербурге с 1761 по 1765 г., писал, что «полуобразованный русский с необыкновенною охотою берется за всякое чтение; особенно любит он отечественную историю...» Шлецер рассказывает далее, что люди «низших сословий» с увлечением покупают различные хроники, па-

[1] «И то, и сио». СПб., 1769, 10-я неделя.

мятники русской старины и что «даже многие ветошные лавки были полны рукописных летописей»[2]. На этого же читателя указывал и журнал «Пустомеля», выходивший в 1770 г., когда он сообщал, что древнегреческая муза истории Клио «ходит по гостиному двору, рассказывает купцам разные истории и тем себя кормит»[3], т. е. дает приработки разным переписчикам исторических книг. Вот, по-видимому, в значительной степени тот круг покупателей, для которых трудились над публикациями источников и переводами исторических сочинений И. Барков, С. Башилов, А. Поленов, В. Светов и многие другие представители разночинной интеллигенции. Такой интерес к прошлому своей страны у завсегдатаев гостиного двора не был случайным. Он был вызван ростом чувства национального самосознания у людей, в той или иной мере втягивавшихся в орбиту буржуазных отношений.

Тот же читатель проявлял наибольший интерес и к общеобразовательным знаниям, расширявшим его кругозор. Для него в основном многократно переиздавались такие популярные издания энциклопедического характера, как «Письмовник» Н. Г. Курганова или «Письма» Л. Эйлера в переводе С. Я. Румовского. О том, кто их читал, дает компетентную справку Н. И. Новиков, бесспорно хорошо знавший книжный рынок Петербурга и Москвы. В предисловии к третьему изданию «Живописца» (1775 г.) он писал, что «у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям (мещанам.— *М. Ш.*), по незнанию их чужестранных языков, нравятся», другие же книги, «на вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах»[4]. Знаток петербургского книжного рынка М. Д. Чулков также неоднократно указывал, что его читатель пребывает «на гостином дворе», где «незнающие других языков люди благодарят от искреннего сердца» за книги[5]. Именно такая формулировка постоянно встречается в

---

[2] «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная».— «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIII. СПб., 1875, стр. 50.

[3] «Пустомеля». СПб., 1770, стр. 22.

[4] «Живописец», изд. 3-е. СПб., 1775. К читателю.

[5] «И то, и сио», 45-я неделя.

предисловиях переводчиков многих книг: «любителям учения оказать услугу»[6], «услужить тем в России, которые, не разумея иностранных языков, питают в себе благородную склонность ко чтению изрядных книг»[7].

Михаил Дмитриевич Чулков (1743—1792 гг.) — один из ярких и одаренных представителей разночинной интеллигенции. Он вышел из неимущей семьи и долго терпел нужду. «Крайне беден», говорил он о себе, добавляя при этом, что такое положение «всем почти мелкотравчатым, таким, как я сочинителям, общая участь»[8]. Образование он получил в разночинной гимназии Московского университета, по выходе из которой и до поступления в 1770 г. в Сенатскую канцелярию регистратором служил в Дворцовом ведомстве. Там он был актером, камер-лакеем, квартирмейстером. По-видимому, в гимназии иностранные языки плохо дались Чулкову, во всяком случае он не занимался переводами и в своем чрезвычайно разнообразном литературном творчестве выступил прежде всего как замечательный собиратель русского фольклора и как талантливый писатель и журналист.

Издавая свои сочинения, Чулков внимательно следил за вкусами и склонностями рядового читателя, того, кто, по его выражению, «учится только одной грамоте, да и то на медные деньги»[9]. Книги Чулкова изобиловали зарисовками быта, народными оборотами речи, пословицами. Они как бы противопоставляли себя запоздалому классицизму русских дворянских писателей 50—60-х годов, чуждому народной культуре. По своему содержанию «Пересмешник» и некоторые другие книги Чулкова в какой-то мере перекликались с «Письмовником» Курганова. Все они были написаны для одной и той же читательской среды с целью «услужить одноземцам»[10], приохотить их к печатному слову,

---

[6] А. Павлов. Предисловие к кн. Х. Баумейстера «Логика». М., 1760.

[7] М. Попов. Предисловие к кн. Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». СПб., 1772.

[8] М. Д. Чулков. Пересмешник, или славянские сказки, ч. I. СПб., 1766. Предуведомление.

[9] Там же.

[10] М. Д. Чулков. Краткий мифологический лексикон. СПб., 1767. Предуведомление.

и, надо сказать, Чулкову, как и Курганову, это удалось. Один из корреспондентов Чулкова писал ему в 1769 г., что слава о нем как об авторе разнеслась «по всем частям Петербурга, а особливо по гостиному двору»[11]. Все его произведения многократно переиздавались и значительно умножили число читателей. Хотя в своих книгах Чулков и не ставил социальных вопросов, даже как бы обходил их, тем не менее все они по своему содержанию были враждебны дворянской культуре и сеяли в умах читателей семена новой буржуазной идеологии.

«Пересмешник», выпущенный Чулковым в свет в четырех частях в течение 1766—1768 гг., пользовался небывалым успехом. Уже в 1770 г. он вышел вторым изданием и переиздавался в последующие годы. Чулков писал это сочинение как «нижайший и учтивый слуга общества и читателя»[12]. Он собрал в нем много увлекательных повестей, частично на сюжеты, заимствованные им из разных народных сказок и былин, из старинных плутовских или рыцарских новелл. Многие из этих повестей были наделены злободневными бытовыми зарисовками, свидетельствовавшими о нравственном падении привилегированных, о мудрости и умении простых людей. Эти штрихи придавали книге антидворянский обличительный характер.

Не менее успешным был выход в свет в 1770—1774 гг. четырех частей «Собрания разных песен» Чулкова, которое он составил ради «усердия к обществу»[13]. Фактически это был первый русский песенник, где рядом со стихами современных дворянских писателей были помещены и русские народные песни, занявшие чуть ли не половину всего «Собрания». В них были запечатлены многие стороны жизни трудового народа и прежде всего тяготы подневольного труда, бесправная жизнь, рекрутчина и т. п. Особенно примечательными были песни казацкой и бурлацкой вольницы о крестьянском вожде Степане Разине и его боевых походах, о беглых кресть-

---

[11] «И то, и сио», 7-я неделя.

[12] М. Д. Чулков. Пересмешник или славянские сказки, ч. I. Предуведомление.

[13] М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. I. СПб., 1770. Предуведомление.

янах, о бурлаках и т. п.[14] Их появление в печати вначале крестьянской войны под предводительством Пугачева говорило о гражданской смелости автора.

Большой удачей Чулкова был и его любовно-бытовой роман из русской мещанской жизни «Пригожая повариха, или похождения развратной женщины» (СПб., 1770). Из печати вышла только первая часть, продолжение не последовало, возможно, из-за цензурных соображений. Русский читатель впервые получил натуралистическое произведение большой силы, которое раскрывало перед ним всю порочность окружавшего его уклада жизни. Героиня романа — 19-летняя солдатка, вдова убитого на войне сержанта — осталась без каких-либо средств к существованию, кроме своей красоты и молодости. Все ее похождения в погоне за благополучием низвергают условности господствовавшей морали и сословных перегородок и свидетельствуют о том, что только деньги, вырученные любой ценой, дают почет и покой. Книга была проникнута сочувствием автора к обездоленным людям, жертвам несправедливых порядков и враждой к тем, кто извлекал из этих порядков пользу. Роман Чулкова имел огромный успех.

■

На своем творческом пути Чулков приобрел не только почитателей своего таланта, но и надежного покровителя в лице крупного денежного воротилы, содержателя питейных откупов в Петербурге, курского купца Михаила Сергеевича Голикова. Он оказывал Чулкову постоянную материальную помощь, а сына его на свой счет отправил учиться за границу[15]. В предисловии к «Словарю русских суеверий», составленному Чулковым, он называет Голикова своим «приятелем», которым он «много одолжен». По свидетельству Чулкова, Голиков оказывал широкую поддержку представителям разночинной интеллигенции, трудившимся в деле распространения знаний. «Многие сочиненные и переведенные на российский язык полезные книги,— говорит он,— на коште вашем (Голикова.— *М. Ш.*) напечатаны». При

[14] Н. В. Баранская. Песни народного протеста в «Собрании разных песен» М. Д. Чулкова.— «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка», т. XV, вып. 2. М., 1956, стр. 133 и сл.

[15] В. Шкловский. Чулков и Левшин. Л., 1935, стр. 84 и сл.

этом зачастую он отдавал авторам или переводчикам весь тираж их книг, что по тому времени составляло значительную сумму [16].

Под непосредственным воздействием Голикова и при его денежной помощи Чулков взялся за написание огромного труда по истории российской торговли, составившего 21 книгу и до настоящего времени не утратившего своей научной ценности. Чулков, как он сам об этом говорит, писал этот труд «один без всякой помощи» [17], используя огромный материал, взятый им из архивов Сената и Коммерц-коллегии, а также из русских летописей и из «Истории российской» В. Н. Татищева [18]. Он выражал уверенность, что работа его будет «весьма полезной для купеческого корпуса», который сможет почерпнуть из нее «великое в торговле познание» [19].

Голиков не был исключением в деле оказания покровительства и денежной помощи труженикам пера. Многие купцы 1-й гильдии живо интересовались рукописными и печатными книгами и охотно оказывали материальную поддержку их авторам или переводчикам. Продажа своей книжной продукции купцам часто становилась одной из наиболее доходных статей их литературной деятельности. Так, секретарь Академии наук Сергей Саввич Волчков пишет, что «черная бедность с шестерыми детьми и домашними принудила... разные книги.., с французского, да с немецкого языка переводя..., знатным купцам посылать манускрипты». Благодаря чему, поясняет далее Волчков, «их подаяниями я несколько времени между долговременным жданием жалованья (которое в то время выплачивалось очень неаккуратно.— *М. Ш.*), платьем, обувью и пищею пробавлялся» [20]. Среди многих переведенных Волчковым книг известны «Опыты» Монтеня и «Всеобщая история» Боссюэ. По-видимому, и многие другие труженики пера обеспечивали себя такими приработками. В. Г. Рубан,

---

16 М. Д. Чулков. Словарь русских суеверий. СПб., 1782. Посвящение.

17 М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции..., т. I, кн. I. СПб., 1781, стр. 20.

18 Там же, стр. 16.

19 Там же, стр 20.

20 ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3005, л. 277.

например, за свои литературные «подношения» купцам получал от них и «муфту с шубой», и «фунт чаю», и «сукна для фраку три аршина» и т. п.[21]

Конечно, представители разночинной интеллигенции обслуживали интеллектуальные запросы нарождавшейся русской буржуазии не только ради материальной заинтересованности, хотя, по-видимому, она играла немаловажную роль. В первую очередь их побуждало к этому стремление «услужить обществу» путем распространения знаний. В купечестве же, в его торговой и промышленной деятельности они видели движущую силу, способствующую процветанию общества. Купечество, писал Чулков, «составляет благополучие общества не потому только, чтоб прибыль казне пошлинами приносить, но потому более, что сей класс одобряет земледельчество, служит к обогащению общественному и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам»[22].

Подобные высказывания об общественно-политической роли купечества имеются у С. С. Башилова, Ф. А. Эмина и некоторых других представителей разночинной интеллигенции. Порой подобные высказывания сопровождались критикой феодально-крепостнических методов обогащения, хотя, как известно, и само купечество тяготело к использованию этих методов. Если допустить правильность тезиса П. Н. Беркова, что издателем журнала «Смесь» был Л. И. Сичкарев, то ему в таком случае принадлежит меткое противопоставление тунеядству дворян частного предпринимательства купцов. «Кто полезнее обществу,— говорится на страницах этого журнала,— простой ли мещанин, у которого на фабриках работают около двухсот человек и, получая за то деньги, исправляют свои надобности, или превосходительный Надмен, коего все достоинства в том только состоят, что на своем веку застрелил 6 диких уток и затравил 120 зайцев?»[23].

Для характеристики литературных запросов складывавшейся русской буржуазии и ее связей с представи-

---

[21] «Русский биографический словарь». Том: Романова — Раевский. Пг., 1918, стр. 378.

[22] М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции.., т. I, кн. 1, стр. 15.

[23] «Смесь». СПб., 1769, стр. 318.

телями разночинной интеллигенции большой интерес представляет дело купца Степана Струговщикова и коллежского секретаря Ефима Васильевича Разнатовского, хранящееся в архиве Тайной экспедиции. Оно относится к событиям, имевшим место в 1770—1771 гг. Разнатовский был выходцем из разорившейся дворянской семьи и по своему положению в обществе в эти годы примыкал к разночинной интеллигенции. Как он сам писал о себе в середине 70-х годов, бедность была злой «в жизни моей спутницей»[24]. Свой трудовой путь он начал титулярным юнкером в 1753 г. и тогда, по-видимому, приобрел некоторые знания во французском языке и в юриспруденции. Не исключено, что некоторое время он посещал Академическую гимназию. В конце 50-х годов он находился у канцелярских дел в Туле, откуда перешел в Юстиц-коллегию в Петербург, а со второй половины 60-х годов занимал должность секретаря в Комиссии о коммерции[25].

Разнатовский был поклонником французских просветителей, читал их в подлинниках и многие из них переводил. В печати несколько позднее вышло только два его перевода: «История сокращенная о смерти Жана Каласа...» Вольтера и «Персидские письма» Монтескье. Все остальные его переводы расходились в рукописях. Разнатовский преимущественно вращался среди купцов 1-й гильдии. Он охотно делился с ними содержанием наиболее радикальных произведений французских просветителей, которые он покупал у петербургского книготорговца И. Я. Вейтбрехта[26]. Он переводил для них некоторые книги и выполнял различные другие поручения, получая за это соответствующее вознаграждение. Так, во второй половине 60-х годов Разнатовский сблизился с известными заводовладельцами братьями Андреем и Иваном Баташовыми, которые использовали его в качестве подставного лица, наделенного дворянскими привилегиями, для покупки к своим заводам земли и крепостных крестьян[27].

---

[24] Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962, стр. 505.
[25] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6304, л. 256.
[26] ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2320, л. 12.
[27] Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 124—125.

Тогда же Разнатовский сблизился с богатым московским купцом, проживавшим в Петербурге, Степаном Борисовичем Струговщиковым. Разнатовский называл его своим «искренним другом»[28], и имел с ним откровенные разговоры на политические и философские темы. Он делился с ним о последних прочитанных им книгах французских энциклопедистов, говорил «о существе тех книг» и о том, «какие материи в них писаны»[29]. На этих беседах присутствовали и другие близкие им лица[30]: московский купец, также проживавший в Петербурге, Андрей Дмитриевич Кондаков и талантливейший крепостной живописец Иван Петрович Аргунов, тесно связанный с преподавательской средой Академии художеств — с А. Лосенковым, Ф. Рокотовым и др.

По просьбе Струговщикова за соответствующее вознаграждение Разнатовский переводил для него отдельные книги, которые в дальнейшем и распространялись в рукописях. В числе переведенных им книг имелись и известные антиклерикальные произведения Вольтера, такие, как «Обед у графа Буленвилье», «Разговор честного человека с монахом» и знаменитый «Философский словарь», частично переведенный под названием «Рассуждение по алфабету», которое в XVIII в. неоднократно давалось этому произведению[31]. Все эти сочинения содержали беспощадную рационалистическую критику Библии и расшатывали устои христианского вероисповедания, на котором была построена феодальная идеология.

Кроме вольтеровских антирелигиозных памфлетов, Разнатовским было переведено для Струговщикова известное атеистическое сочинение Гольбаха «Разоблаченное христианство», всего лишь за год до того сожженное в Париже рукой палача. Он также перевел и «Катекюмен, или Оглашенный» — сочинение писателя эпохи Просвещения Шарля Борда, содержащее резкую критику Евангелия[32].

---

[28] ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2320, л. 14.

[29] Там же, л. 14—15.

[30] Там же, л. 3, 5.

[31] Ю. Я. Коган. Из истории распространения антихристианских памфлетов Вольтера в России в XVIII веке.— «Вопросы истории религии и атеизма». Сб. статей, т. 3. М., 1955, стр. 263 и сл.

[32] Там же, стр. 264.

Рукописные переводы Разнатовского размножались и становились известны все большему числу лиц, принадлежавших к окружению Струговщикова. Так, тульский купец, отец известных заводовладельцев, Михаил Елисеевич Грибанов читал в переводе Разнатовского известный антихристианский памфлет Вольтера «Изгнание иезуитов из Китая»[33]. Не исключено, что своими переводами Разнатовский снабжал и братьев Баташовых, да и многих других купцов, с которыми был близок. По-видимому, многие из этих рукописей проделывали длинный путь, переходя из рук в руки. Перепиской переводимых Разнатовским книг занимался его сослуживец, канцелярист Комиссии о коммерции Степан Романов; вероятно, речь идет о воспитаннике Петербургской академической гимназии, «солдатском сыне» Степане Романове[34]. Нет сомнений, что Разнатовский, как и Романов, не был исключением; и многие другие представители разночинной интеллигенции пропагандировали различные философские и политические сочинения таким же образом и в той же читательской среде. Ведь не случайно несколько лет спустя митрополит Евгений указывал, что «письменный Вольтер у нас известен столько ж, как и печатный»[35].

Очевидно, в этой читательской среде не меньший интерес вызывали к себе и произведения, посвященные общественным и политическим темам. Представителей нарождавшейся русской буржуазии не могли не волновать вопросы, касающиеся рабочей силы, налоговой политики, гражданских прав, законодательной и исполнительной власти и т. п. В какой-то степени на это указывают представленные в 60-х годах в Берг-коллегию «изъяснения» заводовладельцев о состоянии производства и прежде всего отчет уральского промышленника Ивана Борисовича Твердышева. В этом документе проводится параллель между условиями предпринимательства в России и в Швеции, куда ездил Твердышев, и

---

[33] Там же, стр. 264.

[34] Архив АН СССР, разр. I, оп. 70, № 2 (Генеральный список № 919).

[35] Митрополит Евгений [Болховитинов]. Предуведомление к кн. «Вольтеровы заблуждения, обнаруженные аббатом Нонотом, переведено с французского оригинала... в Воронежской семинарии студентом богословия», ч. I. М., 1793, стр. II.

говорится о преимуществах вольнонаемной рабочей силы и о невозможности ее применения в России[36]. Все эти вопросы, как и ряд других, относящихся к труду, государству и праву, были жизненно важными для русских промышленников, и они искали на них ответа в политико-философских трактатах, которыми изобиловала эпоха Просвещения.

Вероятно, этим объясняются в известной мере значительные для того времени тиражи таких книг, доступных читателям, не владевшим иностранными языками. Так, книга Я. П. Козельского «Философические предложения» была напечатана в типографии Сената тиражом в 600 экземпляров[37]. «Дух законов» Монтескье в переводе В. И. Крамаренкова вышел в типографии Академии наук таким же тиражом[38]. В свою очередь и сборники статей из «Энциклопедии» получили широкое распространение: сборник по философии, составленный Козельским и сборник И. Г. Туманского о государственном правлении вышли каждый тиражом в 600 экземпляров[39]. Два издания выдержала книга Руссо «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» в переводе Павла Потемкина в 1770 и 1782 гг.

Содержавшиеся во всех этих книгах положения и мысли, по-видимому, были предметом обсуждений между отдельными представителями разночинной интеллигенции и русской буржуазии. Башилов, например, посвятил одно из переведенных им политико-философских сочинений курскому купцу Ивану Ивановичу Голикову, двоюродному брату упомянутого выше Михайла Сергеевича, любителю книг и в дальнейшем автору «Деяний Петра Великого». В предисловии к этой книге Башилов называет Голикова «верным собеседником..., надежным советником и усердным помощником». Он с теплотой вспоминает дружеские беседы с ним, «составляющие самое приятнейшее наше упражнение», в ходе которых велись «рассуждения о человеческом состоянии»[40]. Возможно, что тождественные беседы «о че-

---

36 Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 522.

37 ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6452, л. 696.

38 В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913, стр. 53.

39 Там же, стр. 36, 38.

40 С. Башилов. Предисловие к кн. «Блаженство. Разговор животных». СПб., 1768.

ловеческом состоянии» и о многом другом имели место между переводчиком «Духа законов» Монтескье В. И. Крамаренковым и заводовладельцами Демидовыми, у которых он бывал, «обедал и ночевал»[41]. Такие дружеские разговоры нередко бытовали в то время.

Конечно, круг людей, читавших произведения или переводы разночинной интеллигенции, не замыкался только купеческой средой, хотя, очевидно, она и была достаточно многочисленной и активной. М. Н. Сперанский, много занимавшийся изучением «среднего» и «низового» читателя XVIII в., пишет, что различные книги «читались и списывались мелкопоместным дворянством в столицах и в провинции, мелким служилым людом, мещанством и купечеством, низшим духовенством и грамотным крестьянством»[42]. Высшие же круги общества, по его мнению, почти не участвовали в этой деятельности. Эти выводы Сперанского подтверждаются свидетельством большого знатока книжного рынка 70—80-х годов писателем из крепостных Матвеем Комаровым. Он сообщал, что «ныне любезные наши граждане... не только благородные, но и среднего и низкого степени люди, а особливо купечество, весьма охотно в чтении всякого рода книг упражняются»[43]. Далее пояснялось, что со всеми с ними он имел «не редкое обхождение», почему и мог судить об этом. Таким образом, кроме рядового дворянства и складывавшейся русской буржуазии, имелась еще другая читательская среда. На ее существование указывают многие современники. Она состояла из «мелкотравчатых» городских жителей — мещан, разночинцев, дворовых, обездоленных, но грамотных людей с ограниченным образованием, полученным не столько в школах, сколько путем непосредственного чтения сначала «Письмовника» Кур-

---

[41] Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.— Л., 1949, стр. 285.

[42] М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века.— «Материалы для истории русской литературы XVIII века». М., 1963, стр. 86.

[43] М. Комаров. Обстоятельные и верные истории двух мошенников, первого российского московского сыщика Ваньки Каина со всеми его сысками, розысками, сумасбродною свадьбою и разными забавными его песнями, второго французского мошенника Картуша и его товарищей, изд. 2-е. М., 1788. Предуведомление.

ганова, месяцесловов и других общеобразовательных книг, а затем и более серьезных сочинений. К сожалению, данные об этой среде чрезвычайно скудны; однако можно предполагать, что именно здесь нашли главного своего читателя произведения Козельского или Руссо, а также некоторые статьи из «Энциклопедии», содержавшие уравнительные идеи.

Одним из типичных выходцев из этой среды был Федор Кречетов, неимущий мещанин, мелкий служащий, увлекшийся уравнительными и свободолюбивыми идеями. Свои мысли он излагал тяжелым и путаным языком, с большой примесью церковнославянских терминов и сложных словообразований. В своих порой нескладных сочинениях он говорил о «равенстве граждан» перед законами, об обществе, поднятом «на самую вышнюю степень благополучия, славы, блаженства и спокойствия», где «один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов» и т. д. [44] Его ближайшими друзьями и единомышленниками были люди того же круга: писарь Михаил Скворцов, регистратор Василий Окулов, типографщик Матвей Овчинников, дворовый человек Осип Малевинский, разорившийся купец Степан Ерков и др.

Среди имевшихся у них книг значатся рукописный перевод антиклерикального памфлета Вольтера «Разговор честного человека с монахом», переводившийся в свое время Разнатовским, и печатный экземпляр известного сочинения английского законоведа Блэкстона «Истолкование английских законов» в переводе С. Е. Десницкого [45]. Несколькими годами позже, в дни побед революции во Франции и разгула реакции в России, Кречетов был схвачен царской полицией за пропаганду революционных идей. В его бумагах были обнаружены записи, в которых, по определению властей, «вольность похваляется, а самодержавие осуждается» [46]. На допросе Кречетов показал, что эти выписки были им сделаны из статей из «Энциклопедии», включенных в сборник И. Г. Туманского «О государственном

---

[44] ЦГАДА, Госархив, разр. VII, д. 2812, ч. II, л. 457.

[45] Н. Чулков. Ф. В. Кречетов — забытый радикальный публицист XVIII века.— «Литературное наследство», т. 9/10. М., 1933, стр. 455—456.

[46] Там же, стр. 468.

правлении и разных родах оного», о котором уже говорилось.

Книги, изданные разночинной интеллигенцией, имели хождение и среди учащихся, способствуя развитию у них антифеодального образа мыслей. Так, в 1768 г. была создана общедоступная библиотека для широкого чтения в Киевской академии. Она предназначалась для нужд бурсы, где, как известно, жила наиболее неимущая часть учащихся. Библиотека составлялась путем дарственных приношений от различных лиц, преимущественно от ее бывших питомцев. Среди «разных доброхотных дателей» значатся Яков Козельский, Григорий Козицкий, Николай Мотонис, Василий Рубан, а также профессор медицины Константин Щепин, петербургский купец Яков Добрынин[47]. За сравнительно короткий срок было собрано несколько сот русских и иностранных книг, среди которых оказалась широко представленной печатная продукция разночинной интеллигенции. Тут был и упомянутый выше сборник статей из «Энциклопедии» И. Г. Туманского «О государственном правлении и разных родах оного» (№ 600), и замечательное произведение Я. П. Козельского «Философические предложения» (№ 428), а также составленный им двухтомный сборник «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии» (№ 599). В библиотечной описи фигурируют многие сочинения профессоров Московского университета: И. А. Третьякова «О происшествии и учреждении университетов в Европе» (№ 516) и «О римском правлении и о разных оного переменах» (№ 408), С. Е. Десницкого «О прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (№ 222) и «О причинах смертной казни по делам криминальным» (№ 478), С. Г. Зыбелина «О действии воздуха в человеке» (№ 283) и т. п. Много книг относится к истории, начиная «Кратким российским летописцем» М. В. Ломоносова (№ 251) или «Летописью Несторовой...», опубликованной И. С. Барковым (№ 583), и кончая известными историческими трудами Ш. Роллена, Л. Гольберга, Г. Кураса. Большое место в библиотеке было отведено переводам авторов античности и эпохи Возрождения[48].

[47] «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии», отд. II, т. III. Киев, 1904, стр. 386.

[48] Там же, стр. 386—416.

Все эти книги, несомненно, оставляли глубокий след в умах их читателей. Известный мемуарист из служилой среды Гаврила Добрынин говорит, что книги политико-философские представляли собой «явления, отверзающие умственный глаз... подобных им человеков и оживотворяющие ощутительно душу мыслящего существа» [49].

■

Что касается читателей из дворян, то в эти годы они по-разному воспринимали волновавшие современников вопросы. В IV листе «Трутня» Н. И. Новиков дает хотя и несколько шаржированную, но не лишенную интереса характеристику русской интеллигенции того времени. Прежде всего он говорит о зажиточном дворянине из столичной знати, воспитанном гувернерами. «Душ за ним тысячи две, но сам он без души», и все его достоинство «в том только и состоит, что он дворянин и родня многим знатным боярам» [50]. К другой группе привилегированных он относит среднепоместного дворянина, который «родством ни с каким случайным боярином не связан» и «знает человечество из подвластных себе, наказует только винных, крестьян своих не грабит, живет нероскошно и, по мере своего дохода, купцов по примеру других дворян не обманывает...» [51] По-видимому, здесь речь идет о молодой интеллигенции, вышедшей из дворянской гимназии Московского университета или из Сухопутного кадетского корпуса, где изучались гражданские и политические науки. К этой группе, очевидно, относил себя и сам Новиков.

Наконец,— что особенно важно,— Новиков констатирует появление в рядах русской интеллигенции нового человека — разночинца, который «от добродетельных и честных родился мещан». Он дает ему высокую оценку: «природный его разум, соединенный с долговременным и в России и в чужих краях учением, учинили его мужем совершенным. Мало таких наук, которых бы он не знал или о которых бы он не имел понятия; защитник истины, помогатель бедности, ненавистник злых нравов и роскоши, любитель человечества, честности,

[49] «Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная в Могилеве и Витебске. 1752—1823». СПб., 1872, стр. 134.

[50] «Трутень», 1769, л. IV, стр. 29.

[51] Там же, стр. 29—30.

наук, достоинства и отечества...» Эти люди умственного труда, заключает Новиков, на своем примере доказали, «что не порода, но добродетели делают человека достойным почтения честных людей»[52].

Нет сомнения, что Новиков был знаком со многими представителями разночинной интеллигенции, как по Комиссии для составления проекта нового Уложения, так и по своей издательской деятельности. В своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» он посвящает некоторым из них добрые слова. Иван Барков назван им «человеком острым и отважным», Семен Башилов — «человеком разумным и просвещенным», Григорий Козицкий — «искусным и ученым мужем», Федор Эмин — писателем «острого и проницательного разума»[53] и т. д. Однако его отношения с ними, по-видимому, не всегда были ровными. Новиков не разделял философских рационалистических взглядов, которых придерживалось большинство представителей разночинной интеллигенции. Об этом свидетельствует хотя бы выборочно составленная и переведенная Новиковым «с фрунцузского на российский язык» книга[54] аббата Шампиона де Понталье «Французская нынешнего времени философия» (СПб., 1772), наполненная резкими нападками против идей эпохи Просвещения.

Однако, независимо от этих расхождений, Новиков был горячим поборником знаний; он глубоко верил в их преобразующую силу и являлся неутомимым организатором их распространения. В своих общественно-политических взглядах он пошел дальше многих своих современников: никто до него не критиковал в печати так смело и так резко бесчинства помещиков, их бесчеловечное отношение к крестьянам, произвол царских властей и т. п. Один из корреспондентов «Живописца» писал ему: «ваши читатели, кои из мещанства и купечества, не отрекутся и впредь платить вам дань за описание глупостей и пороков нынешнего века...»[55] На этой почве, по-видимому, и определились его тесные литературные связи с рядом представителей разночинной

[52] Там же, стр. 30—31.

[53] Н. И. Новиков. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 15, 17, 101, 255 и др.

[54] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 4, № 28/28, л. 1.

[55] «Живописец», 1772, л. 25, стр. 193.

интеллигенции. Сотрудниками журналов Новикова были и Федор Эмин, и Михаил Попов, писатель-разночинец, воспитанник Московского университета. Вероятно, авторов многих анонимных статей в «Трутне» и «Живописце» нужно искать среди разночинной интеллигенции. Михаил Попов в своем открытом письме к Новикову, опубликованном еще в 1766 г., писал, что дружба их была основана на обоюдной «склонности к снисканию добродетели и учения» [56].

Большой заслугой Новикова было его успешное содействие распространению среди современников идеи национального самосознания и народной культуры. В 1773 г. им стала издаваться «Древняя Российская Вивлиофика», направленная на развитие у читателей чувства национального достоинства и любви к отечеству. В предисловии к этому изданию он критиковал проявления космополитизма у богатого столичного дворянства, его пустое увлечение Западом. Он утверждал, что уже «есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания» прошлого России [57]. Многие молодые дворяне-литераторы вслед за Чулковым стали собирать, а некоторые и печатать русские народные пословицы, песни и сказки, «содержащие в себе отчасти повествования, которые рассказываются в каждой харчевне» [58]. Либретто «Анюты» Попова — первой русской комической оперы из народной жизни — проложило путь на страницы дворянской литературы простым людям. В произведениях некоторых дворянских писателей, таких, как А. А. Аблесимов или В. И. Майков, начинают вырисовываться человеческие образы крестьян, ремесленников, купцов, до того появлявшихся только случайно в качестве второстепенных персонажей. В этой среде образованного дворянства книги, издаваемые разночинной интеллигенцией, находили своего читателя и влияли на него.

Иначе обстояло дело в кругу зажиточной столичной знати, воспитанной иностранными гувернерами, мало

---

[56] М. И. Попов. Предисловие к кн. «Две повести Аристоноевы, приключения и рождение людей Промифеевых». СПб., 1766.

[57] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. I. СПб., 1773, стр. 5.

[58] В. А. Левшин. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения, ч. I. М., 1780, стр. 2.

интересовавшейся отечественной книжной продукцией и склонной к дорогостоящим зарубежным литературным новинкам. Для этого у них были все возможности. В Петербурге и в Москве академические и частные книжные лавки были полны заграничными изданиями. Об этом красноречиво свидетельствуют объявления, постоянно публиковавшиеся в «С.-Петербургских ведомостях» и в «Ежемесячных сочинениях». В последних в 1763 г. была открыта особая рубрика: «Известия о ученых делах», в которых читатель оповещался о книгах, выходивших в свет на Западе, и о новых поступлениях в академические книжные лавки Петербурга и Москвы. Здесь были представлены многие основные и даже второстепенные произведения энциклопедистов, трактаты физиократов и т. д. В журнале подчеркивалось, что «никогда раньше не печаталось толикое множество новых предложений, до общенародной пользы касающихся, как ныне»[59].

По рассказам современников 60-х годов, московская академическая книжная лавка поражала «великим множеством всякого рода немецких и французских книг в переплете и без переплета»[60]. И в Петербурге, и в Москве эти книги на философские и социально-политические темы вызывали живой интерес. Когда в 1763 г. в Москву случайно было завезено несколько экземпляров запрещенной в России книги Руссо «Эмиль, или О воспитании», то, по свидетельству секретаря французского посольства Рюльера, она мгновенно была раскуплена вельможами[61]. Чтобы пользоваться этой дорогостоящей литературой, нужно было знать иностранные языки и иметь свободные деньги. А этим в большинстве случаев и располагали читатели из столичной знати.

Таким образом, печатная и рукописная книжная продукция разночинной интеллигенции в основном шла на удовлетворение запросов широкого читателя. Ее покупателями были представители нарождающейся русской буржуазии, среднего дворянства, а также трудовых слоев населения.

---

[59] «Ежемесячные сочинения», т. XIX. СПб., 1764, стр. 269.

[60] «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков...», т. II. СПб., 1871, стб. 298.

[61] «Исторический вестник», 1883, вып. VI, стр. 611.

Глава восьмая

НАСТУПЛЕНИЕ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ

■

Просветительское движение среди разночинной интеллигенции тревожило правящие круги. Они улавливали в его содержании некоторое созвучие с антифеодальными настроениями, которые во второй половине 60-х — начале 70-х годов становились особенно ощутимы в стране. Множились крестьянские волнения, вылившиеся в 1773 г. в крестьянскую войну под предводительством Пугачева, усиливалось недовольство городского населения в обеих столицах. В 1771 г. в Москве имели место крупные волнения. Острота классовой борьбы в России в 60—70-х годах помогла правящим кругам лучше понять антифеодальную сущность идей, в духе которых развивалось просветительское движение разночинной интеллигенции. Их содержание перекликалось с антикрепостническими чаяниями русского крестьянства. Не случайно граф С. Р. Воронцов несколько позже констатировал, что Пугачев, не читая французских энциклопедистов, осуществлял на деле ту же программу[1].

Распространители антифеодальных идей не без основания были обнаружены прежде всего среди питомцев Академического университета, Московского университета и Академии художеств. Именно эти люди умственного труда, «ломоносовское племя», становились, по меткому замечанию самого Ломоносова, «как бельмо на глазу»[2] у правящих кругов. Они представляли де-

---

[1] «Архив кн. Воронцова». М., 1880, т. XVI, стр. 299.

[2] М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1957, стр. 539.

мократическую струю в русской общественной мысли и не могли не вступать в конфликт с носителями старой крепостнической идеологии.

Правящим кругам представлялось, что причина этих расхождений крылась главным образом в том, что учащаяся молодежь недостаточно воспитана в духе покорности и признательности. На это, в частности, указывал ближайший в те годы советник императрицы Н. И. Панин. В 1764 г. он многократно критиковал учебную часть Академии наук, говоря, что она «оставлена без всякого попечения», что «нижних школ для воспитания юношества и приготовления его к академическим наукам у нас нет» и что «такие школы... необходимо нужны»[3]. Часто возвращаясь к этому вопросу, он рассуждал «о разных для воспитания заведениях»[4]. Эта тема живо волновала и президента Академии наук графа К. Г. Разумовского. Он настоятельно рекомендовал академической администрации «покрепче приняться за университет и гимназию», поскольку они и «поныне слабо себя оказывают, а причина тому не иная,— говорит он,— как та, которую воспитательным училищем поправить можно»[5].

Тема о сочетании образования с воспитанием, соответствующим желаниям правящих кругов, возникала и ранее, в частности на страницах ряда журналов начала 60-х годов[6]. Так, известный дворянский идеолог А. П. Сумароков в статье «Блохи», опубликованной в 1760 г. в журнале «Праздное время, в пользу употребленное», резко критиковал академических питомцев, представителей разночинной интеллигенции, называя их переученными латинистами, «латинскими блохами». Он также считал, что «школы — главная причина нашего заблуждения», и ратовал прежде всего за нравственное воспитание, за то, чтобы было «меньше учеников», но среди них «больше разумных»[7] (т. е. «благомыслящих».— *М. Ш.*). Таким образом, общее мнение в правящих

[3] С. А. Порошин. Записки. СПб., 1844, стр. 40.

[4] Там же, стр. 153.

[5] ЧОИДР, 1866, кн. IV, стр. 126.

[6] Г. Гуковский. Очерки по истории русской литературы XVIII века. Дворянская фронда в литературе 1750—1760-х годов. М., 1936, стр. 56 и сл.

[7] «Праздное время, в пользу употребленное», ч. IV. СПб., 1760, стр. 334.

кругах склонялось к тому, что образование должно уступать воспитанию.

Вопрос о воспитании людей умственного труда привлекал к себе все большее внимание, по мере того как росли и идейно крепли ряды разночинной интеллигенции. В 1764 г. в окружении императрицы утвердилось мнение, что в области народного просвещения «главный предмет... состоит в том намерении, чтобы вкоренить юношеству с самых нежных лет страх божий и любовь к нравоучительной добродетели...»[8] Иными словами, прежде следует создавать «благомыслящих» подданных, а потом уже думать об их знаниях. В связи с этим направлением умов И. И. Бецкой, один из ближайших сподвижников императрицы и глашатаев ее педагогических предначертаний, своеобразно проникся модными тогда идеями Руссо, направленными на перевоспитание человека. Он пришел к выводу о возможном использовании этих новых методов воспитания, проповедуемых автором «Эмиля», для укрепления старых основ феодального общества. Придерживаясь того взгляда, что человек рождается без пороков, а худые наклонности возникают в нем под влиянием окружающей его среды, Бецкой пришел к следующему заключению: для устранения вредных феодально-крепостническому строю мыслей и настроений среди людей умственного труда достаточно с возможно раннего возраста изолировать их в специальных закрытых учебных заведениях и там соответственно воспитывать. «Корень всему злу и добру — воспитание, — писал он в 1764 г. в известном своем «Генеральном учреждении о воспитании».— Один только украшенный или просвещенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях паче во вред бывает, если кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены»[9].

Основными «добродетелями», в понимании Бецкого, были терпение, признательность и послушание, с помощью которых он рассчитывал «образовать новую по-

---

[8] С. В. Рождественский. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII—XIX веках. СПб., 1910, стр. 5.

[9] [И. И. Бецкой]. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества... СПб., 1766, стр. 5.

роду людей, свободных от недостатков общества»[10]. Но если Руссо мечтал путем воспитания в обособленной среде воссоздать независимого человека, гражданина равноправного общества, то Бецкой стремился тем же путем воспитать послушного и преданного подданного для удовлетворения новых нужд феодального общества, в частности в области умственного труда. «Будучи воспитаны под опекою нашею,— говорил он,— и уверены о усердном нашем участии в их благополучии, коликую во всю жизнь вдохнем мы в них благодарность!»[11]

Планы Бецкого получили всемерную поддержку императрицы. В 60—70-х годах в Петербурге и в Москве стали создаваться закрытые учебные заведения, куда принимались дети городской бедноты в возрасте пяти-шести лет, «с безвыходным в училищах пребыванием» до 18—20 лет. Аналогичные меры применялись и к привилегированным учебным заведениям.

При этом учащиеся были лишены права общения не только с посторонними, но и с родными, с тем, чтобы уберечь их от возможного влияния демократической среды, из которой они вышли. «Ибо неоспоримо, — говорится в «Генеральном учреждении о воспитании», — что частое с людьми без разбору обхождение... весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые ему примеры и образы добродетелей»[12]. Во главе ряда учреждений, получивших воспитательный характер, был поставлен И. И. Бецкой.

■

Академия художеств раньше других учебных заведений подверглась преобразованию. Еще в марте 1763 г. сенатским указом предписывалось И. И. Бецкому взять на себя руководство Академией художеств, а в декабре 1764 г., после утверждения академического регламента, он был назначен ее президентом. С первых

---

[10] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I. СПб., 1864, стр. 92.

[11] «С.-Петербургские ведомости», 6 февраля 1769 г. Прибавление.

[12] [И. И. Бецкой]. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества..., стр. 7.

же дней своего прихода в Академию художеств Бецкой приступил к усиленному насаждению нового духа. В апреле 1764 г. при Академии художеств было открыто воспитательное училище для малолетних «на основании генерального учреждения о воспитании детей» [13]. Каждые три года в это училище был открыт прием для 60 мальчиков из неимущих семей, которые передавались на попечение специально подобранному штату воспитателей. В течение девяти лет они обучались общеобразовательным предметам, а последующие шесть лет их распределяли по различным художественным и ремесленным классам в зависимости от проявившихся у них способностей.

Переход Академии художеств в ведение И. И. Бецкого ознаменовался существенными переменами в жизни учащихся старших классов, так же как и преподавательского состава. Широкие «воспитательные» планы нового руководства для них нередко оборачивались в мелкие придирки, которые вменялись им чуть ли не как государственным преступникам. В новых условиях изменился подход к искусству: свободному художественному творчеству противопоставлялись нужды культуры привилегированного класса, таланту — «благонамеренность». Само воспитание, которому уделялось столько внимания, понималось в духе угодливости и чинопочитания. Повышенная требовательность к «трудновоспитуемым» академическим питомцам сопровождалась суровыми дисциплинарными взысканиями, вплоть до телесных наказаний. В январе 1765 г. были исключены без аттестатов 30 учеников старших классов и студентов, якобы «по излишеству сверх оставленного числа при Академии» [14], хотя 12 человек из них на экзаменах в 1763 г. получили золотые и серебряные медали за отличные успехи в живописи, скульптуре и архитектуре [15]. Многие из исключенных были направлены на работу в Канцелярию от строений; шесть человек из наиболее способных живописцев и скульпторов получили

[13] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I, стр. 93.

[14] Н. Молева и Э. Белютин. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. М., 1956, стр. 349.

[15] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I, стр. 80—86.

назначение в «Порселинную мануфактуру» и составили основное ядро художников фарфорового завода [16]. Это были Алексей Артемьев, Федор Крестишин, Афанасий Крылов, Гаврила Никифоров, Иван Семенов, Андрей Соболев.

Нелепые распоряжения воспитательного характера, участившиеся дисциплинарные взыскания, неурядица в управлении, и, наконец, все большая зависимость академических работ от прихотей двора препятствовали росту художественного творчества у молодежи; они вызывали в ее среде недовольство и порой ропот. По-видимому, в Академии художеств появились какие-то шаржи или эпиграммы на новое начальство, вызвавшие со стороны руководства репрессии, которым подверглись многие учащиеся. В связи с этим в июне 1767 г. 21 студенту накануне окончания Академии художеств грозило исключение. Некоторые из них впоследствии стали знаменитыми мастерами: Федот Шубин, Федор Гордеев, Иван Ерменев, Семен Щедрин. В своем совместном заявлении на имя академического руководства они писали: «Состояние, в котором мы теперь находимся, весьма чувствительное для нас. Ибо, невзирая на невинность нашу, находимся мы в подозрении» [17]. Только после больших усилий со стороны преподавателей аттестаты об окончании были им вручены. Наиболее пострадавшим оказался Иван Ерменев, автор замечательных зарисовок, обличавших горе и нищету городской бедноты, из которой сам он вышел. По-видимому, он больше других навлек на себя подозрение: вместо аттестата первой степени и поездки за границу получил аттестат четвертой степени, выданный ему как «не удостоившемуся поведением, но успевшему пред протчими отлично в талантах» [18].

Притеснения распространялись и на преподавательский состав. Вскоре после своего прихода в Академию художеств в ноябре 1764 г. Бецкой затребовал себе «именную ведомость в самой скорости о всех чинах, состоящих ныне в сей Академии..., с показанием о

---

[16] Н. Молева и Э. Белютин. Указ. соч., стр. 107.

[17] «Русская академическая художественная школа в XVIII веке». М., 1934, стр. 93.

[18] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I, стр. 120.

каждом..., кто когда вступили, по чьим определениям..., особливо же о каждом изъяснить поступки и честное поведение во время пребывания его»[19]. Одним из первых, привлекших к себе внимание Бецкого, был молодой талантливый гравер Евграф Петрович Чемесов, известный в Академии художеств независимостью характера, демократизмом и пользовавшийся любовью учеников. Его усилиями преподавание в гравировальном классе, который он вел, было поднято на очень большую высоту. В то же время он занимал должность и конференц-секретаря. Кроме работы в Академии художеств, Чемесов был тесно связан с передовой общественностью Петербурга. В частности, рисованный его пером известный портрет основателя русского театра Федора Волкова он завещал Г. В. Козицкому и Н. Н. Мотонису, поскольку, как он писал, портрет изображал «самого любезного моего и их друга»[20].

Положение Чемесова в Академии художеств резко осложнилось в 1764 г. после одного непредвиденного случая, когда он послал своего ученика Ивана Пурышева за эстампом в лавку академического комиссионера Новикова. Этот поступок был воспринят как нарушение новых вводимых правил воспитания, ограничивавших прямые контакты учащихся с посторонними. Раздраженный Бецкой писал: «чтобы впредь подобного упущения не было, под опасением строгого взыскания»[21]. Бецкой усмотрел в Чемесове «неблагонамеренного» человека; начались придирки, интриги, вскоре его обошли по службе, а в январе 1765 г. он был освобожден от должности конференц-секретаря. На его место был назначен ставленник Бецкого секунд-майор А. М. Салтыков, человек тупой, ограниченных знаний и вовсе непричастный к искусству. Его «заслугой» было умение подчиняться и угадывать мысли начальства. Чемесов подал прошение об отставке, которое тут же и было удовлетворено. После его ухода из Академии художеств гравировальный класс, считавшийся лучшим, стал быстро терять свое значение, переходя в течение долгих лет из рук в руки русских и иностранных масте-

---

[19] «Библиотека для чтения», т. 158. СПб., 1860, стр. 13.
[20] Там же, стр. 16.
[21] Там же, стр. 13.

ров. Сам Чемесов, равных которому было немного среди европейских граверов XVIII в., перешел на канцелярскую работу в Кабинет императрицы, где уже находился в это время его друг Г. В. Козицкий. Но там он оставался недолго и в августе 1765 г. умер от приступа горловой чахотки, позабытый Академией художеств. Его даже не пригласили на торжественное открытие ее, состоявшееся за два месяца до его смерти, хотя там присутствовал большой круг людей, вплоть до придворных лакеев[22].

Недолго после Чемесова оставался в Академии художеств и другой талантливый русский художник, замечательный портретист Федор Степанович Рокотов. Он был близок к Чемесову, с которого, по-видимому, писал портрет[23], и лично знал Ломоносова. Независимо от успеха при дворе, где Рокотовым был удачно выполнен ряд портретов Екатерины II, в Академии художеств он был обречен на «надзирание над учениками». Бецкой не забывал крестьянского происхождения художника и держал его в черном теле. Ему, в частности, строжайше повелевалось не брать «никаких посторонних работ, которые... могут препятствовать в... должности»; его предупреждали, что в ином случае ему «надлежащее взыскание упущено не будет»[24]. Рокотов не избежал таких взысканий и вскоре уволился из Академии художеств и уехал в Москву[25].

Трагически сложилась судьба и другого талантливого художника, выдающегося зодчего Александра Филипповича Кокоринова. Чуть ли не с начала существования Академии художеств он бессменно занимал в ней должность директора и был душой всех ее преобразований и успехов. Тесно связанный в своих убеждениях и взглядах с передовой частью русской разночинной интеллигенции, он стремился, как сам об этом писал, использовать Академию художеств, чтобы создавать «обществу полезных членов, к трудам приобученных граждан и искусных художников к блаженству своему

---

[22] Там же, стр. 19.

[23] А. Михайлов. К биографии Ф. С. Рокотова.— «Искусство», 1954, № 6, стр. 76—78.

[24] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I, стр. 52.

[25] Н. Лапшина. Федор Степанович Рокотов. М., 1959, стр. 18.

и пользе общенародной»[26]. Благодаря его тщательному подбору педагогов и выработанному единому методу обучения Академия художеств в течение 60-х годов оправдала возложенные на нее надежды и выпустила целую плеяду молодых мастеров, высоко поднявших престиж русского искусства. Одновременно Кокоринов прилагал много усилий, пытаясь облегчить участь учащихся и молодых педагогов. По его инициативе стали действовать постоянные аукционы для продажи их работ, и им же передавалась значительная часть выручки.

С приходом в Академию художеств Бецкого положение Кокоринова как директора резко ухудшилось. Всем своим поведением и образом мыслей он не мог поладить с новым начальством, видевшим главную задачу Академии художеств в удовлетворении нужд двора. Он испытывал постоянные трения с Бецким, порой перераставшие в острые конфликты. В разгаре одного из таких столкновений Бецкой наговорил ему много резкого и обидного, а несколько недель спустя, в марте 1772 г., Кокоринов, перенесший сильное нервное потрясение, повесился на чердаке академического здания[27]. Его похороны превратились в выражение единомыслия с погибшим зодчим. Большое число его почитателей заполнило залы и коридоры Академии художеств. Кроме всех ее членов и учащихся, здесь было много представителей петербургской общественности, интеллигенции, купечества; отсутствовал только Бецкой[28].

В таком же тяжелом положении, как и Кокоринов, оказался его преемник на посту академического директора, выдающийся художник, создатель русской исторической живописной школы Антон Павлович Лосенко. Он принадлежал к той могучей когорте молодых деятелей искусства, которых сумела выпестовать Академия художеств в начальный период своей деятельности. В 1769 г. Лосенко вернулся в Петербург после длительного пребывания в Париже и Риме, где он много потрудился над рисунками и над изучением произведе-

---

[26] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I, стр. 152.

[27] «Русский биографический словарь». Том: Кнаппе — Кюхельбекер. СПб., 1903, стр. 65.

[28] «Нива», 1870, № 52, стр. 826.

ний античности и Возрождения. В Петербурге его талант и зрелое мастерство взволновали передовую общественность. Один из его поклонников, по-видимому, Л. И. Сичкарев, увидел в этом крестьянском сыне «Россиянина, обещающего нам Рафаэля»[29]. Все творчество Лосенко было проникнуто передовыми идеями эпохи Просвещения. В своих произведениях исторического жанра он сумел поднять злободневные для того времени вопросы политической жизни страны и решал их в духе осуждения произвола и тирании. В знаменитой картине «Владимир и Рогнеда», законченной в 1770 г., художник смело отошел от общепризнанных тогда античных сюжетов и перенес действие в родное прошлое, заимствуя его из «Древней российской истории» М. В. Ломоносова[30]. В круг его ближайших друзей, деливших с ним его волнения и думы, входили тогда Кокоринов, Козицкий, Румовский, актер И. А. Дмитриевский, иногда позировавший ему, а также друг Дидро, французский скульптор Фальконэ, работавший в те годы в Петербурге над монументом Петру I.

В Академии художеств Лосенко сразу же был загружен огромной педагогической работой, ведя одновременно натурный класс и класс исторической живописи. В помощь своим ученикам он составил первое в России теоретическое пособие: «Изъяснение краткой пропорции человека, основанной на достоверном исследовании разных пропорций древних статуй, старанием... профессора живописи г. Лосенко для пользы юношества, упражняющегося в рисование, изданное». «Изъяснение» сопровождалось рисунками автора, награвированными академическими воспитанниками Степаном Паниным и Гавриилом Скородумовым[31]. Успех книги Лосенко был большим, и несколько поколений академических питомцев училось по ней. По мере того как расшатывалось здоровье Кокоринова, Лосенко все больше втягивался в административные дрязги; он также не избежал интриг и столкновений с Бецким.

Уже в конце 1770 г. положение Лосенко стало чрезвычайно тяжелым. «Многие и в том числе г. Козицкий,

[29] «Смесь», л. 28. СПб., 1769, стр. 221.

[30] «Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников XVIII века». М., 1952, стр. 113—114.

[31] Там же, стр. 118.

говорят мне, — сообщает Фальконэ, — да сделайте же что-нибудь для этого бедного Лосенко»[32]. И Фальконэ пишет императрице: «Речь идет о Лосенко, искусном, честном, несчастном человеке... Преследуемый, утомленный, опечаленный, измученный тьмою академических пустяков, ни в какой академии не касающихся профессора, Лосенко не в состоянии коснуться кисти; его погубят несомненно. Он, талантливейший среди своих соотечественников живописец; к этому остаются нечувствительны, им жертвуют»[33]. Но Екатерина II осталась глуха к призыву французского скульптора. После смерти Кокоринова Лосенко заменил его на посту директора, и положение его еще больше ухудшилось: усилились трения с Бецким и административные дрязги. Оторванный от художественного творчества, измученный, удрученный, Лосенко вскоре заболел и в конце 1773 г. на 36-м году жизни умер, не завершив начатых работ. Смерть выдающегося художника и общественного деятеля глубоко потрясла передовые круги русской интеллигенции. Его ученик Иван Акимович Акимов вспоминал впоследствии, что «после таковой потери обучавшиеся погружены были в уныние и мало кому доверяли»[34].

После кончины Лосенко руководство учебной частью Академии художеств окончательно перешло в руки чиновников, не имевших никакого отношения к искусству. Директором был назначен отставной полковник А. О. Закревский, племянник графа К. Г. Разумовского, и все его достоинство, как и конференц-секретаря А. М. Салтыкова, заключалось в умении угождать начальству и безоговорочно выполнять его указания. В Академии художеств наступила пора административного произвола. Одной из его очередных жертв стал инспектор Воспитательного училища Кирилл Иванович Головачевский. Придя вместе с Лосенко в Академию художеств, он вскоре стал хорошим живописцем и педагогом; в 1765 г. он получил звание академика, а в 1773 г. был уволен только за то, что просил освободить его от одной из бесчисленных обязанностей. Так расправлялся Бецкой с педагогами, чьи методы противоре-

---

[32] Сб. РИО, т. XVII. СПб., 1876, стр. 124.
[33] Там же, стр. 123.
[34] «Северный вестник», 1804, ч. I, стр. 351.

чили его замыслам. Головачевский писал в Академический совет: «Удар, который я в неописанной моей печали получил... отнятием места и пропитания, побуждает меня прибегнуть к вашему милосердию и, представя о службе моей, просить милости, от которой зависит все мое благополучие»[35]. Но Совет был бессилен помочь; только в 1783 г. Головачевского удалось вернуть в Академию художеств.

Вторая половина 70-х — 80-е годы ознаменовали собой период упадка в деятельности Академии художеств. Многие из учащихся, принятые в возрасте пяти-шести лет, в дальнейшем не проявили достаточных художественных способностей. Воспитанные в замкнутой среде, изолированные от народа, они доказали на себе всю порочность нового метода воспитания. В 1783 г. сам Бецкой вынужден был констатировать, что выпускаемое из Академии художеств юношество навлекает «бесславие на наше воспитание», ибо, вместо творческих замыслов, в него вселено «непристойное рвение к получению чинов академических»[36].

■

Смерть М. В. Ломоносова 4 апреля 1765 г. явилась как бы сигналом правящим кругам для начала расправы с Академическим университетом и Академической гимназией. Застрельщиком таких мероприятий был старый противник Ломоносова, хитрый и властолюбивый чиновник от науки И. И. Тауберт. После того как не стало Ломоносова, он фактически остался главным заправилой в академической канцелярии, в его ведение перешли академические учебные заведения. Будучи непримиримым противником ломоносовских традиций, он пользовался в своих действиях покровительством влиятельных особ при дворе новой императрицы. Отличаясь повышенной способностью улавливать предначертания «сверху», Тауберт, не дожидаясь соответствующего распоряжения, по своей инициативе в конце апреля 1765 г. организовал при Академии наук Воспитательное училище для 30 мальчиков в возрасте пяти-шести лет, детей

---

[35] Н. Молева и Э. Белютин. Указ. соч., стр. 355.

[36] «Сборник материалов для истории С.-Петербургской академии художеств», ч. I, стр. 259.

петербургской бедноты. В своей объяснительной записке он говорил, что в данном случае им руководило стремление следовать «высочайше предписанному плану о воспитании юношества, последуя во всем апробованному ее величеством регламенту Академии художеств..., поколику оный и для [Академии] наук служить может основанием» и дать молодым людям «прямое в благонравии воспитание»[37]. Статс-секретарь Г. Н. Теплов, которому было поручено осмотреть это новое учреждение, в своем донесении указывал, что оно во всем сходно «с высочайшим намерением» и является «точной копией» Воспитательного училища при Академии художеств[38], т. е. того, которое было создано Бецким.

Однако на этот раз Тауберт просчитался. Он не предугадал намерений императрицы и ее окружения в отношении академических учебных заведений. Екатерина II была раздражена инициативой слишком ретивого льстеца, которую он осуществил «самовольно и без апробации[39]. Дело в том, что правящие круги имели намерение вовсе прекратить деятельность академических учебных заведений, являвшихся основным рассадником ломоносовских традиций и просветительского духа. Это и было осуществлено в последующие два-три года, хотя Воспитательное училище, так некстати созданное Таубертом, и просуществовало еще несколько лет.

В 1766 г. были внесены существенные изменения в структуру руководства Академии наук. Всевластная канцелярия Академии наук была упразднена, вместо нее учреждалась комиссия из шести академиков, в состав которой вошли и два ученика Ломоносова: С. К. Котельников и С. Н. Румовский. Тауберт, управлявший канцелярией, автоматически отстранялся от дел. Казалось, наконец-то власть переходила к самим ученым, но на деле все обстояло иначе: за несколько дней до создания комиссии была учреждена новая должность директора, которому фактически и вверялась полнота власти, а комиссия получила скорее консультативный характер. При этом должность президента сохранилась, но стала чисто номинальной. Тогда же был подписан указ о назначении директором Академии наук младшего брата

[37] ЧОИДР, 1866, кн. IV, стр. 126.
[38] Там же, стр. 125.
[39] Там же, стр. 127.

фаворита, графа В. Г. Орлова. В указе упоминалось о великих непорядках в Академии наук и указывалось на стремление императрицы взять это учреждение «в собственное свое ведомство для учинения в ней реформы к лучшему и полезнейшему ее поправлению»[40].

В отношении академических учебных заведений эти «реформы» начались сразу после смерти Ломоносова до установления директорской власти. Уже в мае 1765 г. Тауберт приступил к реорганизации существовавших порядков в университете, пытаясь ввести, как он выразился позднее, «иной распорядок, соответствующий намерению Академии»[41]. В результате 9 студентов из 17, обучавшихся тогда в университете, приняли решение о выходе из Академии наук: Гур Иванов, Андрей Луковников, Василий Матвеев, Иван Мошков, Петр Степанов, Николай Стрежнев, Абрам Телегин, Василий Федотьев и Григорий Шпынев. Все они были учениками Ломоносова и находились в университете в течение четырех-пяти лет. В своем совместном заявлении, датированном 25 мая 1765 г., они писали, что, «не имея склонности более обучаться наукам, просят, чтоб их из университета выключить»[42]. Трое из них были оставлены при Академии наук, остальные определены в различные ведомства «к приказным делам»[43]. Четыре других ученика Ломоносова, студенты Венедиктов, Иноходцев, Светов и Юдин, благодаря ходатайству профессора А.-Л. Шлецера, в июне 1765 г. были посланы за границу в Геттингенский университет для совершенствования знаний. Таким образом, к середине 1765 г. в Академическом университете осталось четыре студента, а затем всего лишь три, которые и были переведены в гимназию. Фактически во второй половине 60-х годов Академический университет прекратил свое существование, и, по свидетельству Е. С. Кулябко, «с 1766 г. и до конца столетия мы не находим более в академических протоколах никаких распоряжений» о нем[44].

---

[40] «Русская старина», 1896, вып. IX, стр. 457.
[41] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 476, л. 435.
[42] Там же, кн. 290, л. 139.
[43] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук. М.— Л., 1962, стр. 155 и сл.
[44] Там же, стр. 128.

Существенные изменения были внесены в деятельность Академической гимназии. По-видимому, положение дел в ней к началу 1765 г. было удовлетворительным. В ней обучалось 48 учеников на казенном «коште» и 58 приходящих[45]. Однако уже в конце мая 1765 г. Тауберт стал проводить «реформы», направленные на «воспитание назначенного к наукам юношества» в соответствии с правилами, изложенными в «Генеральном учреждении о воспитании» Бецкого. Тогда же 18 учеников из старших классов оказались уволенными по причине «непорядочного поведения и превосходящих надлежащие лета»[46]. С остальных же 30 человек 1 ноября 1765 г. была взята следующая подписка: «чувствуя высочайшее ее императорского величества к нам милосердие и желая соответствовать намерению пекущихся о будущем нашем благополучии, обещаем мы отныне исправить свою жизнь и, при крайнем прилежании к учению, удаляясь от всяких пороков и подлых поступков, друг друга поощрять к благонравию и честному поведению. Ежели же между нами окажется умышленный и никакими увещаниями неисправляемый пренебрегатель сего нашего обещания, то мы сами просить будем, дабы оной, в страх и пример другим, с публичным бесчестием извержен был из нашего числа и общежития». Среди 26 подписавшихся под этим документом значатся имена видных впоследствии ученых, таких, как Василий Федорович Зуев и племянник Ломоносова Михаил Евсевьевич Головин[47].

В следующем году положение резко ухудшилось. В начале 1765 г. был снят с должности главного инспектора гимназии профессор С. К. Котельников, являвшийся горячим защитником интересов и нужд учащихся. На его место был назначен человек из окружения Тауберта, Л.-И. Бакмейстер. Далее последовало увольнение и конректора гимназии, воспитанника Академического университета Назара Герасимова. Он был заменен на этой должности также немецким ученым И.-Г. Стриттером. Вскоре был уволен учитель латинского языка, препода-

---

[45] Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук, стр. 123, 125.

[46] Д. А. Толстой. Академическая гимназия в XVIII столетии. СПб., 1886, стр. 49.

[47] Там же, стр. 56—57.

вавший в гимназии с 1760 г., Михаил Студинский, а затем и учитель немецкого языка Иван Прытков. Оба они были воспитанниками Академического университета и последователями Ломоносова. Назначенный на пост главного инспектора гимназии профессор И.-Э. Фишер был человеком озлобленным и старым недругом ломоносовских порядков и традиций. Его появление в гимназии еще больше усугубило положение учащихся: усилились притеснения, участились телесные наказания, ухудшились материальные условия. Нарастало недовольство среди учащихся, которое и нашло свое выражение в поджоге здания гимназии в октябре 1767 г. Это был коллективный протест гимназистов старших классов против недопустимых ограничительных мер, которые применялись в отношении их [48].

Началось следствие, в результате которого два гимназиста старших классов — сын дворового служителя из крепостных Василий Замараев и сын придворного певчего Тихон Шпилевский — были взяты «под крепкий караул»; в отношении остальных в протоколе говорится: «со двора спущать не велеть», кроме того, «для предосторожности впредь как от подобного сему злодеяния, так и для других обстоятельств поставить караул, сверх находящегося у ворот того двора и в сенях» [49]. Дело о «зажигании в разных числах октября 1767 г. Академического дому» [50] было передано на рассмотрение в Сенат, затем вновь разбиралось директором Академии наук В. Г. Орловым. В результате пять гимназистов были исключены [51], а другие назначены на различные должности. В конце 60-х годов в гимназии оставалось всего лишь несколько человек, и вскоре она разделила судьбу университета [52].

Преследования, обрушившиеся на некоторых учащихся Академического университета и Академической гимназии распространились и на бывших воспитанников этих учебных заведений, работавших в Академии наук. В частности, эти преследования оказались особенно ощутимыми для тех, кто был зачислен в Исторический

[48] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6451, л. 55.
[49] Д. А. Толстой. Указ. соч., стр. 67.
[50] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6451, л. 55.
[51] Д. А. Толстой. Указ. соч., стр. 67.
[52] Там же, стр. 69 и сл.

департамент. Чиновники, руководившие Академией наук, видели в них распространителей демократических идей. Антагонизм со стороны академического руководства в отношении русских молодых ученых, занимавшихся естественными науками, несколько смягчался практическими достижениями в их научной деятельности, нужными для дворянского государства. В общественных науках острота конфликта была более ощутима, прежде всего в области отечественной истории, в изучении которой, по мнению начальства, проявлялся освободительный дух.

■

Одной из первых жертв академических реакционных кругов был И. С. Барков, ученик и сподвижник Ломоносова в развитии исторических знаний в России, а также одаренный переводчик и талантливый поэт. Весной 1766 г. по распоряжению Тауберта он был уволен из Академии наук, а в 1767 г. вышла подготовленная им к печати «Летопись Нестора по Кенигсбергскому списку». Но академические чиновники не сочли даже нужным упомянуть имя того, кто трудился над ее изданием. В дальнейшем эта публикация вызвала много справедливых нареканий за имеющиеся в ней неисправности. Правда, по свидетельству Шлецера, вина в этом в значительной мере лежит на Тауберте, «не истинном ученом по профессии», «приказывавшем» Баркову править и обновлять древний текст [53]. После ухода Баркова из Академии наук сведения о нем теряются. Однако существует предание, которое гласит, что в 1768 г. после долгих мытарств и разочарований в возрасте 36 лет Барков покончил жизнь самоубийством.

Во второй половине 60-х годов в Академии наук стали свертываться столь успешно начатые археографические работы молодых русских ученых. Вторая часть «Русской летописи по Никонову списку», вышедшая в свет в 1768 г., была последней научной публикацией, выполненной Башиловым и его помощником Поленовым. Третья и последняя часть этого издания, как известно,

[53] «Общественная и частная жизнь Августа-Людвига Шлецера, им самим описанная».— «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XIII. СПб., 1875, стр. 59—60.

вышла с большим опозданием, в 1786 г., и была подготовлена к печати другими лицами.

К концу 1769 г. Башилов, историк и переводчик французских энциклопедистов, фактически оказался не у дел и в декабре был уволен из Академии наук с вручением ему «приличного его званию и оказанным в Академии заслугам аттестата»[54]. После ухода из Академии наук Башилов определился на должность сочинителя в Комиссию для сочинения проекта нового Уложения. В апреле 1770 г., по-видимому, при содействии друзей и единомышленников, бывших воспитанников Академического и Московского университетов, работавших в Сенатской канцелярии, Башилов был принят в Сенат секретарем 4-го департамента[55]. Однако здесь он прослужил недолго. На 29-м году жизни Башилов умер от туберкулеза.

Тогда же прекратилась научная деятельность и помощника Башилова по публикации второй части Никоновской летописи Поленова. Несколько раньше, находясь в заграничной научной командировке, Поленов выражал удивление, что «господа профессоры так мало почитают свободные науки, особливо знатнейшую их часть, т. е. исторические знания»[56]. После возвращения в Петербург во второй половине 60-х годов для него стала очевидной несвоевременность избранной им научной деятельности. Вместо изучения древних текстов, в частности, касавшихся истории права, ему пришлось заняться кропотливой корректорской работой, заключавшейся в том, чтобы «свидетельствовать печатаемые при Академии наук для партикулярных людей разного рода на российском языке сочинения и переводы»[57].

Понимая невозможность применения своих знаний на пользу отечественной науки, Поленов писал об этом своему учителю и другу Козицкому. Он сообщал ему о своем возмущении тем, что академические чиновники в его присутствии утверждали, что якобы он «совсем не годен при Академии»[58], так же как и изученные им юридические науки. В 1771 г. Поленов был уволен из Ака-

---

[54] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, кн. 322, л. 158.
[55] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6460, л. 94.
[56] «Русский архив», 1865, стб. 710.
[57] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 11, № 10/2, л. 1.
[58] «Русский архив», 1865, стб. 729.

демии наук и перешел в Сенатскую канцелярию, сначала на должность переводчика, а затем секретаря [59].

В Сенате основательные юридические знания и незаурядные способности Поленова получили благоприятную оценку. Они способствовали довольно быстрому его продвижению до высокого поста обер-секретаря Сената. Еще в 60-х годах, будучи студентом, он выражал опасения по независимым от него обстоятельствам оказаться вынужденным переменить научное поприще на административное. Поленову не удалось уберечь себя от этого. Будучи в Сенате, он больше уже не возвращался к своей научной и просветительской деятельности.

Тяжело сложилась участь и двух других молодых историков: Василия Венедиктова и Василия Светова. Оба они, как известно, воспитывались в Академическом университете и имели «особливую склонность и охоту обучаться историческим наукам и языкам» [60]. В 1765 г. они были посланы в Геттингенский университет с целью «обучаться истории и другим, принадлежащим к ней наукам» [61]. Там они успешно занимались историей, а в 1769 г., вернувшись в Петербург, фактически оказались в Академии наук ненужными. Сначала их определили учителями младших классов в гимназию, а затем перевели в переводческую экспедицию Академии наук, где им поручили вести однообразную канцелярскую работу [62]. Здоровье Венедиктова было надорвано обидами и лишениями. В 1771 г. он умер от обострения туберкулеза, так и не успев сделать что-либо значительное в науке [63].

Светов пробыл в должности переводчика до конца своей жизни. За это время им было написано несколько нужных учебников по русскому языку и переведено несколько ценных исторических работ, в частности четырехтомные «Известия византийских историков, объясняющих Российскую историю древних времен...», составленные И.-Г. Стриттером, учеником Шлецера (СПб., 1770—1775). Это был важный для своего времени труд, оказавший большую услугу русскому читателю, которо-

---

[59] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6470, л. 833.
[60] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 9, № 126, л. 10.
[61] Там же, № 1024, л. 1.
[62] Е. С. Кулябко. Указ. соч., стр. 128 и др.
[63] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 9, № 918, л. 1, 9.

го он впервые знакомил с византийскими источниками, относящимися к отечественной истории.

70-е годы были особенно тяжелыми в жизни Академии наук, когда административный произвол, казалось, не имел предела. В связи с некоторыми изменениями при дворе в 1772 г., вызванными сменой фаворитов, граф В. Г. Орлов был отстранен от занимаемой им должности директора Академии наук. Только в 1775 г. на его место был назначен С. Г. Домашнев, дворянский идеолог, ранее подвизавшийся на литературном поприще и располагавший крепкими связями при дворе. Это был человек властолюбивый, грубый, самоуверенный и малообразованный. Академик К. С. Веселовский о нем писал: «Не имея ясного понятия о том, как возникают и зреют труды, направленные к расширению человеческих знаний, Домашнев принимал на себя непосильное для него дело — руководить учеными в их кабинетных занятиях, указывать им новые задачи для их исследований, контролировать их научную деятельность»[64]. В связи с этим на академических работников обрушилась волна невыполнимых требований, суровых наказаний и выговоров. Одной из жертв его самоуправства стал даровитый химик Никита Петрович Соколов, сначала учившийся в Троицкой семинарии, а затем в Академии наук. Его незаурядные способности ярко проявились во время одной из научных экспедиций 1768—1774 гг., когда он сопровождал известного натуралиста П.-С. Палласа. В Академии наук Соколов, как он сам об этом писал, терпел «безвинно великие утеснения»[65] от невзлюбившего его Домашнева. Эти гонения простирались вплоть до содержания его под арестом.

Для Домашнева не существовали ни научные авторитеты, ни сложившиеся в Академии наук традиции. Своей личной властью он назначал и смещал академиков, требовал от них чуть ли не повседневных отчетов по выполненной ими научной работе. Вся академическая деятельность при нем стала регламентироваться административными методами. Антагонизм между учеными и чиновниками возрастал и препятствовал дальнейшему

---

[64] К. С. Веселовский. Борьба академиков с директором С. Г. Домашневым.— «Русская старина», 1896, кн. IX, стр. 461.

[65] М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. III. СПб., 1876, стр. 131.

развитию науки. По распоряжению Домашнева был отстранен от заведования кабинетом естественной истории академик С. К. Котельников. Кроме того, как сообщает сам Котельников, Домашнев отнял у него «безвинно половину ежегодного жалованья и весьма ощутительным образом дал... почувствовать действие своего... неблаговоления»[66].

Случай с Котельниковым переполнил чашу терпения академиков. «После того, что случилось с Котельниковым,— говорилось в их петиции,— академики должны страшиться позже или ранее со стороны г. директора, под каким-нибудь предлогом, сокращения их жалованья» и других возможных «деспотических действий»[67]. Обстановка в Академии наук предельно накалилась. Нависшая угроза сплотила академиков, несмотря на имевшиеся между ними расхождения. «Мятеж ученых» возглавил академик Леонард Эйлер. Екатерина II не могла дольше оставаться в стороне от конфликта, поскольку престижу «просвещенной» монархини угрожала опасность. В 1782 г. Домашнев был смещен со своей должности и на его место назначена одна из приближенных императрицы, княгиня Е. Р. Дашкова, женщина тщеславная, способная к более гибкому обращению с подчиненными.

■

Внимание правящих кругов привлекла обстановка, сложившаяся к началу 70-х годов в Московском университете. К этому времени после фактического закрытия Академического университета и начавшихся изменений в организации Академии художеств Московский университет оставался едва ли не единственным очагом разночинной интеллигенции. Известно, что еще в ноябре 1765 г. императрица уведомила университетских профессоров о ее желании получить их мнение о дальнейших путях развития университета[68], которое и было ей представлено[69]. В личных беседах она предусматривала возмож-

---

[66] М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. III, стр. 298.

[67] К. С. Веселовский. Указ. соч., стр. 471.

[68] «Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века», т. II. М., 1960, стр. 200.

[69] ЧОИДР, 1875, кн. 2, стр. 189 и сл.

ность превращения университета в закрытое привилегированное учебное заведение типа Смольного института благородных девиц [70]. Однако слабый приток дворян в университетские аудитории в эти годы, по-видимому, явился одной из причин, помешавших осуществлению этих замыслов. Дворяне охотно записывались в университетскую гимназию, но редко оставались там дольше трех-четырех лет, после чего вместо продолжения занятий шли на более выгодную для них военную или гражданскую службу [71].

В 1771 г. в университете торжественно принимали нового куратора, человека, близкого ко двору, И. И. Мелиссино. В своем вступительном слове, обращенном к профессорам, он говорил о чрезвычайной важности «правильного воспитания и учения» юношества в обеих гимназиях, об их ответственности за «отвращения и истребления» мыслей, создающих «препятствия добрым нравам». Касаясь далее отношения профессоров к университетскому руководству, Мелиссино призывал их «угасить искру несогласия», если таковая имеется, и впредь оставить всякое недоверие, «ибо в ученом обществе редко тот с пользою отправляет свое звание, кто ходит, как говорит Гораций, по огню, в пепле скрытому» [72]. Чтобы разъяснить эти несколько туманно выраженные мысли, им был тогда же опубликован документ, озаглавленный «Способ учения», где прямо говорилось, что «никто, не имеющий воспитания («благонамеренного» образа мыслей.—*М. Ш.*), сам других воспитывать не может» [73]. Возможно, что именно такое несоответствие между образом мыслей наставника и воспитательной программой вызвало желание оставить университет у наиболее одаренного молодого профессора Ивана Третьякова. Летом 1773 г. Третьяков собрался уходить из Московского университета в «статскую службу» [74]. Как и многие другие ученые тех лет, он подал заявление в Сенатскую канцелярию, однако этот переход не состоялся, и, как сообщает М. Т. Белявский, он

---

[70] «История Московского университета», т. I. М., 1955, стр. 39.
[71] Там же, стр. 38.
[72] «Вестник Европы». М., 1828, № 9, стр. 66.
[73] С. Шевырев. История Московского университета. М., 1855, стр. 180.
[74] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 5565, л. 348.

продолжал работать в университете до своей смерти. Он умер в 1776 г., на 41-м году жизни.

Содержание новой программы воспитания, принятой в университете, красноречиво поясняет «Устав, к наблюдению которого все университетские студенты обязуются письменно», опубликованный в 70-х годах[75] на русском и латинском языках. Согласно этому документу, студенты, принятые в университет, давали подписку «жить во страхе господнем, который есть начало премудрости; не лицемерно придерживаться христианския веры...», постоянно совершенствоваться «чрез ближайшее чтение книг ветхого и нового завета, просвещать и освящать сердце свое спасительными истинами евангельского учения» и т. п. Кроме того, устав требовал от студентов «свято хранить верность» императрице, постоянно быть ей благодарным, «считать наилучшим введенный... образ правления» и «паче же всего блюстись подозрительных знакомств и обществ, яко опаснейшей заразы благонравия»[76]. В подобных условиях сохранение ломоносовских традиций в науке встречало все больше трудностей.

Однако только в конце 70-х годов, после открытия при университете Благородного пансиона, имевшего целью «обратить дворянство к общественному воспитанию»[77], студенческий состав в нем начал меняться в пользу дворян. Один из питомцев этого пансиона, Н. В. Сушков, писал впоследствии, что это учебное заведение превратилось «как бы в оплот против безверия Вольтеров, Дидеротов и Даламберов, против лжемудрия германских и английских философов...»[78] Иными словами, Благородный пансион стал оплотом сил, боровшихся против книг, которые переводила разночинная интеллигенция, т. е. против распространяемых ею идей.

■

Те же вопросы, связанные с новыми педагогическими методами, рассчитанными на координацию нравственного воспитания с просвещением, стояли и перед привиле-

---

[75] «История Московского университета», т. I, стр. 39.

[76] «Устав, к наблюдению которого все университетские студенты обязуются письменно» [б. м. и г.].

[77] Н. Сушков. Воспоминания о Московском университетском благородном пансионе. М., 1848, стр. 39.

[78] Там же, стр. 37.

гированными учебными заведениями. Прежде всего они коснулись Сухопутного кадетского корпуса, являвшегося в XVIII в. главным рассадником дворянской интеллигенции. В марте 1765 г. императрица лично взяла на себя руководство им, желая, как говорится в указе, «под собственным своим распоряжением» создать такое учебное заведение, где «обучение благородного юношества ближайше соответствовало воспитанию оного с тем намерением, для которого сие училище... установлено»[79]. Там же указывалось, что для осуществления этой цели генерал-директором корпуса был назначен все тот же И. И. Бецкой.

Незадолго до вступления Бецкого на эту должность был опубликован другой указ, менявший и самые задачи, поставленные перед Сухопутным кадетским корпусом. В этом указе говорилось, что корпус представляет собой «не одно военное, но и политическое и гражданское училище»[80]. Иными словами, от корпуса требовалось готовить впредь не только военных, но и гражданских служащих из дворян, способных в дальнейшем в известной мере заменить выпускников-разночинцев Академического и Московского университетов, исправлявших должности протоколистов, секретарей и т. п. в центральных учреждениях государственного аппарата. Эта мысль была ясно выражена и в «Рассуждении, служащем руководством к новому установлению шляхетного кадетского корпуса», опубликованном Бецким в 1766 г. Там прямо указывалось, что «Академия наук и Московский университет весьма разнствуют в своих основаниях от того намерения, с каким шляхетное сие училище учреждается». Далее пояснялось, что от питомцев первых двух учебных заведений в знаниях требовалось «того достигать, чтоб они других обучать могли», т. е. становились бы учителями. Что касается кадетов, то им, «напротиву того, довольно знать, каким образом теми науками пользоваться... в воинских делах и гражданских должностях»[81], т. е. применительно к той государственной службе, к которой их готовят.

---

[79] ПСЗ, т. XVII, № 12349.

[80] Там же, № 12338.

[81] «Устав Шляхетного сухопутного кадетского корпуса», СПб., 1766, стр. 6.

В соответствии с такой постановкой вопроса об образовании дворянской молодежи, менялся и организационный порядок корпуса: вместо ранее существовавших рот было создано пять «возрастов». В «первый возраст» принимались дети не старше шести лет; переходы в последующие «возрасты» происходили через каждые три года. Начиная с «четвертого возраста» и в зависимости от «склонности и понятия» кадетов, их определяли в военный или гражданский штат — отделение, где они и проходили соответствующие науки[82]. Таким образом, молодые дворяне оставались в стенах корпуса не менее 15 лет, воспитываясь «в страхе божием» и послушании. Причем в течение всего этого времени им даже запрещали отлучаться со двора корпуса, поскольку случайные встречи и общения с людьми другой общественной среды, с трудовым народом, могли повлиять на их взгляды, привычки и склонности[83].

В новом уставе корпуса, принятом в 1766 г., особо подчеркивалась необходимость «украсить сердце и разум» недорослей не только знаниями, но и правилами воспитания, совершенно необходимыми как будущему воину, так и будущему государственному чиновнику. Эти правила должны были вытекать из идеологии привилегированного класса и отражать образ мыслей правящих кругов. В связи с этим новое руководство корпусом уделяло особое внимание подбору учителей. Как указывалось в новом уставе, от них требовалось, чтобы они «не токмо в науках были искусны, но и юношеству бы во всем примером служить могли». Но тут же не без сожаления констатировалось, что «подобные качества редко в одном человеке случаются»[84].

И действительно, мышление передовых учителей корпуса далеко не всегда соответствовало нормам дворянского мировоззрения. Инакомыслящие учителя порой возражали против новой политики правящих кругов в отношении воспитания и просвещения. Примером тому служит памфлет, распространившийся в рукописях в их среде и озаглавленный «Сон, виденный в 1765 году, ген-

---

[82] А. Висковатов. Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832, стр. 39 и сл.

[83] П. М. Майков. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904, стр. 369.

[84] «Устав Шляхетного сухопутного кадетского корпуса», стр. 7.

варя 1-го»[85]. Его автором был один из учителей Сухопутного кадетского корпуса, Федор Александрович Эмин, к тому времени успевший перейти на должность переводчика в Коллегию иностранных дел. Произведение Эмина представляет собой острую сатиру на Бецкого и его приспешников, которых он резко критикует за внедрение новых методов воспитания. В заключение он высказывает такое пожелание: «Ах, сохрани боже наше юношество от такого безумного управителя, какого имеют молодые соболи (дворяне. — *М. Ш.*), и я всем сердцем желаю, чтобы он попался в петлю»[86].

Конечно, такие настроения среди учителей обостряли их взаимоотношения с новым руководством. Остались неизвестными мотивы, побудившие в конце 60-х — начале 70-х годов ряд учителей покинуть корпус. Думается, что их враждебное отношение к новым порядкам было не последней тому причиной. Новое руководство корпусом в свою очередь настороженно относилось к учителям — сторонникам просветительских идей. Оно опасалось их влияния на молодые умы кадетов и пыталось по мере возможности заменять их иностранными учителями и армейскими офицерами из дворян. По-видимому, на это обстоятельство и намекал Эмин в своем памфлете «Сон», когда говорил о «диких зверях», которые занимали места «прежних управителей», т. е. учителей и воспитателей[87].

Увольнения учителей из корпуса особенно участились в начале 1769 г., после того как был завершен первый выпуск кадетов, уже воспитанных новым методом. В марте того же года одновременно было освобождено от занятий в корпусе 13 учителей[88]. Среди них оказались и бывшие студенты Московского университета, взятые в корпус для преподавания кадетам в 1762 г., Иван Макаревский, Иван Рыбников и Максим Тихомиров, хотя свои обязанности они исполняли «с надлежащим рачением и успехами...»[89] Их положение оказалось особенно тяжелым, потому что взятые из университета фактически по наряду, «а не самопроизвольно и не по контракту»,

---

[85] «Русский архив», 1873, кн. 2, стб. 1910 и сл.
[86] Там же, стб. 1927.
[87] Там же, стб. 1926.
[88] ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 3402, л. 30.
[89] Там же, д. 3400, л. 58.

они не получили в свое время соответствующих чинов, необходимых для поступления на государственную службу. Поэтому после своего ухода из корпуса они писали, что, «будучи, и поныне без места, пришли теперь в крайнюю бедность и разорение, да и впредь вскоре определиться надежды не имеем»[90]. Руководство корпусом вынуждено было пойти им навстречу, и в том же году они получили чины городских секретарей[91], что соответствовало предпоследнему классу по «Табели о рангах».

Вскоре затем очередным приказом велено было за выпуском «ныне кадет от корпуса уволить» еще двух учителей[92]. Речь шла о Петре Семенове и Семене Гамалее. Первый был воспитанником Славяно-греко-латинской академии и Московского университета и переводчиком известного французского исторического словаря, составленного Лавоком; второй — воспитанником Киевской академии и Академического университета, также занимавшимся переводами исторических книг. Хотя политическим и философским взглядам Гамалея была свойственна большая умеренность, тем не менее среда, из которой он вышел, по-видимому, компрометировала его в глазах начальства.

В силу тех же причин, вероятно, оставил корпус и Владимир Золотницкий, чей образ мыслей был близок взглядам Гамалеи. Воспитанник Киевской академии, а затем Московского университета Золотницкий с 1762 г. вел большую педагогическую работу в корпусе; он приобрел известность как автор и переводчик многих книг, свидетельствовавших об умеренности его политических и философских взглядов. Тем не менее литературная деятельность Золотницкого, проявленная им в период его пребывания в корпусе, по-видимому, была причиной его отстранения от учительской должности[93]. Из Сухопутного кадетского корпуса он перешел на должность переводчика в Московскую камер-коллегию, откуда в 1771 г. вышел на военную службу в полевые полки с чином

---

90 ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 3400, л. 58.

91 Там же, д. 3417, л. 2.

92 Там же, д. 3452, л. 46.

93 Там же, д. 3377, л. 11.

премьер-майора, уехал на Украину и больше не выступал на литературном поприще[94].

Тогда же был освобожден от преподавания в корпусе и ряд других учителей, в том числе Алексей Гаврилович Яновский. Он был уволен по причине якобы «примеченного нежелания его быть при обучении»[95]. Яновский окончил с медалью Академию художеств в 1764 г. и в корпусе вел класс гражданской архитектуры. Он был создателем известного дворца Разумовских в Почепе.

По-видимому, усилиями Бецкого и его приспешников в Сухопутном кадетском корпусе в конце 60-х годов сложилась столь же тяжелая обстановка административного произвола, как и в Академии художеств. Многие представители разночинной интеллигенции были вынуждены искать другую работу. Именно тогда ушел из корпуса учитель немецкого и английского языков, воспитанник Киевской академии и Академического университета Лука Сичкарев. Это был человек широких и смелых взглядов, одаренный писатель и переводчик. Его разногласия с П. С. Свистуновым, одним из ближайших помощников Бецкого, достаточно убедительно раскрыты П. Н. Берковым[96]. После ухода из Сухопутного кадетского корпуса Сичкарев на короткий срок определился переводчиком в Медицинскую коллегию, откуда перешел в Артиллерийский и инженерный кадетский корпус учителем «истории, географии и российского штиля»[97]. Но там он также не задержался. Интересно, что всего лишь за несколько месяцев до ухода Сичкарева из корпуса ему была дана положительная характеристика, в которой говорилось, что он «класс обучает с прилежанием». А осенью того же года его отстранили «от воинской и статской службы вовсе» и взяли с него подписку, что он «впредь казенного пропитания просить не будет»[98]. Иными словами, перед ним закрывались двери государственных учреждений. Тем не менее после этого Сичкарев поступил на пере-

---

[94] Митрополит Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей, т. I. М., 1845, стр. 232.

[95] ЦГВИА, ф. Первого кадетского корпуса, оп. 1, ч. 2, д. 3402, л. 52.

[96] П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., 1952, стр. 248—249.

[97] ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 607, л. 45.

[98] АВИАМИВ, ф. Канцелярии главной артиллерии и фортификации, оп. 2, д. 1853, л. 9.

водческую должность в Синод. К концу 70-х годов он устроился на службу к всесильному тогда князю Г. А. Потемкину-Таврическому. В течение ряда лет Сичкарев переводил для него много церковно-философских книг, за чтением которых «светлейший» любил проводить свое время. Сичкарев же больше не возвращался к своей литературно-просветительской деятельности [99].

В 1769 г. из Сухопутного кадетского корпуса ушел талантливый воспитанник Московского университета Семен Лобанов. С 1762 г. он преподавал в корпусе математику и экспериментальную физику «с отличным прилежанием и успехом», за что и было ему присвоено звание профессора. Он являлся автором учебников по физике и математике, которые были хорошо известны в рукописях [100]. В 1770 г. в один день со своим земляком и однокашником Башиловым Лобанова приняли в Сенатскую канцелярию и определили секретарем в 1-й департамент. Но, как и Башилову, ему не довелось долго служить в Сенате: измученный дрязгами и несправедливостью, он умер весной того же года от обострившегося туберкулеза [101].

Такая же обстановка сложилась в начале 70-х годов и в двух других кадетских корпусах. В Морском корпусе, например, в начале 1773 г. был «от службы отставлен» [102] Григорий Полетика, воспитанник Киевской академии и Академического университета, успешно справлявшийся с должностью главного инспектора над классами. Его усилиями еще в середине 60-х годов в корпусе был введен новый порядок в классах, направленный на усиление влияния учителей. Как известно, Полетика в общественной жизни был близок к просветительскому движению, сам перевел ряд нужных книг и учебных пособий, хотя и был умерен в своих политических и философских взглядах. В должности инспектора над классами он был заменен англичанином Робинсоном. Выйдя в отставку в чине кол-

---

[99] Митрополит Евгений [Болховитинов]. Словарь русских светских писателей. М., 1845, т. II, стр. 164 и сл.

[100] «Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета», ч. I. М., 1855, стр. 463.

[101] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6460, л. 97.

[102] ЦГАВМФ, ф. Морского кадетского корпуса, оп. 1, ч. 1, д. 63, л. 8.

лежского советника, он уехал на Украину и отошел от литературной деятельности[103].

Двумя годами позже был отстранен от административных обязанностей в Морском кадетском корпусе выдающийся общественный деятель и ученый профессор Н. Г. Курганов, но как крупный специалист в области мореплавания он был оставлен при корпусе для чтения лекций кадетам. Историк Морского корпуса Ф. Ф. Веселаго пишет по этому поводу, что «в приказах по корпусу хотя отдана ему при этом благодарность, но в самом деле смена (отстранение Курганова. — *М. Ш.*) кажется произошла по нерасположению директора, вероятно, имевшего к тому какую-нибудь существенную служебную причину»[104]. Теперь мы можем догадываться об этой причине. По-видимому, она заключалась в общей тенденции правящих кругов против представителей разночинной интеллигенции.

Изменения в руководстве и в преподавательском составе имели место в это время и в Артиллерийском и инженерном кадетском корпусе. В нем был проведен ряд мероприятий, по-новому регламентировавших его организацию и управление. Тогда же на должность главного инспектора над классами был назначен немец Либгарт[105]. Его предшественник, учитель из офицеров И. А. Вельяшев-Волынцев, по-видимому, был скомпрометирован в глазах начальства своей переводческой деятельностью. Он и сам причислял себя к людям, «которые о распространении в России наук по мере сил своих стараются»[106]. Им был переведен ряд книг, в том числе сочинения Вольтера «История о крестовых походах» (СПб., 1772) и «Новое расположение истории человеческого разума» (СПб., 1775).

■

Рост антифеодальных настроений в деревне и в городе в течение 60-х — начале 70-х годов XVIII в. не

---

[103] «Русский биографический словарь». Том: Плавильщиков — Примо. СПб., 1905, стр. 321 и сл.

[104] Ф. Веселаго. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852, стр. 161.

[105] «Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса». СПб., 1862, стр. 122.

[106] И. А. Вельяшев-Волынцев. Предисловие к кн. Нолета «Уроки экспериментальной физики», ч. I. СПб., 1779.

мог не насторожить правящие круги в отношении всех тех, кто не мыслил с позиций привилегированного класса. Прежде всего эти круги не могли больше оставаться безразличными к неуклонно множившейся разночинной интеллигенции, проникнутой духом рационалистических идей своего времени. В 60-х — 70-х годах эта интеллигенция в известной мере начинала приобретать влияние хотя бы уже потому, что многие ее представители занимали видные места в административной, научной и общественной жизни страны, а ее просветительская деятельность распространялась на все больший круг людей. Отсюда и естественное стремление правящих кругов ослабить ее влияние не только воспитанием «новой породы людей», но и созданием своей дворянской интеллигенции. Последняя должна была стать способной хотя бы отчасти заменить собой воспитанников непривилегированных учебных заведений в главных государственных учреждениях, например, в Сенатской канцелярии.

Именно с этой целью в Сухопутном кадетском корпусе стали преподавать политические и правовые науки и был усилен прием дворян в Московский университет. С этой же целью в сентябре 1765 г. был издан указ о приеме молодых дворян на гражданскую службу. В указе требовалось создать «Сенату и всем коллегиям и конторам» подходящие условия для беспрепятственного продвижения молодых дворян по административной лестнице, «делая им по достоинству пред теми, кои не из дворян, преимущество». При этом особо подчеркивалось, что поскольку молодые дворяне «в нижние подьяческие чины в штатное число употреблены будут, того им в укоризну по силе Генерального регламента... не ставить» [107].

Ряд последующих узаконений конца 60-х — начала 70-х годов ограничивал круг людей, могущих вступать на канцелярскую службу и подлежащих чинопроизводству. Причем все эти ограничения касались именно тех общественных групп, из которых в значительной мере и комплектовалась разночинная интеллигенция. Так, в августе 1766 г. был подписан указ, «наикрепчайше» возбраняющий впредь «принимать солдатских детей

---

[107] ПСЗ, т. XVII, № 12465.

в канцелярские служители»[108]. Другой указ, опубликованный в мае 1769 г., запрещал детям церковнослужителей определяться «к статским делам». При этом говорилось, что многие из них выбыли из церковного сословия «без надлежащего от духовных правительств увольнения». В связи с этим от всех присутственных мест требовалось представление «верных и исправных ведомостей» о лицах, происходящих из семей церковнослужителей, с указаниями, «в чьем ведомстве и в каких чинах состоят, с которого года... и кем определены...» А тех из них, которые не смогут предъявить «из церковного причта увольнения», надлежало возвратить, «куда кого по природе их следует»[109].

В 1771—1772 гг. был издан ряд указов, строжайше запрещавших ведомственным учреждениям принимать в число канцелярских служащих лиц, вышедших из подушного оклада, «хотя бы им от кого увольнительные письма даны были»[110]. В этой связи в одном из указов констатировалось, что некоторые из тех, кто положен в подушный оклад, путем обмана и подкупа не только «выключают себя из оного, но и других, подобных себе исключая, записывают в приказный чин»[111]. Присутственные места обязывались представить в кратчайший срок «обстоятельные верные ведомости» на всех канцелярских служащих и их детей «с объяснением всего их происхождения»[112].

Все эти узаконения непосредственно касались живых людей и повлекли за собой серьезные перемены в их жизни. В Сенатскую канцелярию, например, вскоре после опубликования указа о податных людях был переведен из Медицинской коллегии на должность копииста во 2-й департамент Александр Позняков. Этот перевод был осуществлен по личному распоряжению генерал-прокурора А. А. Вяземского, но при оформлении Познякова выяснилось, что он происходил из крепостных секунд-майора Н. Чоглокова, от которого имел отпускную. В результате Позняков не был принят в Сенатскую канцелярию и уволен из Медицинской

---

[108] Там же, № 12723.
[109] Там же, т. XVIII, № 13306.
[110] Там же, т. XIX, № 13760.
[111] Там же.
[112] Там же.

коллегии [113]. Это был далеко не единичный случай такого увольнения. В силу приведенных указов и по ряду других причин многие канцелярские служащие, в том числе и воспитанники непривилегированных учебных заведений, в начале 70-х годов были вынуждены менять свои занятия, а порой и место жительства.

■

Сенатская канцелярия, где служило немало представителей разночинной интеллигенции, привлекала к себе внимание правящих кругов. По-видимому, не без их вмешательства некоторые из сенатских служащих в первой половине 70-х годов были поставлены перед необходимостью покинуть столицу и определиться на другие должности. Так было, например, с Я. П. Козельским, автором замечательных «Философических предложений» и переводчиком важнейших философских статей из «Энциклопедии». В связи с появлением в Сенате в 1770 г. двух вакантных мест обер-секретарей встал вопрос о предоставлении одного из них в порядке старшинства по службе Козельскому. Однако его кандидатура была отведена по явно надуманной причине, будто он «не имеет той способности, какую важность сего чина требует, а гораздо способнее быть при других делах» [114]. Биограф Козельского Ю. Я. Коган высказывает предположение, «что за указанной мотивировкой кроется иная, более существенная подоплека увольнения Козельского из Сената, быть может, обнаружившийся в «Философических предложениях» или еще в чем-либо ином его вольнодумный образ мыслей, несовместимый со службой в высшем правительственном учреждении» [115]. Аналогичные упреки в адрес ряда других сенатских служащих, в той или иной степени разделявших взгляды Козельского, свидетельствуют об обоснованности этого предположения. В апреле 1770 г. был издан указ о пожаловании Козельского в коллежские советники и определении «к другим делам, по его чину, куда он способен найдется» [116].

---

[113] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6470, л. 714 и сл.
[114] Там же, кн. 3858, л. 261.
[115] Ю. Я. Коган. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958, стр. 64.
[116] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6460, л. 180.

Козельский был переведен в Малороссийскую коллегию, находившуюся тогда в Глухове на Украине. Там он оставался до 1778 г., после чего в связи с «усилившимися болезнями в груди, глазах и ушах» [117] вышел в отставку. В течение всего этого времени Козельский больше не выступал на литературном поприще, хотя и продолжал испытывать большую «охоту к наукам». Только уже на склоне лет, в 1788 г., им была опубликована книга «Рассуждения двух индейцев Калана и Ибрагима о человеческом познании», в которой он пытался обобщить и изложить в свете рационалистического миросозерцания собранные им сведения из различных наук.

Среди уволенных из Сената в 70-х годах канцелярских служащих был переводчик политических статей из «Энциклопедии», секретарь 3-го департамента И. Г. Туманский. Как и Козельский, он был переведен в Малороссийскую коллегию в Глухов «с награждением чина» [118]. И хотя с этого времени сам он больше не выступал в литературе, тем не менее его участие в просветительском движении в известной мере продолжалось и на Украине. В 1781 г., например, он обратился в Академию наук с просьбой оказать ему содействие в «заведении книжного торга в Глухове», в результате чего для этой цели ему были посланы в кредит академические издания стоимостью в 2160 руб. [119] — сумма, весьма значительная для того времени. Однако дальнейших сведений об этом начинании не имеется.

Некоторые сенатские служащие, участвовавшие в просветительском движении 60-х — начала 70-х годов, все же удержались в Сенате. К таким принадлежал, в частности, переводчик «Духа законов» Монтескье, ученик Ломоносова В. И. Крамаренков. Начав службу в Сенате с должности протоколиста при генерал-прокурорских делах, он за сравнительно короткий срок дошел до ответственного поста обер-секретаря 3-го департамента. Свою переводческую деятельность он оставил в середине 70-х годов и больше, по-види-

---

[117] Там же, кн. 6320, л. 496.
[118] Там же, кн. 6317, л. 8.
[119] Архив АН СССР, ф. 3, оп. 6, л. 275, л. 2.

мому, к ней не возвращался. В 1777 г. им был завершен большой труд «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов». Он был составителем и в значительной степени автором этого выдающегося для своего времени произведения. В нем были отражены различные аспекты горного дела в России: его история, современное положение и, наконец, законодательство о приписных крестьянах. Историк Н. И. Павленко дает высокую оценку этой работе и констатирует, что при выявлении причин, будивших приписных крестьян к неповиновению, Крамаренков «воздерживается от резких выпадов против них». В частности, Крамаренков указывает на то, что принудительный труд на заводах «оставил в них (крестьянах — *М. Ш.*) навсегда негодование, которое инако и отвратиться не может, как только тогда, когда положена будет за заводские работы плата, сравнительная с выгодами, от земли ими получаемыми»[120]. К сожалению, эти смелые для того времени мысли Крамаренкова не получили гласности. Его труд, выполненный по заданию генерал-прокурора А. А. Вяземского, не был напечатан и разошелся в рукописях среди узкого круга сановников.

При трагических обстоятельствах произошло увольнение из Сената обер-секретаря 3-го департамента Н. Н. Мотониса. Судя по отзывам современников, это был выдающийся ученый-филолог, удостоенный звания академика, человек широких взглядов и большого ума, снискавший себе авторитет и уважение среди передовой интеллигенции[121]. В свете общей линии правящих кругов в отношении разночинной интеллигенции можно понять их стремление отстранить Мотониса от Сената. Поводом для этого послужило нарочито состряпанное и якобы связанное с Мотонисом дело о каких-то незаконно допущенных поблажках Нежинскому греческому братству. В связи с этим 14 декабря 1775 г. вышел именной указ, лишавший Мотониса всех чинов и гласивший, что «впредь ни к каким делам определять

---

[120] Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М., 1962, стр. 15.

[121] Н. Тихонравов. Летопись русской литературы и древности, т. III. М., 1861, стр. 61 и сл.

его не велено»[122]. Однако необоснованность обвинений в отношении крупного чиновника и ученого-академика, каковым являлся Мотонис, была столь очевидной, что уже 23 декабря последовал другой указ, которым эти обвинения были полностью сняты. Но снова в Сенат он вернуться уже не смог: указ предписывал «возвратить ему прежний чин и определить к делам в другое место»[123]. После этого Мотонис уехал на Украину. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

Именно в течение этих 9 дней, повергших Мотониса в отчаяние, в Москве покончил с собой его ближайший друг и единомышленник Г. В. Козицкий. Из ряда писем последнего, опубликованных Н. С. Тихонравовым, явствует, что в эти годы, как и прежде, Козицкий постоянно общался с Мотонисом, и его дружба с ним была неизменной[124]. Нет сомнения, что административный произвол, жертвами которого стали многие представители разночинной интеллигенции, глубоко волновал Козицкого. По-видимому, близко столкнувшись с закулисной придворной жизнью, он испытал крушение иллюзий, связанных с идеей «просвещенного» монарха. Да и положение его самого становилось шатким. Измученный чинимыми кознями и оскорблениями, он еще в сентябре 1774 г. просил освобождения от должности статс-секретаря при приеме челобитных. При этом он ссылался на болезни, «час от часу умножающиеся и не допускающие» продолжать службу[125]. Просьба Козицкого была удовлетворена 10 июня 1775 г., после чего он уехал в Москву.

Возможно, что беда, разразившаяся над его ближайшим другом Мотонисом, была последней каплей, переполнившей чашу терпения. 21 декабря 1775 г., когда в Москву уже могли дойти сведения о случившемся с Мотонисом несчастье, Козицкий покончил жизнь самоубийством, нанеся себе несколько ножевых ран. Один из современников, по-видимому, принадлежавший к кругу разночинной интеллигенции, записал

---

122 ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, кн. 598, л. 169.
123 Там же, л. 175.
124 Н. Тихонравов. Указ. соч., т. III, стр. 61, 69 и сл.
125 ЦГАДА, Госархив, разр. XI, д. 1040, л. 1.

в своем дневнике, что «причина его (Козицкого.— *М. Ш.*) смерти меланхолия»[126].

Козицкий был далеко не единственным, чьи силы не выдержали наступления реакции. Скоропостижно умерли или лишили себя жизни видные деятели науки и искусства Башилов, Барков, Кокоринов, Лобанов, Лосенко. Другие оказались разобщенными и вынужденными покинуть столицу, а вместе с ней и литературно-просветительское поприще. Третьи, как, например, Поленов или Крамаренков, целиком посвятили себя административной деятельности. В то же время ряды разночинной интеллигенции все менее и менее пополнялись.

К этому времени Академический университет уже бездействовал. Московский университет, особенно после открытия Благородного пансиона, был накануне одворянивания, а Академия художеств не могла еще оправиться от перенесенных ею реформ. Подводя итоги всем этим событиям, можно прийти к заключению, что жизненные силы молодой, еще не успевшей окрепнуть разночинной интеллигенции к концу 70-х годов оказались в значительной мере подорванными.

---

[126] «Дневник поручика Васильева».— «Памятники древней письменности», т. CXIX. СПб., 1896, стр. 103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс складывания буржуазной идеологии в рядах зарождавшейся разночинной интеллигенции шел неравномерно и противоречиво. Возникали расхождения в политических и философских воззрениях, отражавшие настроения и требования различных, порой антагонистических социальных групп — имущих и неимущих, формировавшейся буржуазии и трудовой части общества.

Наряду с людьми умеренных политических и философских воззрений, опутанных еще феодальными предрассудками и претендовавших на сословные привилегии (В. Золотницкий, Г. Полетика и др.), выступали пропагандисты материалистических взглядов, сторонники пересмотра феодально-крепостнических порядков (С. Десницкий, И. Третьяков, С. Башилов и др.). Представители левого крыла этого течения высказывали антимонархические и уравнительные идеи, отражавшие настроения мелкобуржуазных слоев населения (Я. Козельский).

Разночинной интеллигенции, как правило, была свойственна приверженность к тем или иным разновидностям теории естественного права, игравшей, как известно, определяющую роль в развитии буржуазной политической мысли. Вслед за Ломоносовым она верила в силу науки и разума, ненавидела невежество. Эти новые люди, «ломоносовское племя», становились в той или иной мере выразителями прогрессивной для того времени буржуазной идеологии и новых норм морали. Еще в университетах или в Академии наук они знакомились с достижениями мировой науки. Многие из них писали и переводили книги, составляли учебные пособия, активно

боролись за развитие русской национальной культуры. В этом они видели выполнение своего гражданского долга и свою просветительскую деятельность называли «служением обществу». В течение 50—70-х годов их усилиями было издано огромное для того времени число общеобразовательных, популярных и научных книг, давших широкому кругу русских людей новые знания и понятия.

Обострение классовой борьбы в России в 60—70-х годах, вызванное дальнейшим развитием крепостнических отношений, насторожило правящие круги. На примере отношения к разночинной интеллигенции отчетливо выявился переход этих кругов от политики «просвещенного абсолютизма» к политике укрепления диктатуры дворянства, начатый еще за несколько лет до крестьянской войны. Уже к середине 60-х годов правящие круги стремились приостановить дальнейший рост разночинной интеллигенции. Академический университет фактически прекратил свою деятельность: к концу 60-х годов в нем оставалось всего лишь три студента. В то же время Московский университет шел к одворяниванию большой части студенческого состава. А Академия художеств после ее реформ во второй половине 60-х годов вообще на долгое время прекратила выпуск своих питомцев.

В течение 70-х годов многие воспитанники этих учебных заведений, служившие в Сенате, в Академии наук или в кадетских корпусах, под тем или иным предлогом были переведены в провинцию и были вынуждены прекратить свою просветительскую деятельность (Я. П. Козельский, Н. Н. Мотонис, И. Г. Туманский и др.). Некоторые хотя и оставались на занимаемых должностях в столице и даже продвигались по административной лестнице, но больше уже не выступали на литературном поприще (В. И. Крамаренков, А. И. Лужков, А. Я. Поленов и др.).

В результате всех этих преследований были на долго подорваны жизненные силы молодой еще не успевшей окрепнуть разночинной интеллигенции и существенно задержан ход ее развития. Нарождающаяся русская буржуазия, интересы которой объективно она отражала, была слабой и неподготовленной, чтобы оказать ей поддержку. М. С. Голиков, Г. М. Походяшин и некото-

рые другие денежные воротилы, правда, пытались проявить известную заботу об отдельных разночинцах, но их усилия носили случайный характер. Разночинная интеллигенция в значительной мере оказалась изгнанной из центральных государственных учреждений и отчасти лишенной возможности продолжать свою литературную деятельность. Тем не менее дворянство не переставало нуждаться в специалистах в области хозяйства, здравоохранения, искусства. Поэтому в соответствующие учебные заведения доступ для разночинцев оставался открытым. Ход исторического развития страны все же заставлял дворянство вопреки его воле пользоваться услугами разночинной интеллигенции и обрекал на неудачу попытку ее ликвидировать.

В то же время, параллельно с наступлением на разночинную интеллигенцию, правящие круги Петербурга способствовали росту дворянской интеллигенции, чтобы усилить ее господствующее положение в идеологии и просвещении. Это была одна из сторон процесса укрепления диктатуры дворянства, к которому самодержавие перешло в 70-х годах. Правящие круги стремились заменить разночинцев образованными дворянами.

Дворянская интеллигенция, конечно, существовала и раньше, но численно она всегда была ограниченной и ее представители в большинстве случаев происходили из родовитой знати. Начиная со второй половины 60-х годов, состав дворянской интеллигенции начал меняться; в нее вовлекалось теперь большое число выходцев из среднего и мелкопоместного дворянства.

Росту дворянской интеллигенции способствовал манифест 1762 г. о вольности дворян. Он освобождал недорослей от обязательной военной службы и от мучительных смотров, которым они подвергались для проверки знаний каждые четыре года до 20-летнего возраста включительно. И если сразу же после манифеста, по свидетельству современников, дороги из Петербурга и Москвы заполнились дворянами, возвращавшимися к себе в имения, то вскоре дворянская молодежь потянулась в обратном направлении. Юные дворяне в сопровождении крепостных дядек и камердинеров возвращались в столицы для получения образования, необходимого для поступления на государственную службу. Главными школами для дворян были Сухопутный

кадетский корпус в Петербурге, при котором с 1766 г. открылось специальное отделение для изучения гражданских и политических наук, и дворянская гимназия при Московском университете. Там, со второй половины 60-х годов число «своекоштных» дворян составляло несколько сот человек. Кроме того, многие молодые дворяне поступали в частные пансионы, открывавшиеся в эти годы как в Москве, так и в Петербурге.

Уже к началу 70-х годов состав дворянской интеллигенции значительно расширился. Молодые дворяне теперь охотно шли в канцелярские служащие Сената, в учителя кадетских корпусов и на различные другие должности, где раньше они встречались довольно редко. В то же время дворяне все чаще начинают подвизаться и на литературном поприще. В журнале «Вечера», начавшем выходить в 1772 г., говорилось, что неверно некоторые думают, «будто дворянству стыдно присваивать себе имя писателя»: «Стыдно быть писателем, но дурным, рассевающим семена пороков, осмеивающим правду, честь и добродетель» [1]. Конечно, здесь речь шла о дворянской «правде» и морали, но веяния времени все же неизбежно коснулись и дворянских умов. В 70—80-х годах лучшие представители дворянской интеллигенции уже не оставались в стороне от развивавшейся буржуазной идеологии.

Острейшие классовые противоречия русской действительности, проявившиеся особенно резко в 70-х годах, были той движущей силой, которая позволила передовой русской общественной мысли продолжить свой путь развития и подняться на большую высоту, стать созвучной идеям французских писателей кануна революции. Об этом свидетельствуют книги и журналы конца 80-х годов, в которых переплетаются тираноборческие мотивы с антикрепостнической критикой. Зрелость политической мысли в России сказалась и в той удивительно прозорливой для своего времени оценке, которую мыслящие русские люди смогли дать буржуазной революции во Франции. Они увидели в ней начало новой эры человечества [2]. Предвестники этой эры не заставили себя долго ждать и в России. Уже летом 1790 г. вышла

---

[1] «Вечера», ч. I. СПб., 1772, стр. 6.

[2] М. М. Штранге. Русское общество и французская революция 1789—1794 гг. М., 1956, стр. 63—64.

в свет книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», направленная против самодержавия, придавшая русской антифеодальной мысли революционное содержание.

Радищев, как и некоторые другие передовые дворяне, был связан с разночинной интеллигенцией 60—70-х годов. Вернувшись из-за границы в 1771 г., он был определен в Сенат на должность протоколиста 1-го департамента[3]. Если в Лейпцигском университете, ознакомившись с книгой Гельвеция «Об уме», он «мыслить учился», то его встречи в Сенатской канцелярии в Петербурге с учениками и последователями Ломоносова, переводчиками Монтескье, Руссо, «Энциклопедии» неизбежно должны были укрепить в нем антифеодальный образ мыслей. О том, что Радищев был близок к просветительскому движению, поднятому в те годы разночинной интеллигенцией, свидетельствует его перевод Мабли, выполненный им в 1773 г. для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев завершил «Словом о Ломоносове», возможно, желая показать истоки своего творческого пути. Он писал в «Слове»: «другие раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу»[4]. Здесь он как бы подчеркивает свою приверженность одной из ведущих целей русского просветительного движения 60—70-х годов.

Но в 90-е годы XVIII в. разночинная интеллигенция была еще слишком слаба, чтобы развить дальше идеи Радищева. Она еще не успела оправиться от обрушившихся на нее репрессивных мер, и ее ряды пополнялись слишком медленно. Искру революции, зажженную Радищевым, сберегли лучшие представители дворянской интеллигенции и через три с лишним десятилетия она вспыхнула на Сенатской площади. Восстанием декабристов начиналось освободительное движение в России. Причина обреченности этого восстания крылась в классовой ограниченности его участников, в их отчужденности от народа. «Неудачей своего выступления,— пишет академик М. В. Нечкина,— декабристы как бы

[3] ЦГАДА, ф. Сената, кн. 6465, л. 551.

[4] [А. Н. Радищев]. Путешествие из Петербурга в Москву. СПб., 1790, стр. 421.

завещали последующим революционерам строить свои планы в расчете на активное участие народных масс»[5]. Этот завет, как известно, в последующие годы был успешно осуществлен передовыми людьми России. К этому времени начала крепнуть и множиться разночинная интеллигенция — преемница революционных традиций дворян. Ее ряды, в частности, вновь усиленно пополнялись воспитанниками Московского университета, где снова стала преобладать разночинная среда, и воспитанниками открывшихся в первой четверти XIX в. университетов в Казани, Харькове и Петербурге.

Таким образом, участию разночинной интеллигенции в освободительном движении предшествовал период 50—70-х гг. XVIII в. В эти годы ее деятельность—в дальнейшем нарушенная насильственными мерами самодержавия — не выходила за рамки просветительства. В XVIII в., когда начал формироваться капиталистический уклад, разночинцы стремились «служить обществу» путем «просвещения разума», подвергая критике феодальную идеологию с позиций рационализма. В середине XIX в., на рубеже новой капиталистической формации, используя опыт дворянских революционеров, они ставили перед собой задачу революционно-демократического преобразования самодержавной России.

---

[5] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II. М., 1955, стр. 453.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив АН СССР — Архив Академии наук СССР
АВИМАИВ — Архив Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ВАЖНЕЙШИХ СОЧИНЕНИЙ И ПЕРЕВОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНОЧИННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 50—70-х ГОДАХ XVIII в.[1]

■

Агентов Михаил Иванович (1740—1769 гг.)

Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов в пользу российского юношества переводчиком Михайлом Агентовым, обучающим в гимназии Московского университета... М., 1762.

Книга переиздавалась в 1779 и 1789 гг.

Основательное и ясное наставление в миниатурной живописи, посредством которого можно сему искусству весьма легко и без учителя обучиться... Переведено с немецкого языка переводчиком Михайлом Агентовым. [М.], 1765.

Открытие сокровенных художеств, служащее для фабрикантов, мануфактуристов, художников, мастеровых людей и для экономии. Переведено с немецкого из разных авторов переводчиком Михайлом Агентовым, ч. 1—3. [М.], 1768—1771.

1-я часть переиздавалась в 1778, 1786 и 1790 гг.

Акимов Иван Иванович (1723—1805 гг.)

Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств... С французского переведен Академии наук переводчиком Иваном Акимовым. СПб., 1763. Тираж 1200 экз.

2-е издание вышло в 1786 г.

Похождение Кереа и Коллирои, сочиненное на греческом языке Харитоном Афродийским. С немецкого на российский переведена Иваном Акимовым. СПб., 1763.

---

[1] Приведенные здесь сведения в значительной мере заимствованы из Сводного каталога русской книги XVIII в., издающегося Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина. Некоторые данные взяты из работ: Н. Н. Мельникова. Издания Московского университета 1756—1779 гг. М., 1955; В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг. СПб., 1913; Д. Д. Шамрай. Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса.— Сборник «XVIII век», т. 2. М.— Л., 1940, а также из ряда архивных документов. Названия книг даются с некоторыми сокращениями.

Алексеев Иван Алексеевич (1735—1780 гг.)

Валерия Максима изречений и дел достопамятных книг девять. Переведены с латинского языка Иваном Алексеевым, ч. 1—2. СПб., 1772.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 606 экз.

Диодора Сикилийского Историческая библиотека. Переведена с греческого на российский язык Иваном Алексеевым, ч. 1—6. СПб., 1774—1775.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.

Аничков Дмитрий Сергеевич (1733—1788 гг.)

Теоретическая и практическая арифметика в пользу и употребление юношества, собранная из разных авторов магистром Дмитрием Аничковым. [М.], 1764.

2-е издание вышло в 1775 г., 3-е — в 1785 г.

И.-Ф. Вейдлера Арифметика теоретическая и практическая, переведенная с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. [М.], 1765.

2-е издание вышло в 1787 г.

И.-Ф. Вейдлера Аналитика специоза, или Алгебра, переведенная с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым. [М.], 1765.

И.-Ф. Вейдлера Геометрия теоретическая и практическая, переведенная с латинского языка магистром Дмитрием Аничковым, [М.], 1765.

2-е издание вышло в 1776 г.

Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания... на рассмотрение предлагает философии и свободных наук магистр Дмитрий Аничков 1769 года августа дня. [М.], [1769].

Артемьев Алексей Артемьевич (р. 1748 г.)

Краткое начертание римских и российских прав..., сочиненное подпоручиком Алексеем Артемьевым. М., 1777.

Барков Иван Семенович (1732—1768 гг.)

Квинта Горация Флакка Сатиры, или Беседы с примечаниями, с латинского языка переложенные российскими стихами Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб., 1763.

Лудовика Голберга Сокращение универсальной истории, сочиненное вопросами и ответами; с латинского языка переведено Академии наук переводчиком Иваном Барковым. СПб., 1766. Тираж 600 экз.

2-е издание вышло в 1766 г., 3-е — в 1797 г.

Библиотека российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записки, способствующие к объяснению истории и географии российских древних и средних времен, ч. I. СПб., 1767.

Часть I (Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года).

Барсов Антон Алексеевич (1730—1791 гг.)

Краткая латинская грамматика, сочиненная г. Целларием, исправленная и умноженная г. Геснером, с немецкого на российский

язык переведенная при Московском университете элоквенции профессором Антоном Барсовым. М., 1762.

2-е издание вышло в 1771 г.

Азбука церковная и гражданская с краткими примечаниями о правописании. М., 1768.

Собрание 4291 древних российских пословиц. [М.], 1770.

Первое печатное издание русских пословиц.

Башилов Семен Сергеевич (1740—1770 гг.)

Русская летопись по Никонову списку, изданная под смотрением Академии наук, ч. 1—2. СПб., 1767—1768.

Часть 1 до 1094 г. (подготовили к печати А.-Л. Шлёцер и С. С. Башилов).

Часть 2 до 1237 г. (подготовил к печати С. С. Башилов).

Первая научная публикация русских летописей.

Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича, законы из Юстиниановых книг, указы дополнительные к судебнику и таможенный устав царя и великого князя Ивана Васильевича. [Подготовил к печати С. Башилов]. СПб., 1768.

[Ж.-Ф. Мелон]. Политический опыт о коммерции. Переведен с французского Семеном Башиловым. СПб., 1768. Напечатано за счет С. Башилова. Тираж 620 экз.

Греция из Энциклопедии. Перевел С. Башилов. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

В сборник вошли две известные статьи де Жокура: «Греки» (философия) и «Греки» (история и литература).

[Ф.-М. Вольтер]. Кандид или Оптимисм, то есть наилучший свет. Перевел с французского [С. Башилов]. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1205 экз.

Книга многократно переиздавалась в течение последующих 20 лет.

Лисимах. Из сочинений г. Монтескье. [Перевел С. Башилов]. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

В книге помещено еще два перевода из сочинений Монтескье: «Разговор Силлы с Евкратом» и «Опыт о вкусе в делах естества и искусства».

О ласкательстве из Энциклопедии. Перевел С[емен] Б[ашилов]. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

Перевод трех статей: «Ласкательство», «Ласкатель» и «Придворный». Первые две статьи — де Жокура, а третья — д'Аламбера.

О любви из Энциклопедии. [Перевел С. Башилов]. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

Сборник содержит 12 статей: «Отцовская любовь», «Любовь к славе», «Любовь к ближнему», «Самолюбие» и др.

Спарта. [Перевел С. Башилов]. [СПб., 1769].

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз. Статья из Энциклопедии.

Статьи из Энциклопедии, принадлежащие к Турции. Перевел Семен Башилов. СПб., 1769.

Том 1 содержит статьи на политические темы.

Том 2 содержит статьи о религии.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

[Ж.-Ж. Руссо]. Размышление о величестве божии, о его промысле и о человеке г. Ж.-Ж. Руссо. Переведена 1769 и 1770 года. [Перевел Семен Башилов]. [б. г. и м.].

Под этим названием кроется известное произведение Ж.-Ж. Руссо «Исповедание веры савойского викария», являющееся одной из частей запрещенного в России сочинения «Эмиль, или о воспитании».

Беспалов Василий (р. 1754 г.)

Сочинение о драгоценных камнях с прибавлением описания так называемого зальцтальского камня г. У.-Ф.-Б. Брикмана... Перевод Василия Беспалова... СПб., 1779.

Богаевский Иван Иванович (р. 1750 г.)

[Г.-Ф. Куае]. Описание жизни Иоанна Собеского, короля польского, сочиненное г. аббатом Куае. [Перевел И. И. Богаевский], ч. 1—2. СПб., 1770—1773.

[И.-Г. Юсти]. Основание силы и благосостояния царств или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния, ч. 1—4. Сочинил И. Г. Г. Юсти, а с немецкого на российский язык перевел Иван Богаевский. СПб., 1772—1778.

Часть 1 содержит четыре книги, из которых: 1) о устройстве земной поверхности; 2) о размножении народа; 3) о постройке и приращении городов и сел и деревень; 4) о делах и учреждениях, служащих к выгодам народа и ко красоте государства.

Часть 2 содержит четыре книги, из которых: 1) об основании всех вообще народных промыслов; 2) о союзе производимых в государстве разного рода промышленниками дел; 3) о средствах, споспешествующих цветущему состоянию народного пропитания; 4) о препятствиях, встречающихся народу в производимых им промыслах.

Часть 3 содержит четыре книги, из которых: 1) об отношении веры и наук к общему благу; 2) о домашнем правлении семейств; 3) о гражданских добродетелях, служащих к соблюдению внутренней безопасности и к приращению общего блага; 4) о особенном для пользы общей сохранении благосостояния частных семейств.

Часть 4 содержит три книги, из которых: 1) о законодательстве по делам, касающимся до благочиния государственного; 2) о наблюдении благоустройственных законов; 3) о управлении и производстве относящихся к благочинию дел.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Булатницкий Егор Иванович (ум. 1767 г.)

Новая итальянская грамматика, собрана из разных авторов и переведена на российский язык Московского университета студентом Егором Булатницким. [М.], 1759.

2-е издание вышло в 1774 г.

Ванслов Иван Ульянович

Статьи из Энциклопедии о любопытстве и гадании. Перевел Иван Ванслов. СПб., 1770.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 606 экз.

В сборник вошло пять статей: «Любопытный», «Любопытство», «Астрология», «Звездочетец» и «Гадание».

Статьи из Энциклопедии о клевете, презрении и несчастии. Перевел Иван Ванслов. СПб., 1771.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 606 экз.

В сборник вошло восемь статей: «Клевета», «Злословие», «Ложь», «Недоверчивость», «Презрение» и др.

Статьи из Энциклопедии о пороке и добродетели. Перевел Иван Ванслов. СПб., 1774.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.

В сборник вошло пять статей: «Порок», «Добродетель», «Добродетельный человек», «Равнодушие» и «Бедствование».

Веденский Семен Иванович (р. 1737 г.)

Сравнение жития и дел разных, а особливо восточных и индийских великих героев и знаменитых мужей, по примеру Плутархову, сочиненное Лудовиком Голбергом и с немецкого языка на российский переведенное Семеном Веденским, ч. 1. СПб., 1766.

Веницеев Семен Никифорович (р. 1748 г.)

[Т. Гоббс]. Фомы Гоббезия Начальные основания философические о гражданине. Переведены с латинского [С. Веницеевым]. СПб., 1776.

Волков Борис Афанасьевич (1732—1762)

[Х. Вольф]. Вольфианская Теоретическая физика с немецкого подлинника на латынском языке сокращенная, переведена на русский язык Академии наук переводчиком Борисом Волковым. СПб., 1760. Тираж 2433 экз.

Книга содержит часть работы Л. Ф. Тинмига, в которой изложены основные положения 3-томного труда Х. Вольфа.

Марка Туллия Цицерона три книги о должностях, с содержанием каждой главы и с примечаниями на достопамятные речи, переведены Академии наук переводчиком Борисом Волковым. СПб., 1761.

Г. Кураса Сокращенная универсальная история... с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества. [Перевел Б. А. Волков]. СПб., 1762.

Книга содержит приложение «Сокращенная российская история», написанная И. С. Барковым (стр. 357—390).

Имеются три издания этой книги с одинаковой датой на титульном листе — 1762 г.

Политические и нравоучительные басни Пильпая, философа индийского, с французского переведены Академии наук переводчиком Борисом Волковым. СПб., 1762. Тираж 2400 экз.

1-е издание на русском языке индийских басен и повестей XV в., известных под названием «Панчатантры», или «Басни Бидпая».

Самуила Пуфендорфа Введение в историю знатнейших европейских государств с примечанием и политическими рассуждениями. Переведена с немецкого Борисом Волковым, ч. 1—2. СПб. 1767—1777.

В переводе 2-й части, кроме Б. А. Волкова, принимали участие А. Я. Поленов и В. Г. Костыгов. Издание выходило под наблюдением академика С. Я. Румовского. Тираж ч. 1—2433 экз., ч. 2—2445 экз.

Волков Самсон Иванович (р. 1735 г.)

Словарь, французскою Академиею сочиненный и четвертым тиснением изданный в Париже в 1762 году, а в Санктпетербурге напечатанный с прибавлением Российского языка в 1773 году. [Перевел Самсон Волков]. Буква «А». СПб., 1773.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1800 экз.

На этом томе издание прекратилось, хотя, кроме буквы «А», Василием Костыговым была переведена буква «В», но в печати не появилась.

Волчков Сергей Саввич (1707—1773 гг.)

Полибиевой Военной истории том первый (второй), с французского на российский язык переведен Академии наук асессором Сергеем Волчковым, т. 1—2. СПб., 1756—1763.

Житие и дела Марка Аврелия Антонина, цесаря римского, с собственными премудрыми его рассуждениями о себе самом; с немецкого на российской язык переведенные Сергеем Волчковым. СПб., 1760.

Книга переиздавалась в 1775, 1789 и 1798 гг.

Эзоповы басни с нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа, вновь изданные, на российский язык переведены... Канцелярии Академии наук секретарем Сергеем Волчковым. СПб., 1760.

[М. Монтень]. Михайла Монтанневы Опыты. На российский язык переведены коллежским советником Сергеем Волчковым. СПб., 1762.

Первый перевод «Опытов» Монтеня на русский язык. Переведены только книга 1-я и 10 глав книги 2-й.

Воронов Сергей (р. 1736 г.)

Каия Юлия Кесаря Записки о походах его в Галлию. Переведены с латинского языка Сергеем Вороновым. СПб., 1774.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 650 экз.

Гладкой Алексей Никитич (р. 1747 г.)

Пробирное искусство, сочиненное И.-Г. Леманом, Санктпетербургской Академии наук членом, а переведено с немецкого языка... Алексеем Гладким. СПб., 1772.

Руководство к химическому рудословию. Сочинение И.-Ф. Генкеля, бывшего горного советника. Переведено с немецкого Алексеем Гладким. СПб., 1775.

Головин Михаил Евсевьевич (1756—1790 гг.)

Полное умозрение строения и вождения кораблей, сочиненное в пользу учащихся навигаций Леонардом Эйлером, а с французского подлинника переведенное Академии наук адъюнктом Михайлом Головиным. СПб., 1778.

Грешищев Иван

[Д. Мильтон]. Возвращенный рай, сочинение г. Милтона. Переведен. с французского языка Троицкой семинарии р[иторики] и п[иитики] учителем Иваном Грешищевым. [М.], 1778.

Перевод прозаический. Переиздан в 1785 и 1787 гг.

Десницкий Семен Ефимович (ум. 1789 г.)

Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, в публичном собрании Московского университета..., говоренное оного ж Университета свободных наук магистром, юриспруденции доктором, римских и российских прав экстраординарным профессором Семеном Десницким. Июня 30 дня 1768 года. М., 1768.

Слово о причинах смертных казней по делам криминальным, в публичном собрании Московского университета..., говоренное оного ж Университета юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким. Апреля 22 дня 1770 года. М., 1770.

Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства и о надобном возобновлении оного в государственных высокопокровительствуемых училищах..., говоренное в торжественном Московского университета собрании апреля 22 дня 1776 года, юриспруденции доктором и публичным ординарным профессором Семеном Десницким. М., 1778.

Истолкования аглинских законов г. Блэкстона... С подлинника аглинского. [Перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева], кн. 1—3. М., 1780—1782.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг».

Екимов Петр

[Гомер]. Омировых творений часть 1—2. Перевел с греческого языка коллежский секретарь Петр Екимов. СПб., 1776—1778.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 650 экз.

Первый перевод «Иллиады» на русский язык.

Золотницкий Владимир Трофимович (р. 1741 г.)

Новые нравоучительные басни с прибавлением особливых к ним изъяснений. Сочинены в пользу общества Владимиром Золотницким. СПб., 1763. Тираж 1055 экз.

Состояние человеческой жизни, заключенное в некоторых нравоучительных примечаниях, касающихся до натуральных человеческих склонностей, собранных в пользу общества Владимиром Золотницким, СПб., 1763. Тираж 600 экз.

Сокращение естественного права, выбранное из разных авторов для пользы российскаго общества Владимиром Золотницким. СПб., 1764.

Дух Сенеки, или Изрядные нравоучительные рассуждения сего великого философа; перевел Владимир Золотницкий. М., 1765.

Общество разновидных лиц, или Рассуждения о действиях и нравах человеческих, сочинил Владимир Золотницкий. СПб., 1766. Тираж 600 экз.

[Г. Фильдинг]. Путешествие в другой свет, или Юлиан отступник. Остроумная повесть с английского подлинника на немецкий, а с немецкого на российский язык перевел В[ладимир] З[олотницкий]. СПб., 1766. Тираж 800 экз.

Зыбелин Семен Герасимович (1735—1802 гг.)

Слово о действии воздуха в человеке, в публичном собрании Московского университета..., говоренное оного ж Университета медицины доктором Семеном Зыбелиным. Июня 30 дня 1766 года. М., 1766.

Слово о пользе прививной оспы и о преимуществе оной перед естественною, с оральными и физическими возражениями против неправомыслящих..., говоренное в чрезвычайном Московского университета собрании медицины доктором и профессором Семеном Зыбелиным. Декабря 5 дня 1768 года. М., 1768.

Слово о вреде, проистекающем от содержания себя в теплоте излишней, в публичном собрании Московского университета..., говоренное онаго ж Университета медицины доктором и публичным ординарным профессором Семеном Зыбелиным. Июня 30 дня 1773 года. М., 1773.

Слово о правильном воспитании с младенчества в рассуждении тела, служащем к размножению в обществе народа..., говоренное в публичном Московского университета собрании медицины доктором и публичным ординарным профессором Семеном Зыбелиным. Апреля 22 дня 1775 года. М., 1775.

Иванов Василий Петрович

Краткое начертание географии для начинателей. Л.-А. Баумана, проректора Академии в Нейштате Брандебургском. Переведена с немецкого на российский язык Московского университета студентом Васильем Ивановым. М., 1775.

Ковалев Петр Алексеевич (р. 1755 г.)

[А.-Ф. Бюшинг]. Королевство Венгерское с приобщенными к оному землями. Из Бюшинговой географии. Перевел с немецкого языка Петр Ковалев. СПб., 1774.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 500 экз.

[А.-Ф. Бюшинг]. Испания из Бюшинговой географии. Перевел с немецкого языка Петр Ковалев. СПб., 1775.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 500 экз.

[А.-Ф. Бюшинг]. Швейцария с присоединенными к ней землями, из Бюшинговой географии. Перевел с немецкого языка Петр Ковалев. СПб., 1778.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 500 экз.

Три книги, переведенные П. Ковалевым, представляют собой отдельные части 11-томной всеобщей географии известного профессора Геттингенского университета А.-Ф. Бюшинга.

Козельский Яков Павлович (1728—1794 гг.)

Арифметические предложения для употребления обучающегося в Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1764. Тираж 1200 экз.

Механические предложения для употребления обучающегося при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе благородного юношества, сочиненные артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1764. Тираж 600 экз

[Верто д'Обеф]. История о переменах, происходивших в Швеции в рассуждении веры и правления, сочиненная аббатом Вертотом, Королевской Французской академии надписей и словесных наук членом, а с французского языка на российской переведенная артиллерии капитаном Яковом Козельским, ч. 1—2. СПб., 1764—1765. Тираж 600 экз.

[Д.-С. Шоффин]. История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранные г. Шоффиным из сочинений Роллена, Кревиера и других, а с французского языка переведенная артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1765.

[Л. Гольберг]. История датская, сочиненная г. Гольбергом, которую сократил и приписал к ней свои примечания артиллерии капитан Яков Козельский, ч. 1—2. СПб., 1765—1766.

[Ф. К. Мозер]. Государь и министр. Книга, сочиненная г. Мозером, с немецкого языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1766.

Философические предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего сената секретарем Яковом Козельским. СПб., 1768. Тираж 600 экз.

[Т. Отвей]. Возмущение против Венеции, трагедия, сочиненная г. Отваем, а с немецкого языка на российский переведена Артиллерийского и инженерного шляхетного кадетского корпуса поручиком Яковом Козельским. СПб., 1764. Тираж 1200 экз.

Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии, переведенные надворным советником Яковом Козельским, ч. 1. СПб., 1770.

Статьи о нравоучительной философии и частях ее из Энциклопедии, переведенные надворным советником Яковом Козельским, ч. II. СПб., 1770.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 606 экз.

В сборники вошли важнейшие статьи из «Энциклопедии»: «Философия», «Мораль», «Естественное право», «Политика», «Логика», «Физика», «Психология», «Диалектика», «Нравоучение», «Юриспруденция», «Право натуральное», «Политика» и др.

Козицкий Григорий Васильевич (1727—1775 гг.)
О пользе мифологии. Сочинение Григория Козицкого. «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759.

Лукиана Разговоры мертвых. Перевод с греческого Г. К[озицкого]. «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759.

Лукиана Торг жизней. Перевод с греческого Г. К[озицкого]. «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759.

[Ф. Эпинус]. Рассуждение о строении мира. Перевел Г. В. Козицкий. СПб., 1770. Тираж 600 экз.

Публия Овидия Насона Превращения, переведенные с латинского на российский язык [Г. В. Козицким], кн. 1—2. СПб., 1772—1774.
Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

Комов Григорий (р. 1749 г.)
Туллия Цицерона о естестве богов три книги. Переведены с латинского языка Григорием Комовым. СПб., 1779.
Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Костенский Яков Яковлевич (1738—1772)
Статьи о философических толках из Энциклопедии. Перевел коллежский переводчик Яков Костенский. СПб., 1774.
Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.
Сборник содержит шесть статей: «Ионическая школа», «Философия Сократа», «Сократовские школы», «Философия Платона», «Школа Платона», «Киренская школа».

Костыгов Василий
[Л.-И. Бакмейстер]. Краткая Российской империи география, 2-е исправнейшее издание с карманным атласом. [Перевел В. Костыгов]. СПб., 1773.
Первое издание было напечатано в «Географическом месяцеслове» за 1768 г.

Котельников Семен Кириллович (1723—1806 гг.)
Слово о пользе упражнения в чистых математических рассуждениях, предложенное в публичном собрании Академии наук сентября 6 дня 1761 года профессором Семеном Котельниковым. СПб., 1761. Тираж 390 экз.

Молодой геодет или Первые основания геодезии, содержащие все геодетское знание, предложенное вкратце, изъясненное правилами и примерами, сочиненные профессором математики ординарным и Академии наук членом Семеном Котельниковым. СПб., 1766. Тираж 600 экз.

[Х. Вольф]. Сокращение первых оснований математики, сочиненное в пользу учащегося юношества Христианом Вольфом..., т. 1—2. СПб., 1770—1771. Тираж 1200 экз.

2-е издание вышло в 1791 г. 2-й том переведен Павлом Веденским.

Книга, содержащая в себе учение о равновесии и движении тел, сочинения Семена Котельникова, ч. I. СПб., 1774.

Крамаренков Василий Иванович (р. 1732 г.)

[Ш.-Л. Монтескье]. О разуме законов. Сочинение г. Монтескье. Переведено с французского Василием Крамаренковым, т. I. СПб., 1775.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

На стр. XII—XXXIV статья д'Аламбера «Разрешение разума законов».

Каия Саллюстия Криспа войны Каталинская и Югурфинская, переведено с латинского на российский язык Правительствующего Сената протоколистом Василием Крамаренковым. СПб., 1769.

Крашенинников Степан Петрович (1711—1755 гг.)

Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором, т. 1—2. СПб., 1755. Тираж 1350 экз.

2-е издание вышло в 1786 г.

Речь о пользе наук и художеств, читанная Степаном Крашенинниковым, ботаники и истории натуральной профессором в публичном академическом собрании сентября 6 дня 1750 года.—«Торжество Академии наук... празднование сентября 6 дня 1750 года». СПб., 1750.

Квинта Курция История о Александре Великом, царе македонском... Переведена с латинского языка Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором, т. 1—2. СПб., 1750.

Крюков Иван.

[Ш. Роллен]. Способ, которым можно учить и обучаться словесным наукам, сочиненный г. Ролленом. С французского на российский язык переведено Иваном Крюковым, [ч. 1—8]. СПб., 1774—1783.

Произведение в свое время сыграло большую роль в разработке проблем общественных наук. В России оно переиздавалось в 1783 и 1789 гг.

Курганов Николай Гаврилович (1726—1796 гг.)

Универсальная арифметика, содержащая основательное учение, как легчайшим способом разные во обществе случающиеся, математике принадлежащие арифметические, геометрические и алгебраические выкладки производить. Сочинена Николаем Кургановым, Морского шляхетного кадетского корпуса математических и навигационных наук подмастерьем... СПб., 1757. Тираж 1200 экз.

Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезно-забавных вещей. СПб., 1769.

На стр. 381—436 «Словарь разноязычный, или толкование еврейских, греческих, латинских, французских, немецких и прочих иноземных употребляемых в русском языке и некоторых славянских слов (Русской словесности)».

Книга многократно переиздавалась под заглавием «Письмовник». Тираж 600 экз.

[Эвклид]. Елементы геометрии, то есть первые основания науки о измерении протяжения, состоящие из осьми Евклидовых книг, изъясненные новым способом, удобопамятнейшим юношеству. С французского подлинника, печатного в Гааге в 1762 г., переведены и изданы тщением и трудами Николая Курганова, капитана и Морского шляхетного кадетского корпуса учителя математики и навигацких наук. СПб., 1769.

Легкой Дмитрий Дмитриевич (1741—1767 гг.)

[А.-Р. Лесаж]. Повесть о хромоногом бесе, сочиненная на французском языке г. Лесажем, в двух частях, переведена Академии наук студентами Дмитрием Легким и Дмитрием Мокеевым, ч. 1—2. СПб., 1763. Тираж 1200 экз.

Переиздана в 1774 и 1791 гг.

Леонтьев Алексей Леонтьевич (1716—1786 гг.)

Кратчайшее описание городам, доходам и протчему Китайского государства, а притом и всем государствам, королевствам и княжествам, кои китайцам сведомы. Выбранное из Китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на китайском языке при нынешнем хане Кян-Луне секретарем Леонтьевым. СПб., 1778.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 500 экз.

Китайское уложение, перевел сокращенно с манжурского на российский язык Коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Алексей Леонтьев, ч. 1—2. СПб., 1778—1779.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

Лепехин Иван Иванович (1740—1802 гг.)

Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства..., ч. 1—3. СПб., 1771—1780. Тираж 600 экз.

Часть 4-я была подготовлена Николаем Озерецковским и вышла в 1805 г.

Лужков Александр Иванович (1754—1808 гг.)

[Ж.-Ж. Руссо]. Статья о политической экономии, или государственном благоучреждении. Перевод из Энциклопедии. [Перевел Александр Лужков]. СПб., 1777.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.

Статья о вере. Переведена из Энциклопедии [А. Лужковым]. СПб., 1776.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.

Мартов Алексей (р. 1753 г.)

И.-Ф. Вейдлера Наставления к подземной геометрии или маркшейдерской науке, переведены в Горном училище математики учителем Алексеем Мартовым. СПб., 1777.

Мотонис Николай Николаевич

Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несуеверном богопочитании. [Сочинение Николая Мотониса]. «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759.

[Эразм Роттердамский]. Десидерия Еразма Роттердамского разговор. Перевод с латинского Н[иколая] М[отониса]. «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759.

[М.-А. Мюре]. Речь о пользе и превосходстве свободных наук М.-А. Муретта, говоренная в 1555 году. Перевод с латинского Н[иколая] М[отониса]. «Трудолюбивая пчела». СПб., 1759.

Моисеенков Федор Петрович (1754—1781 гг.)

Веллея Патеркула Сокращение греческой и римской истории. С латинского языка на российский перевел Федор Моисеенков. СПб., 1774.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Марка Туллия Цицерона о утешении. [Перевел с латинского Федор Моисеенков]. СПб., 1775.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.

[П.-А. Малле]. Датская история г. Маллета, переведенная с французского студентом Федором Моисеенковым, ч. 1—4, СПб., 1777—1786.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Мошков Иван Кондратьевич

[Гелиодор]. Образ невинной любви, или Странные приключения ефиопской царевны Хариклеи и Феагена Фессалянина, сочинены на греческом языке Илиодором Емесейским, а с латинского на российский переведены коллежским регистратором Иваном Мошковым, ч. 1—2. СПб., 1769—1779. Тираж 1200 экз.

[И. Локцениус]. Иоанна Локцения Общество пчел, или Краткое сравнение правительства пчел с правлением гражданским. Переведено с латинского на российский язык Правительствующего сената регистратором Иваном Мошковым. СПб., 1772. Тираж 800 экз.

[Л. Бос]. Ламберта Босия Краткое описание правления Афинския республики. С латинского языка перевел Новгородского наместничества Верхней расправы прокурор Иван Мошков. СПб., 1779.

Некрасов Михаил Яковлевич (1712—1778 гг.)

Краткое наставление к рисовальной науке в пользу российского юношества, сочиненное Московского университета рисовальным мастером Михайлом Некрасовым. М., 1760.

Краткое наставление к рисовальной науке для цветов и узоров, сочиненное Московского университета рисовальным мастером Михайлом Некрасовым. М., 1764.

Краткое наставление к рисовальной науке для ландшафтов, сочиненное Московского университета рисовальным мастером Михайлом Некрасовым. М., 1766.

Нечаев Петр Осипович

[П.-Л. Мопертюи]. Опыт нравоучительной философии, показывающий истинные к спокойствию человеческого средства, сочиненный г. де Мопертюи, с французского языка переведенный Правительствующего сената протоколистом Петром Нечаевым. СПб., 1777. Тираж 800 экз.

Пермский Михаил (ум. 1770 г.)

Практическая англиская грамматика, переведенная с английского языка на российский Морского шляхетного кадетского корпуса переводчиком Михайлом Пермским. СПб., 1766.

Поленов Алексей Яковлевич (1738—1816 гг.)

[Ш.-Л. Монтескье]. Размышления о причинах величества римского народа и его упадка, с французского переведенные переводчиком Алексеем Поленовым. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

Феофраст о свойстве нравов человеческих, переведено с латинского [Алексеем Поленовым]. СПб., 1772.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Полетика Григорий Андреевич (1723—1784 гг.)

Ксенофонта О достопамятных делах и разговорах Сократовых четыре книги и оправдание Сократово пред судиями, переведенные с греческого языка надворным советником Григорием Полетикой. СПб., 1762, Тираж 2600 экз.

Словарь на шести языках, российском, греческом, латинском, французском, немецком и англиском, изданный в пользу учащегося российского юношества. [Составил Григорий Полетика]. СПб., 1763. Тираж 3800 экз.

[Эпиктет]. Епиктита стоического философа Енхиридион и апоффегмы и Кевита Фивейского картина или изображение жития человеческого. Переведено с греческого языка Григорием Полетикой. СПб., 1759.

Попов Михаил Иванович (ум. 1790 г.)

Описание древнего славенского языческого баснословия, собранного из разных писателей и снабденного примечаниями. [Сочинение Михаила Попова]. СПб., 1768.

2-е издание было опубликовано в 1772 г. в «Досугах, или Собрании сочинений и переводов Михаила Попова», ч. 1.

[Т. Тассо]. Освобожденный Иерусалим, героическая поема итальянского стихотворца Тасса, переведена с французского Михаилом Поповым, ч. 1—2. СПб., 1772.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 302 экз.

2-е издание вышло в 1787 г.

Попов Никита Иванович (1720—1782 гг.)

Юстин, древней универсальной истории Трога Помпея сократитель, переведенный с латинского на российский язык надворным советником Санктпетербургской академии наук членом и профессором астрономии Никитою Поповым. СПб., 1768.

Поповский Николай Никитич (1730—1760 гг.)

Письмо Горация Флакка о стихотворстве к Пизонам, переведено с латинского языка Николаем Поповским. СПб., 1753.

Кроме того, книга содержит четыре оды и один эпод Горация также в переводе Поповского. Тираж 637 экз.

Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете Николаем Поповским. «Ежемесячные сочинения», т. II. СПб., 1755.

[А. Поп]. Опыт о человеке г. Попа. Переведено с французского языка Академии наук конректором Николаем Поповским 1754 года. М., 1757.

Русский перевод сделан с французского прозаического перевода, изданного в Амстердаме в 1736 г. Тираж 1200 экз.

Книга переиздавалась в 1763, 1787 и 1791 гг.

[Д. Локк]. О воспитании детей г. Локка. Переведено с французского на российский язык Московского университета профессором Николаем Поповским, ч. 1—2. М., 1759.

Книга переиздавалась в 1760 и 1788 гг.

Протасов Алексей Протасьевич (1724—1796 гг.)

[X. Пекен]. Домашний лечебник, или Простой способ лечения, сочинен Христианом Пекеном, медицины доктором..., на российский язык переведен Алексеем Протасовым, Академии наук экстраординарным профессором и доктором медицины. СПб., 1765. Тираж 2400 экз.

Книга переиздавалась три раза. 2-е издание вышло в 1766 г. тиражом в 6000 экз.

[X. Пекен]. Способ, как сельским обывателям пользовать себя в оспе. Сочинение г. Пекена... Переведено Алексеем Протасьевым, медицины доктором и анатомии профессором экстраординарным Академии наук. СПб., 1766.

Оттиск из «Трудов Вольного экономического общества» (ч. 2, 1766). Напечатано для бесплатной раздачи. Тираж 1200 экз.

Разумов Алексей Михайлович (р. 1735 г.)

[А.-Ф. Бюшинг]. Бюшинга Руководство к основательному и полезному познанию географического и политического состояния европейских государств и республик, переведено с немецкого Алексеем Разумовым. СПб., 1763. Тираж 1200 экз.

Рубан Василий Григорьевич (1742—1795 гг.)

[М.-А. Мюре]. Марка Антония Мурета Отроческое наставление, данное племяннику его М. Антонию Мурету в 1578 году. Перевел с латинских стихов на российские переводчик Василий Рубан. СПб., 1770.

Краткие географические, политические и исторические известия о Малой России с приобщением украинских трактов и известий о почтах, також списка духовных и светских тамо находящихся ныне чинов, числа и прочая, из разных мест собраны и изданы в свет Василием Рубаном. СПб., 1773.

Две ироиды, или Два письма древних ироинь, сочиненные Публием Овидием Насоном, с приобщением авторовой жизни, содержа-

ний и нужнейших на каждое письмо изъяснений. Перевел с латинского на российский язык Василий Рубан. СПб., 1774.

Виргилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги. С латинского языка переведены... Василием Григорьевичем Рубаном... С приобщением перевода I эклоги Виргилиевой, называемой Титир. Для пользы российских училищ. СПб., 1777.

Краткая летопись Малой России с 1506 по 1776 год с изъявлением настоящего образа тамошнего правления и с приобщением списка прежде бывших гетманов, генеральных старшин, полковников и иерархов, также землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений. Издал Василий Рубан. СПб., 1777.

Румовский Степан Яковлевич (1734—1812 гг.)

Сокращения математики. Ч. I, содержащая начальные основания арифметики, геометрии и тригонометрии, сочиненная Академии наук адъюнктом Степаном Румовским. СПб., 1760.

Речь о начале и приращении оптики до нынешних времен..., говоренная в публичном собрании Академии наук июля 2 дня 1763 года астрономом и профессором экстраординарным Степаном Румовским. СПб., 1863.

[Л. Эйлер]. Письма о разных физических и философических материях, писанные к некоторой немецкой принцессе с французского языка на российский переведенные Степаном Румовским Академии наук членом, астрономом и профессором, ч. 1—3. СПб., 1768—1774.

Книга многократно переиздавалась.

Светов Василий Прокофьевич (1746—1787 гг.)

Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов, собранные и хронологическим порядком расположенные Иваном Стриттером. [Перевел с латинского Василий Светов], ч. 1—4. СПб., 1770—1775.

[А.-Ф. Бюшинг]. Османское государство в Европе и Республика Рагузская. Из Бюшинговой географии переведены на российский язык Василием Световым. СПб., 1770.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

[Тацит]. О положении, обычаях и о народах Германии. Из сочинений Кайя Корнилия Тацита. Переведено с латинского Академии наук переводчиком Василием Световым. СПб., 1772.

[Г. Ахенваль]. Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств, сочиненное Готтфридом Ахенвалом, перевел с немецкого языка Академии наук переводчик Василий Светов. СПб., 1779.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Сичкарев Иван

[Ш.-Л. Монтескье]. Храм Книдийский г. Монтескье. С французского переводил И. С[ичкарев]. СПб., 1770.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

[Элиан]. Елиана различные повести.., с еллиногреческого на российский язык перевел Иван Сичкарев. СПб., 1773.

В книге имеется перевод жизни Элиана из 2-й книги Филострата о жизни софистов.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 650 экз.

Сичкарев Лука Иванович (1741—1809 гг.)

Надгробная песнь в бозе вечно почившему ученому российскому мужу Михайле Васильевичу Ломоносову. От усерднейшего имени его почитателя Луки Сичкарева. 1765 года апреля 15 дня. СПб., 1765.

Забавный философ, или Собрание разных остроумно вымышленных повестей, удивительных сновидений и замысловатых для увеселительного наставления опытов. Перевел с аглинского Лука Сичкарев. СПб., 1766.

В «Предуведомлении» Сичкарева сообщается, что переводы сделаны из Аддисона, Джонсона, Свифта и других писателей и в ряде мест приспособлены переводчиком к русским обычаям и нравам.

[Т. Димсдейл]. Нынешний способ прививать оспу, к которому прибавлено несколько опытов, учиненных для усмотрения следствий, чтоб лечить подобным же образом и естественную, или природную, оспу. Сочинение барона Фомы Димсдаля, доктора медицины. Переводил с аглинского... Лука Сичкарев. СПб., 1770.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 2400 экз.

Смирнов Сергей Кириллович (р. 1747 г.)

[В. Робертсон]. История о государствовании Карла Пятого, с приложением наперед краткого начертания о приращениях сообщества в Европе, от разрушения Римской империи до начала шестагонадесять века. Сочиненная г. Робертсоном, доктором Единбургского университета... Перевел с французского р[егистратор] С. Смирнов, ч.. 1—2. СПб., 1775—1776.

Перевод вышедшего в 1769 г. сочинения известного английского историка, сторонника освободительных идей эпохи Просвещения.

Теплов Василий Егорович (р. 1731 г.)

Французская грамматика, собранная из разных авторов г. Ресто. На российский язык переведена Василием Тепловым. СПб., 1752.

Многократно переиздавалась в последующие годы.

[А.-Р. Лесаж]. Похождения Жилблаза де Сантилланы, описанные г. Ле Сажем, а переведенные Василием Тепловым, т. 1—4. СПб., 1760—1761. Тираж 1233 экз.

Первый русский перевод известного романа Лесажа, многократно переиздававшегося в последующие годы.

Третьяков Иван Андреевич (1735—1779 гг.)

Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях, в публичном собрании Московского университета..., говоренное оного же Университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором Иваном Третьяковым. 1768 года апреля 22 дня. М., 1768.

Слово о римском правлении и о разных оного переменах, в публичном собрании Московского университета..., говоренное оного ж

Университета свободных наук магистром, юриспруденции доктором и профессором Иваном Третьяковым. Июня 30 дня 1769 года. М., 1769.

Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов..., говоренное в торжественном Московского университета собрании июня 30 дня 1772 года, обоих прав доктором Иваном Третьяковым. М., 1772.

Трусов Яков Иванович

[Д. Дефо]. Жизнь и приключения Робинзона Круза, природного англичанина. Переведена с французского Яковом Трусовым, ч. 1—2. СПб., 1762—1764. Тираж 1200 экз.

Первый русский перевод «Робинзона Крузо». В последующие годы книга многократно переиздавалась.

Туманский Иван Григорьевич

[Ф. Фенелон]. О воспитании девиц. Сочинение г. Фенелона. С французского языка переводил Иван Туманский, Герольдмейстерской конторы переводчик. СПб., 1763.

Пелопонис или Морея с находившимися и находящимися в оной городами, областями и другими примечания достойными местами. Из Энциклопедии перевод И. Туманского. СПб., 1769.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 1200 экз.

Сборник содержит более 60 статей и заметок, посвященных Пелопоннесу.

О государственном правлении и разных родах оного, из Энциклопедии переводил Иван Туманский, Правительствующего сената переводчик. СПб., 1770.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Сборник содержит 24 статьи на политические темы: «Аристократия», «Демократия», «Деспотическое правление», «Завоевания», «Монархия», «Самодержцы», «Подданный», «Правление», «Тиран», «Узурпатор» и др.

Тредиаковский Василий Кириллович (1703—1769 гг.)

[Ш. Роллен]. Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, о персах, о македонянах и о греках, сочиненная г. Ролленом. А ныне с французского переведена чрез Василия Тредиаковского, профессора элоквенции и члена Санктпетербургской академии наук, т. 1—10. СПб., 1749—1762.

Перевод произведения известного французского историка эпохи раннего Просвещения.

[Ш. Роллен]. Римская история от создания Рима до битвы Актийской, то есть по окончание республики, сочиненная г. Ролленом..., а с французского переведенная тщанием и трудами Василия Тредиаковского, профессора и члена Санктпетербургской академии наук, т. 1—16. СПб., 1761—1767.

Житие канцлера Франциска Бакона. Перевел с французского на российский Василий Тредиаковский, профессор и член Санктпетербургской академии наук. М., 1760.

Книга является переработанным сочинением Д. Малле.

Страницы 1—221 второй пагинации занимают переводы из философских сочинений Ф. Бэкона.

[Ж.-Б. Кревье]. История о римских императорах с Августа по Константина, сочиненная г. Кревиером, учеником Ролленовым.., а с французского переведенная тщанием и трудами Василия Тредиаковского, надворного советника, т. 1—4. СПб., 1767—1769.

Переведены первые четыре тома 12-томной работы Кревье. Тираж 1200 экз.

Родословная история о татарах, переведенная на французский язык с рукописной татарской книги, сочинения Абулгачи-Баядурхана, и дополненная великим числом примечаний, достоверных и любопытственных о прямом нынешнем состоянии Северной Азии с потребными географическими ландкартами... [Перевел В. К. Тредиаковский], т. 1—2. СПб., 1768.

Первое издание на русском языке известного труда Абуль Гази «Родословное древо тюрок» (XVII в.).

Филатьев Алексей

Тысяча и одна ночь. Сказки арабские, переведенные с французского языка [Алексеем Филатьевым], т. 1—12. М., 1763—1774.

Первый русский перевод «Тысячи и одной ночи».

Флоринский Козьма

Господина Макера Начальные основания умозрительной химии, составляющей часть первую. Перевел с французского языка Косма Флоринский, ч. 1—2. СПб., 1774—1775.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 600 экз.

Фрязиновский Александр Никитич

[Гесиод]. Исиода Аскрейского творения, с греческого на российской язык переложенные Александром Фрязиновским. СПб., 1779.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 300 экз.

Чеботарев Харитон Андреевич (1746—1815 гг.)

[И. Фрейер]. Иеронима Фрейера Краткая всеобщая история, с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней Российской истории, для употребления учащегося юношества с немецкого на российский язык переведена, исправлена и умножена при Московском университете. М., 1769.

Переводчик включил в учебник Фрейера «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова.

Географическое методическое описание Российской империи, с надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще для наставления обучающегося при Московском университете юношества, из лучших новейших и достоверных писателей собранное трудами университетского питомца Харитона Чеботарева. М., 1776.

Первый учебник по географии России.

Чулков Михаил Дмитриевич (1743—1792 гг.)

Краткий мифологический лексикон. [Сочинение М. Д. Чулкова]. СПб., 1767.

Пересмешник, или славянские сказки, сочинены в Санкт-Петербурге [Михайлом Чулковым], ч. I—IV. СПб., 1766—1768.

Пригожая повариха, или похождения развратной женщины. [Сочинение Михаила Чулкова], ч. I. СПб., 1770.

Любовно-приключенческий роман из русской мещанской жизни.

Собрание российских песен; издал Михайло Чулков, ч. I—IV. СПб., 1770—1774.

Первый русский печатный песенник.

Шеин Мартын Ильич (1712—1762 гг.)

Лаврентия Гейстера в Гелмштадск[ом] университете професс[ора]... Сокращенная анатомия, все дело анатомическое кратко в себе заключающая. Переведена с латинского языка на российский Санктпетербургской адмиралтейской гошпитали главным лекарем Мартыном Шейном, т. 1—2. СПб., 1757. Тираж 1200 экз.

Иоаганна Захария Платнера доктора и профессора медицины в Лейпциге Основательные наставления хирургические, медические и рукопроизводные в пользу учащихся с прибавлением к тому изобретенных некоторых инструментов или орудий и других вещей, к лекарскому искусству принадлежащих. Переведены с латинского языка на российский Санктпетербургской адмиралтейской гошпитали штаб-лекарем Мартыном Шейном. СПб., 1761. Тираж 1200 экз.

Эмин Федор Александрович (ум. 1769 г.)

Письма Ернеста и Доравры. Сочинение Федора Эмина, ч. I—IV. СПб., 1766.

Первый русский философский эпистолярный роман.

Приключения Фемистокла и разные политические, гражданские, философические, физические и военные его с сыном своим разговоры, постоянная жизнь и жестокость фортуны, его гонящей. Сочинил... кабинет-переводчик Федор Эмин. СПб., 1763.

Нравоучительные басни Федора Эмина. СПб., 1764.

Яновский Фома Максимович (р. 1747 г.)

[А.-Ф. Бюшинг]. Италия из Бюшинговой географии, с немецкого на российский язык переведена Фомою Яновским. СПб., 1776.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 500 экз.

[А.-Ф. Бюшинг]. Азия и Аравия из Бюшинговой географии, с немецкого языка переведена губернским секретарем Фомою Яновским. СПб., 1778.

Издание «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг». Тираж 500 экз.

Обе книги представляют собой отдельные части 11-томной всеобщей географии Бюшинга.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ОГЛАВЛЕНИЕ

■

Михаил Михайлович Штранге

Демократическая интеллигенция России в XVIII веке

Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР

Редактор *Ю. Я. Коган.* Редактор издательства *Г. З. Иоффе*
Художник *М. Л. Компанеец.* Технический редактор *Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 28/I 1965 г. Подписано к печати 13/IV 1965 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 9,63. Усл. печ. л. 15,78. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 2000 экз. Т-00666. Изд. № 4230/04. Тип. зак. № 5534.

Цена 1 р. 25 к.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА» ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ в 1965 г. СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Борзунов В. Ф. Пролетариат Сибири и Дальнего Востока накануне первой русской революции. 12 л. 75 к.
Книга посвящена освоению Сибири и Дальнего Востока на рубеже XIX—XX вв. В ней подробно анализируется социальный и национальный состав, правовое и экономическое положение строителей Транссибирской магистрали.

Виленская Э. С. Революционное подполье в России в середине шестидесятых годов XIX в. 25 л. 1 р. 70 к.
Главное внимание в книге уделено истории образования и деятельности так называемого Ишутинского кружка в Москве (1863—1866).

Волк С. С. «Народная воля». 30 л. 2 р.
Книга о «Народной воле» является первым в советской историографии сводным исследованием об этой крупнейшей народнической организации.

Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. 20 л. 1 р. 40 к.
Автор на огромном документальном материале раскрывает роль разных слоев интеллигенции на основных этапах первой русской революции, обобщает опыт работы пролетариата и его партии среди демократической интеллигенции, рассказывает о том, как интеллигенция, преодолевая свои колебания и сомнения, втягивалась в активную революционную борьбу. В книге освещается деятельность в период революции передовых русских писателей, художников, композиторов, артистов и ученых.

Итенберг Б. С. Движение революционного народничества («Хождение в народ» в 70-х годах XIX в.). 25 л. 1 р. 70 к.
Центральной проблемой книги является «хождение в народ» революционно-демократической молодежи. В работе исследуются идейные и организационные предпосылки «хождения в народ», его характер, масштабы, результаты и значение для развития программных и тактических положений революционного народничества.

История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. 55 л. 2 р. 50 к.
Это издание является первым фундаментальным библиографическим пособием, в котором отражена история изучения в нашей стране отечественной и всеобщей истории, археологии, этнографии и других исторических дисциплин, а также историография отдельных народов и местностей.

Общественное движение в пореформенной России. 24 л. 1 р. 65 к.
Статьи сборника посвящены программе журнала «Вперед», мировоззрению Михайловского — одного из идеологов народничества, демократической журналистике, деятельности революционно-народнических кружков, процессу «193-х». В ряде статей рассматриваются вопросы соотношения рабочего и народнического движений, влияние второй революционной ситуации на программу и тактику народников, пропаганды народовольцев среди крестьянства, борьбы марксизма с легальным народничеством.

Очерки истории исторической науки в СССР. Том IV. 50 л. 3 р. 20 к.
IV том «Очерков» — первый обобщающий труд, показывающий становление и развитие советской исторической науки, начиная с Великой Октябрьской социалистической революции до середины 1930-х годов.

Предварительные заказы на эти книги следует присылать по адресу: Москва, Центр, Б. Черкасский пер., 2/10, магазин «Книга — почтой» конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Адреса магазинов «Академкнига»:

Москва, ул. Горького, 8 (магазин № 1); Москва, ул. Вавилова, 55/5 (магазин № 2); Ленинград, Д-120, Литейный проспект, 57; Свердловск, ул. Белинского, 71-в; Новосибирск, Красный проспект, 51; Киев, ул. Ленина, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6; Алма-Ата, ул. Фурманова, 139; Ташкент, ул. Карла Маркса, 29; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Уфа, 55, Проспект Октября, 129.

«АКАДЕМКНИГА»